

18+

САМКА
ЧЕЛОВЕКА
ИЛИ
КОНЕЦ
ЖАРЫ

Вероника
Айская

Вероника Айская

**Самка человека, или Конец жары.
Роман в стиле импрессионизма**

«Издательские решения»

Айская В.

Самка человека, или Конец жары. Роман в стиле импрессионизма /
В. Айская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552377-8

Её называют «Монахиней», но она не слышит, пока однажды... Неэротический роман о сексе. Или эротический роман о Боге. Об отношениях с Ним. История про то, как, сорвав позвоночник, можно вспомнить, что я — женщина. И что женщина — это не только набор духовно-нравственных установок, правил и норм и обязанностей, но — тело, естество, стихия... И что на Земле нас вообще только двое: мужчина и женщина. А всё остальное нами придумано... Роман-дневник, роман-впечатление, роман-размышление.

ISBN 978-5-00-552377-8

© Айская В.
© Издательские решения

Содержание

Начало	6
Стрижка-бритье. Инстинкт пахаря-сеятеля	19
Ягода-клубника	25
Кукла в сиренево-розовом	29
Уже не совсем было детство.	33
В поезде. Впечатление	36
Элька	39
Киев. Владимирский собор. Последнее лето детства.	44
Наталья	48
Паша. Я жду тебя...	52
Анюта. Обаяние доброты	58
ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ БАНЮ	65
Сочные губы Лены.	69
«Достоевский». Снятие масок.	72
Мария Египетская	77
Элькин звонок.	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Самка человека, или Конец жары

Роман в стиле импрессионизма

Вероника Айская

*Однажды я встретил маленькую зеленоглазую девочку
со светло-русыми волосами-косами. Она несла свечу.*

Я спросил ее: «Что это за свет?»

*Она же сразу задула огонь и спросила: «Скажи, куда он пропал, и я
скажу, откуда он появится».*

Мне иногда кажется, что я знаю эту девочку.

Да и ты, мне думается, тоже...

Вольная трактовка суфийских притч.

Ах, далеко до неба!

Губы – близки во мгле...

– Бог, не суди! – Ты не был

Женщиной на земле!

Марина Цветаева.

Целому морю – нужно все небо.

Целому сердцу – нужен весь Бог.

Марина Цветаева.

© Вероника Айская, 2021

ISBN 978-5-0055-2377-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало

Она лежала в комнате родительского дома. Одна, в большой и темной комнате. В деревенской, мягко беззвучной ночи. Было так тихо, что она слышала как, смыкаясь, стучат ее ресницы.

Изнутри разрасталась гудящая напряженностью плотно сжатая пустота... Пустота разносила и распирала всю её в шар, с угрозой лопнуть, но не лопающийся. Казалось странным, что она вмещается в кровать, в комнату, в дом. Все это оказывалось внутри «шара», но тот оставался пуст – невозможно, невероятно непереносимо пуст. Ее томила и давила эта невыносимая легкость пустоты. Она ждала, чем и когда это закончится, слушая надоевшую непривычность этого процесса, и, как всегда, не представляя, что же делать...

Пора бы уже заснуть. Но, днем прилежно забытое одиночество, нагло скуля, как деревенский пес, которого никто и не трогал, хотя никто и не снял с цепи, теперь распласталось, расплющило ее по кровати.

Совсем некстати: утром рано вставать! – Ну, и что? И кого ты убеждаешь?

«...Ну, приходи уже, пожалуйста!.. Сколько мне еще ждать?.. Как пусто Господи! Ну, тяжело это, Господи, а! Терпеть это! Миленький! Ну, нет больше сил уже! Ну, пошли мне мужчину, Господи!.. Или не Ты этим заведешь?.. Или кого мне просить? Господи? Ведь я всего лишь женщина, я не могу уже одна! Совсем не могу!..»

И, как всегда, из неподвластной этому шару, где-то оставшейся территории себя, вытянув отчаянье, она разрыдалась, колебля раздувающуюся в никуда пустоту... Та стала медленно смягчаться, сокращаться и нехотя оседать, как хорошо подошедшее дрожжевое тесто от толчка лопатки...

Он детально измерил ее взглядом, словно бы между прочим, но не таясь.

– С удовольствием бы вас подвез, но, извините, дела! – элегантно развернулся в противоположную сторону, и уехал.

Она стояла на краю районного села, из которого теперь нужно добраться до областного города. А там до другого районного села. Всего км 180, не больше. Только автобус в область один, и в него уже не влезть: вчера была «Родительская», и толпы горожан стремились покинуть могилы предков.

Странно... увидев эту роскошную иссиня-черную машину, явно неместного места обитания, у дома недалеко от трассы, она была абсолютно уверена, что это – ура-ура! – Мироздание приготовило сюрприз! – для нее... Она пожала плечами.

Ей было комфортно – она оделась удачно по погоде. Весна холодная, сухая, с ветром, без дождя. Деревья и поля скучно голые, будто забыли, что зима позади, а не впереди. Но сегодня безветренно. И легкая, еле уловимая влажность. «Облачно, без прояснений». Абсолютно серая погода, когда затянувшееся предвосходное утро внезапно сменяется ночью, так и не побыв ни днем, ни вечером. Когда-то ее почти единственная любимая погода. Сейчас она и солнцу, впрочем, рада... Но – хорошо. Еще бы дождя. Это – снаружи. Внутри – глубоко-наплевательское спокойствие, где-то даже нагловатое, и внешний дорожный мандраж придавал ощущение приключения.

Прополз туго набитый автобус. Прошли две женщины, посоветовали голосовать за АЗС, там лучше берут. Мимо проезжали переполненные попутки, все реже и реже. Походив туда-сюда, дошла до АЗС. Изредка проезжавшие селяне махали руками: едут не туда, куда-то в поле, – добрый знак заботы и сочувствия: «мы бы взяли...» – точная примета, что кто-то всё-таки подберёт.

– Ну, и вот! – усмехнулась она.

– Видно, мне придется-таки вас подвезти.

– Придется-придется, – она радостная открывала заднюю дверцу, – а куда вы едете? – спросила она для порядка.

– Я еду *далеко*, – подчеркнул он, как ей услышалось, со снисходительной иронией: мол, куда бы ты, девочка, по этим сельским просторам не ехала, мне все равно дальше.

– А куда? Мне до областного.

– Ну, значит, со мной вы доедете до N-ска, – менее самоуверенно назвал он город в 120 км отсюда.

(Ха-ха! «1:0» в мою пользу!).

От N-ска в область множество маршруток. Задача доехать решена, осталась еще одна важная – найти ночлег. Но времени теперь будет предостаточно. Можно расслабиться. Машина уютная и свежая. Может, даже удастся вздремнуть? Она нехотя припомнила минувшую полу-бессонную ночь, отзывавшуюся излишним сердцебиением и зябкостью...

Но... – можно было не смотреть и не говорить: их тела уже стянуло восьмеркой взаимного желания. Позабывтое (а когда такое было-то? а было ли вообще?..) ощущение сладкой волной поднялось в ней сразу, еще в тот его изящный разворот, и теперь накатывало, растекалось по телу, заполняло, журчало в крови, смывая мягко уверенно все остальные впечатления.

Она смотрела в окно. Он задавал вопросы, обычные в подобной ситуации. В город – по делам или домой? По делам. С кем живете? С родителями. Родились здесь или приезжая? Приехали, лет 9 назад. Откуда? С Урала. Почему? Так, обстоятельства семейные...

Глаза в ироническом прищуре, губы в полуулыбке, как у Чичикова: хочешь, считай одобрительной, а можно – и презрительной. Тон покровительственно-приветливый. На левой ладони – многозначительно небрежно висят четки. Проезжая мимо церкви, он перекрестился будто совсем привычным движением. Она улыбалась про себя, наблюдая его игру в настолько успешного, что даже обогащенного глубиной и разнообразием внутренней жизни, человека.

Подробность его вопросов, перешедшая формальную вежливость, не совпадала с одно-сложностью ее ответов.

В одном из сел он вышел у здания то ли ВД, то ли суда. Здесь уже была другая погода. Сквозь неплотные облака просвечивало солнце. Дальше березово-степная гладь переходила в большие острова ее любимых сосен, череду сопок и речек. Он вернулся в машину со словами:

– ...Ваши голубые глаза, – начало она пропустила. Подумала, что у него самого голубые глаза. А ее сегодня и впрямь сияют лазурью – она отметила утром в зеркале – словно вопреки серому небу. Так обычно бывает после бани: ее пухлые щеки утоньшаются, глаза становятся больше, а после разового недосыпа приобретают особый глубокий блеск.

– Ну-с, и что же вы молчите? Рассказывайте что-нибудь.

– А что же вам рассказать? Может, вы тему предложите, завяжется беседа?

– Ну, мне сложно с вами беседовать, не видя вашего лица. – Он остановил машину. – Вы меня не поняли? – голос звучал властно. – Пересядьте вперед. – Ему явно хотелось повелевать. Ей, с каким-то наслаждением – подчиняться.

Она пересела. Однако беседы он не завел.

– Ну-с, я жду.

– Я так не могу: в одни ворота играть. Почему бы вам тоже что-нибудь не рассказать? ... Если поговорить охота... – она хотела сказать, что диалог все же приятнее...

– Я не понимаю, кто кого везет? Я вас везу – вы должны рассказывать.

– А-а, извините, теперь поняла. – («Приоритеты расставлены») – ...Стихи вам, что ли почитать?

– Почитайте стихи.

Она посмотрела на него, он не шутил. Даже ничуть.

– Выхожу один я на дорогу... – логично вспомнила она. Когда-то это стихотворение она помнила постоянно: оно было лейтмотивом ее состояния. Однако, видимо, ей неплохо удалось его изменить: порядком переврала все стихотворение, переместив в нем почти все двестишья. От удивления она то убыстряла темп, то останавливалась перед очередной строфой, не решаясь врать дальше. – ...Ну, вот, в целом где-то так... – смущенно пробормотала она.

Он терпеливо и даже сосредоточенно слушал, словно она находилась на вступительном экзамене в театральное училище.

– Ну, хорошо. Только вот, с дикцией у вас что?

– С чем?! – она не знала, то ли смеяться, то ли плакать. На ее счастье, он опять остановился и вышел. Вскоре вернулся.

– Ну-с, и что дальше?

– Дальше чего?

– Что вы мне еще расскажете?

Ага, понятно. Действительно, скучать в машине он мог и один. С ее стороны требуется что? Развлекать по полной программе. «И чтец, и жнец, и на дуде игрец». Картинки из сельской жизни она ему рассказала, стихи худо-бедно, хоть и без дикции, прочитала. А вот дуды у нее нет.

– Может, вам сплясать? Только машину придется остановить, тут негде.

– Мне некогда.

Он замолчал. Как показала практика, скорее всего ненадолго. Она решила, что нужно «вернуться к нему лицом». Но для этого не играть в предложенную им игру. Может быть, человеку хочется общаться, но он не умеет по-другому. Она перестала глядеть в окно и развернулась к нему. Прямо, без иронии посмотрела в его прищуренные глаза, давая понять, что готова поддержать, и это ничем ему не угрожает.

– Давайте познакомимся, что ли? Вы уже час со мной едете, – предложил он, – Олег.

– «Ну, вы только минуту как до меня приспустились». Женя.

– Евгения, значит?

– Не Евгения, – она с привычным маленьким удовольствием дала ему паузу удивиться.

– ...А кто?

– Жания. У меня мама – татарка, – сразу пояснила она.

– Да? А совсем не похожи. А папа? Русский?

– Русский. Он по родителям из казаков, уральских и донских.

– Интересная смесь получилась.

– Обыкновенная. Не знаю, как здесь, а на Урал столько всякого народа понаприсылали. Обычный винегрет. Только я, как раз таки один в один похожа на деда, вернее на его сестер – *мамино* папы, – не преминула подчеркнуть Жания. Он взглянул на неё повнимательнее, но ничего, видимо, не нашел, что по его мнению должно было подтвердить ее сходство с ее двоюродными татарскими бабушками.

– А мы здешние, сибиряки, крестьяне – сказал он с подчеркнутым достоинством: дескать, мы из простых и гордимся этим. – Бабушка немка, правда. Сибирская немка. Это было первое, что он в свою очередь сообщил о себе, кроме «Олега».

Так звали ее позапрошлую любовь... Все же, имена чем-то своим наделяют людей. Этим *чем-то* они были похожи.

– Вы почему не были замужем? – после паузы спросил он.

– Как-то не случилось...

– А что должно было случиться?

– Любовь, наверное.

– А что вы называете любовью?

– «Ну, дает!» ...Расшифровывать этот термин считаю делом безнадежным. А позвольте встречный вопрос, вы женаты?

– Сейчас... – он запнулся – и взглядом тоже, и быстро поправился, однако она еще быстрее заметила. – Я свободен.

«Сейчас я свободен, – все понятно», – подумала она, что уже точно романтики из этого не получится... а так хорошо все начиналось.

– И что вы ни разу даже не пробовали?

– А что вы называете словом «пробовать»?

– Люди сходятся, не получается, расходятся.

– Не знаю... по-моему, человек не пирог...

– Так вы, наверное, просто не хотите замуж? Вы феминистка, может быть?

– О! – усмехнулась Женя, – Ну, уж нет, увольте! Я вообще никакая не «истка» принципиально причем. Нет, почему же, я – за единство и гармонию двух начал – тоже принципиально, причем. И даже признаю, что у каждого начала – свои разные роли. И я хочу замуж, – во всяком случае, в этот момент она так искренно думала. В юности и очень долго Женя и правда не хотела замуж, но последние несколько лет она *гордилась, тем достижением своего внутреннего развития*, что она этого хочет, и даже может вот так откровенно это заявить.

– Ну, если б вы хотели, вы хотя бы пробовали.

– А как подолгу вы пробуете?

– Года по 2—3... По-разному. По полгода

– И что же, сколько вы еще предполагаете пробовать?

– Пока не встречу ту, которая полностью меня устраивает.

– Я не вижу, чем ваш вариант поиска лучше моего.

– Я прикладываю усилия составить семью, ячейку общества.

– А почему же расходитесь? Если прикладываете усилия?

– Женщины меня не устраивают. Не удовлетворяют моим требованиям как жены.

– А, ну, да, понятно, – кивнула она, – А если не секрет, какие у вас требования?

– Ну, как?... Человек живет, у него само собой есть нормальные требования. Если женщина их не выполняет, я не могу с ней жить.

– Ну, понятно, что они, наверное, нормальные. А ваша женщина о них знает?

Он помолчал и пожал плечами.

– То есть, вы когда 2—3 года живете с женщиной, вы пробуете, пока пробуете, их как-то ей озвучивать?..

– Ну... – недоуменно пожал он плечами.

– Я имею в виду, вдруг она их просто не знает?

– И так понятно... – неуверенно добавил он.

– Кому понятно? Это вам понятно.

– Ну, как это? Понятно и все, – он снова пожал плечами.

– Они же для вас – само собой нормальное явление?... А потом, может быть... Ваши требования все действительно такие жизненно-необходимые для вас? Может, из-за чего-то и не стоило расставаться? Может, на какой-нибудь ерунде не сходитесь?

– Может быть... – он совсем посерьезнел. – Но живешь на бегу, разобраться некогда...

– Но если уже столько пробуете безрезультатно... Может быть, оно того стоит – разобраться?

– ... – он молчал. – ...И вообще, большинство женщин коварно.

– Ой! Да, что вы?

– Ну, да.

– Ну, слушайте, как удачно я вас встретила! Какая прелесть! Мне всегда хотелось узнать про женское коварство. А вдруг, я коварная, и не знаю? Расскажите?

- ...Ну, например, беременеет без моей воли.
- А! Да, что вы! Без вашей *воли*? – ей стало смешно. Хоть бы слово другое подобрал, что ли. – А как это – без вашей?
- Ну, как... я не хочу, а она беременеет, чтобы меня к себе привязать.
- А-а!.. А от кого беременеет-то?
- Ну, от меня, конечно... – как-то уже не уверенно произнес он.
- А! Я уж думала от Духа Святого! – ей правда было смешно.
- Я не хочу...
- Да, я слышу... То есть вы лежите, спите. Вообще ее в первый раз... – даже не видите, а она вас связала – и беременеет против вашей *воли*.
- Вы все переворачиваете.
- С головы на ноги, – кивнула она. – Вы что же, не знаете, что занимаетесь именно тем, от чего бывают дети? Она коварная, беременеет без вашей воли, уже бы сказали, без участия. Иосиф, понимаете, такой...
- Какой Иосиф?
- Не важно. Проехали, – вспомнила, как по пути он перекрестился на церковь. То есть вы – не поклонник Экзюпери, и не считаете, что в ответе за тех, кого приручили?..
- ... – он опять замолчал, пытаясь найти возражения.
- Ну, вот! Поэтому, я и не пробую. Все очень просто. Я же тоже человек, а не пирог, не нужно меня пробовать. И мне мои взгляды на жизнь... да и на людей не позволяют просто пробовать другого *человека*.
- Но что ж теперь, не пробовать? А как же понять, хочу я с ней составить семью или нет?
- А как-то вначале – непонятно? Как вы начинаете отношения, откуда я знаю? Как там, в «Маленьком Принце»? «Нужно соблюдать ритуал...» Не помните? Вы читали?
- Не помню... может и читал, в детстве...
- Но это для взрослых сказка... А то, я попробовал 2—3 года... мне не нравится, я ухожу. Я хороший, у меня нормальные требования, а она их не исполняет, да еще и коварная. Это – не проба, это вы уже полпирога съели.
- Но я сразу говорю, что ничего не обещаю.
- Ну, удобно, удобно. И что это меняет по существу?
- Что не надо надеяться...
- Ага! Ну, то есть, в итоге, надеяться – это и есть коварство?.. А вы всерьез полагаете, что можно 2—3 года жить вместе и не надеяться?
- Ну, а что?
- Да, ничего, – ей стремительно становилось опять как Лермонтову: и скучно, и грустно, и даже некому руку подать... И вообще, она не выспалась, и ей снова сильно захотелось спать.
- ...Ну, скажите, как вы думаете.
- ...Вот интересно, «коварство». Вспомнила мужчину одного. Он был сотрудник моей мамы. Мы в одно время были на их институтской турбазе. И как-то, ходили вместе в соседнюю деревню... Ему 28 лет было, а мне 15, и я ему нравилась – было заметно. Ну, я по праву еще ребенка прикидывалась, что не замечаю. Он был совсем не в моем вкусе... – она вовремя остановилась, не договорив мысль: «Похоже, вообще, из тех, кто редким женщинам нравится... И в сексе он был, скорее всего, совсем никак... ни тебе чета...», – Он добрый такой, хороший, открытый, такой весь непосредственный. На эту его непосредственность не откликнуться было невозможно, как на ребенка... А он влюбчивый, видимо... – она задумалась, вспомнив, как тот на неё влюблено смотрел, – И, видно, всерьез семьи хотел, детей, – («Он же, кажется, потом ушел в детскую спортивную школу преподавать?»). – Ну, и, наверное, скорее всего, пострадал от кого-то на этом несовпадении. И вот, он произнес с таким сердцем: «А женщины –

коварные»... я тогда и запомнила это слово, и все хотела понять. Да, похоже вы с ним о разном, даже о противоположном. Вот вам и слово. Слово одно, а люди – разные.

– Ну... не знаю, – пожал Олег плечами.

Они оба замолчали. Он ей – как *ей* – был уже не интересен. Хотя тело еще не успокоилось. Но это ничего не значило.

– Ну, ладно... А что же делать, если женщина разонравилась?..

– Ну, это знаете... Как у вас вообще отношения складывались?.. Слишком у нас с вами разный подход и к отношениям, и сексу с самого начала... Два-три года – конец химии, и ждем другую, потом еще другую... Вам сколько лет? Извините, вы не дама.

– 35.

– Сколько вы уже перепробовали? Всех в радости после своих проб оставили?

У нее внутри звучало длинное: «Фи». Тема затронута напрасно, но он сам в нее втянул. Она молчала.

Ей становилось все скучнее и грустнее. Нет, конечно, она и раньше слыхала о подобном взгляде на жизнь и отношения, но встретиться в лоб с носителем этой идеи – довелось впервые. Едва она успела из зябкой ночи перескочить через бодрящее дорожное настроение – в волнуемое с *явным запахом романтики* дорожное приключение – как уже стало понятно, что ничего такого не будет. То есть, конец был очевиден, хотя по сюжету только-только разгоралось начало. Даже непонятно, зачем смотреть это кино...

– Чего вы молчите?

– А о чем говорить?

– Как по-вашему тогда пробовать?

– Ну, не знаю... как-то по-другому... Ну, вот с чувством ответственности к человеку, к отношениям...

– Скажите мне ваше мнение на эту тему. Какие у вас взгляды?..

– Мы с вами о разных вещах говорим. О разных уровнях этих вещей.

– Ну, скажите, как вы думаете.

Вот, как раз после такой ночи – такой разговор больше всего и мечтала вести... Хотелось – вообще другого. А тут заново сплошная сублимация. Хотя, впрочем... А вдруг, какие-то неожиданные ходы? Ну, хорошо, давайте поговорим, вздохнула она, усмехаясь над собой.

– Вы сказали: «Я прикладываю усилия составить семью». В чем ваше усилие?

– Ну, вот, в том, что я пробую жить вместе. Два-три года.

– 2—3 года – это химическая реакция, всем известно, вам нет?

– Ну, допустим... – кивнул он.

– Она случилась – вы сошлись, она закончилась – вы разошлись. При чем тут вы? В чем ваше усилие? Вам за это время даже ребенка сделать в лом...

Он насуплено и упрямо смотрел вперед.

– ...А что, она дырки в презервативах делает втихаря? Вы себя не считаете коварным, что живя с женщиной – по 2—3 года! – уже даете ей надежду, не считаете, что ее к себе привязали, и уходите...

– Я же предупреждаю, чтоб не надеялась...

– Ну, что за нафиг?! – рассердилась она, – тогда о каком коварстве речь? У вас свое удовольствие, у нее свое.

– Ну, вы не сердитесь...

Она молчала.

– Расскажите мне, как вы на все это смотрите, – он серьезно-просяще взглядывал на неё, вытаскивая ее из молчания. Они встретились взглядами. – Может, я что-то пойму...

– Как я на все это смотрю... – она вздохнула. – Я считаю, секс сам по себе дает надежду, – медленно начала она, не решив, стоит ли углубляться в эту тему, но он с ожиданием в лице

оглядывался на нее, а у неё другой не родилось. – Ну, и между прочим, не только женщинам... У меня, например, была история с парнем, вот как раз почти три года тянулось это – история *его* любви. А я его не любила. У меня до него уже были мужчины, в смысле секс был. И по тогдашнему своему к этому отношению, я могла бы с ним просто так *побыть*. Но для него это было бы – все: уже пара, семья, единое-целое – все, что хотите. И если бы я потом ушла, это для него была бы реальная трагедия. И наверняка, он бы тоже переживал это как *коварство*. Вот вам и «здрасьте». И смысл был бы – да? – уж точно прямо противоположный вашему.

– И у вас ничего не было, вы хотите сказать? За *три* года?

– У нас было общение. Типа дружба. И сейчас мы типа дружим. Больше, правда, с его женой. Он женился, слава Богу. Я у них бываю, когда приезжаю на родину.

– Ну, таких мужчин все равно меньше.

– Каких таких?

– Однолюбов.

– Так вы считали, что ли? Это вам так спокойнее себя считать большинством. Подводите идеологическую базу под свое поведение. А есть другие мужчины. И я их вовсе и немало встречала.

– А что же вы за них замуж не вышли?

– За всех сразу?

– За одного кого-нибудь.

– Ну, потому что хотелось бы не просто порядочного мужчину, но и любимого. Я это вам говорю не о своих личных отношениях, а вообще о *таких* мужчинах, – она вспомнила опять его тёзку и вздохнула. «И вот в этом месте ваше как раз большое отличие».

– Ну, скажите мне, как вы считаете, – он уже перестал щурить глаза, и был искренно сосредоточено серьезен.

– Я считаю, что если секс – изначально для рождения, то это и вообще акт творения и созидания. Примерно так.

– А для удовольствия?

– Безусловно, удовольствие очень не помешает при этом. Удовольствие в контексте созидания, само по себе созидательно, конечно. Я – за осознанность. Человек был один, а стал частью целого, творящего, созидającego целого... Вот, вы чем занимаетесь по жизни?

– Бизнесмен, – пожал он плечами.

– Деньги зарабатываете?... Деньги – вещь безликая, они ничего вашего не несут... Честно говоря, я вообще не понимаю: если такое уважение трепетное к тому, что вы же сами считаете своим *достоинством*, ассоциируете себя с ним! – к его желанию – никак нельзя пропустить, да? – что ж такое пренебрежение и забывчивость-то к его содержанию? Оно вылетело из тебя и, вдруг, стало целым человеком. Судьба не плюнула и не растерла эти миллионы тебя – дала кому-то жить. А вам обидно, да? Какое коварство! Может статься, пройдет время, и вы поймете, что это единственное, что вы создали.

Он посмотрел на нее затуманенным взором. «Так, ага, поехало. Смысл он, может, не ухватил, зато образ – подействовал. Ты поосторожнее со словами-то, Жень...»

– Ну... – он кивнул, – но я так глобально не думал, конечно.

– «А ну, ладно, может, что-то ухватил», – А почему «конечно»? А вы подумайте. На то мы и люди...

– Я подумаю, – он серьезно кивнул. – Конечно, нужно, наверное, разобраться. ...А может, вы мне поможете?

– Мы уже подъезжаем к N- ску.

– У меня здесь дело минут на 40, если вы подождете, я вас довезу. Вам куда там?

– Мне дальше еще, до Зеленого Лога, знаете?

– А что там?

- Врач. Мануальщик.
- Мануалист, – уверенно поправил он, – а вам зачем к нему?
- Надо. Сеанс в 8, времени полно. Хотите – поговорим.
- Надо поговорить.

«Вот, интересно, как повернется эта дискуссия: *конечно* он будет разбираться или *наверное?*» Она сидела в машине. Они заехали на какую-то производственную территорию. Он сначала рядом разговаривал с подошедшими мужчинами. Она смотрела на него из окна. Он обращался на нее. Потом они все ушли.

Номер, который ей дали друзья, где можно недорого остановиться в областном, упорно был занят. Еще ей обещали, если что, сдать комнату в доме самого мануальщика.

Они быстро доехали до областного, он опять куда-то зашел.

– Давайте я доведу вас до Зеленого Лога, вдруг, вы раньше попадете?

– Давайте. Мне еще нужно про ночлег договориться.

– А что, у вас сложности?.. Может, мне вас приютить? – Он повернулся к ней на несколько секунд... – И поговорим спокойно. Мне действительно нужно что-то понять.

– ... – она тоже посмотрела ему в глаза, – «Ну, насиловать он меня не будет. А остальное, если что, – его проблемы. Обещала же поговорить». – Не знаю, как получится.

Она подумала, что, все же, любой человек в какой-то момент может захотеть быть искренним с собой. И часто нужен другой человек. Ничто человеческое никому не чуждо, в конце концов. Почему нет?

Через 20 минут как они подъехали к мануальщику, оказался освободившийся сеанс. А вот, комната – наоборот, уже занята. Забавно. Вариантов-то и нет, гостиница не по карману. Она вышла к нему. Он сидел в машине и явно ждал, надеясь. «Как в кино, однако», – оценила она сюжет и сцену. Сказала, что освободится через час двадцать.

Мануальщик был местной знаменитостью. Попасть к нему было вообще большой удачей. Записываться нужно было за полгода. Диагностировал руками и глазами, после рентген 100% подтверждал диагноз. Её зимой привезли друзья – мебельных дел мастера. Они делали заказ для мануальщика. У врача уже было все занято на до-июля, однако из восхищения ее друзьями-мастерами он записал её дополнительным сеансом на май аж на 8 вечера.

... Два года назад она сорвала-таки позвоночник на их в 40 соток огороде.

Личная жизнь закончилась. Да и до того – была ли она? Вот, Олег – позапрошлая любовь – женатый мужчина, которого Женя полюбила сразу, но постепенно: заморожено вслушиваясь, всматриваясь, и, в одночасье очарованная, окончательно разрешила себе: «Я – влюбилась!». Чувство имело даже некую взаимность при полной бесперспективности и в физическом, и матримониальном плане. Ни она, ни он ничего не собирались с ним делать. Ей её взгляды не позволяли. Ему – его – тоже. Но взаимность чувствовалась. И не только в том, как мгновенно просветлялось при виде неё его лицо, и смягчал голос, но и в полном отсутствии ощущения неуместности либо глупости ее чувств. Она ходила и светила и чувствовала себя женщиной – красивой, привлекательной и обаятельной безо всяких аффирмаций и аутотренингов.

... По дороге обратно, до N-ска, больше не разговаривали. Хотя она настроилась на душевный разговор, предвкушая роскошь человеческого общения. Но он будто не собирался уже, был в каком-то другом настроении, словно решал: надеть обратно маску, или пусть побудет пока рядом... А может, он просто устал, он, ведь, вел машину и работал, а она ехала.

В городе он заехал во двор девятиэтажки, и зашел в квартиру. Поехали дальше, за город, в дачный поселок. Красиво. Вокруг стройные молодые сосны. Сразу у сосняка – его ворота. За ними – сибирский дизайн по необходимости, но очень декоративно: ползущие плодовые деревья. Ну, совсем ползущие. Здорово! Какой-то мастер старался. Аккуратные дорожки.

В доме кухня, большой холл с камином. Диван, 2 кресла, столик. Лестница на второй этаж. Олег затопил печь. Предложил ей приготовить себе, он поел в городе. Ушел топить баню.

– Ну, что? В баню идем?

– Идите. Вы – первый.

Он постоял. Ушел. Вернулся через час.

– А я буду часа 1,5, – это потому, что она вообще-то, вчера только была в бане.

Вообще, везде аккуратно, чисто. Ни в доме, ни в бане, правда, не было ни одного следа присутствия женщины. Но Женя уже точно знала, что она есть: по одному из телефонных разговоров, как он ни старался придать ему вид делового, были слышны ее интонации. «Видимо, она у него еще как раз полгода, и сюда он ее не возил. А меня он в квартиру не повез. Логично. Тоже аккуратно».

Она вышла из бани около 10. Завтра, похоже, будет тепло – вечерний воздух тише и мягче, чем днем.

– Будем спать. Мне завтра рано вставать.

– А где я буду спать?

Он показал на диван. Там лежало стопкой постельное белье, одеяло и подушки.

– А ты где?

– Рядом.

– Не поняла?.. Это что, шутка? Или такой был план?..

– Да ладно, я на кресле, – он развернул кресло, постелил, взял плед и лег.

– А второй этаж? Почему меня туда не положить?

– Он летний, там холодно.

– А труба от печки куда идет?

– Ложись спать, куда тебе говорят! Мне некогда болтать. Ты не дома.

Она постелила и легла. С полчаса смотрела в темноту, может, час. Он задышал ровно, спящим ритмом. Она стала расслабляться, повернулась к стене, окунаясь в дрему. Однако, не очень-то получалось. Присутствие желанного мужчины будило и бодрило. Она слушала этот немой разговор тел через комнату. При этом нужно делать вид, что ее тело молчит. «Ну, успокойся. Во-первых, рановато будет. Во-вторых, у него есть женщина. В-третьих, он врет, что ее нет... Да, вот именно, он еще и врет... В-четвертых, – это все Женя объясняла своему разохотившемуся телу, – кроме тебя у меня есть еще, как минимум – мозги, как максимум – душа. Нужна гармония. Так что, спи. Хотя, твое дело – желать. Я тебя понимаю. Тебе захотеть – времени не надо. Тем более, ты и так хочешь. Ну, и хорошо, значит, живое». «Да, если бы мы с ним поговорили *душевно* – было бы легче». «Интересно, удастся заснуть?»

...Она очнулась от жаркого движения рук по ее телу от бедер до плеч, потом ниже, под...

– Что это?! – возмущенно удивился он.

– Спальник!

– Какой еще спальник?!

– Туристический... – она рассмеялась.

– Зачем?!!

– На всякий случай. А видишь, какие бывают случаи.

– Ну, ты даешь... – он пытался найти вход в спальник, но она лежала на «молнии».

– Вы что-то хотели? – она вытолкала его руку.

– Ну, пусти меня.

– Куда вас пустить?..

Он положил ей руку на низ живота. Сопротивляться было нечем, ее руки держали спальник сверху. «Может, не стоит сопротивляться?» – влетела предательская мысль, прямо оттуда, с низа живота. Она резко дернулась, сбрасывая его руку. Он вздохнул, пошел к себе на кресло.

– Ну, и зря. Мог бы быть такой шикарный секс.

«Никто не сомневается...» Она снова дождалась, чтоб его дыхание затихло. «Интересно, я дура, или прикидываюсь? Нет, я не прикидываюсь. Значит, дура. Ты надеялась на что? На сублимацию? Ты же сразу его прочувствовала. – А что я прочувствовала? Что я его хочу и он меня хочет? Но я не думала, что это уже причина сразу действовать. Да, я надеялась на некоторую сдержанность». «Ты вчера так мучилась ночью. Ты помнишь, что ты просила? – Я прошу любви. Одно и тоже всегда... – Нет, ты взвыла: Ну, пошлите мне мужчину, я уже больше не могу! – И это что? Заказ исполнился?.. Это не вся я, это тело вопило... Да, *такой* заказ очень быстро исполнился... Наверное, он проще...». «*Любимый* мужчина – это не понятно, видимо. Прислали – желанного... Есть такое тело...». «И что делать? Вчера не спала, потому что не было мужчины, сегодня – потому что есть. Смешно...». «Времени прошло больше. Спит уж, наверно... Ну, все, он попробовал, вдруг можно, да? По крайней мере, агрессии он не проявит, так что ничего страшного не происходит».

...Он сразу быстро уверенно стянул верх спальника и впился губами в ее сосок, рукой лаская вторую грудь. Она онемела от жгучего желания, затопившего ее по самые мозги. Она отчаянно силилась вспомнить себя. «Боже мой! Господи миленький! Я так больше не могу! Ну, так же невозможно! Пожалуйста, ну пусть он отстанет сам!..» От несбыточности этой мысли она опомнилась и стала выворачиваться. Он крепко обхватил ее.

– Какая у тебя шелковая кожа! – он отпрянул от груди, довольный и явно уверенный в продолжении.

– Послушай! Отстань от меня, пожалуйста, а? У меня уже нет сил.

– Вот и не надо их тратить! Лучше доставить друг другу удовольствие.

– Удовольствие... А дальше что?

– И завтра удовольствие. А что, разве удовольствие – это плохо?

– Смотря в каком контексте.

– Не умничай, – он по-хозяйски показал рукой, мол, раскрывайся.

– Ладно, иди к себе...

– Ну, почему?

– Я тебе по дороге про все «почему» объяснила. Ты нарочно постарался забыть? Что сейчас между нами будет? Пробовать меня не надо, я уже говорила – я не торт.

– Ну, и ты ведь со мной попробуешь? А вдруг тебе понравится?

«Вот именно поэтому и не надо. „Сало – оно и есть сало, чего его пробовать?“ Самый нюанс – сопротивляться ему, да еще и себе. И он же точно это знает...»

– Допустим – мне понравится. И что? Дальше – что? В лучшем случае, еще один эксперимент на твои пол-два-три года? Я сразу скажу, что не удовлетворю *твоим* требованиям как жены. Совершенно очевидно, что мы с тобой разные люди. Слушай, ты попросил помочь взглянуть на свои прежние пробы иначе. Но, похоже, ты соврал. У тебя был план? Я дура, конечно, признаю. Поверила в твою честность.

– Хорошо, я тебя больше не трону. Сегодня. Завтра поговорим, – он ушел. И больше не тронул. Сегодня.

Она заснула, когда шторы на окнах стали светлеть. Разбудил визг телефона. Он ответил.

– Чего ты телефон не выключаешь? Я спала 2 часа.

– У меня работа. Сама виновата. Ни секса, ни сна. Ночь мне испортила.

Он уехал, велев ей отмыть холодильник. Ну, да, хоть шерсти клок. Она заодно убралась в кухне и в зале. Вышла из дома и уселась на ступеньки крыльца. Было солнечно и к полудню разогрелось почти летним теплом. От сосен за оградой заманчиво веяло смолистым эфиром. А хвоя все еще желтоватая – весна все же очень растянулась. Она понимала, что Олег так просто не отстанет, и готовила ему речь. Вернее – фразу. Еще вернее – тон. Нужно уверенно и жестко. Своей покровительственно-хозяйской манерой общаться Олег походил на министра-администратора из «Обыкновенного чуда». И ухаживать ему тоже некогда. Только ей под-

чиняться ему уже давно не хотелось. Жаль, что у нее нет мужа-волшебника. И дома – не он у нее, а она – у него. Женя невольно снова вспомнила того *другого* Олега и тот момент, когда позволила себе так безрезультатно влюбиться. Тогда случайно она услышала его реплику – на что? – других его собеседников она и не слышала, отреагировав только на его голос: «Женщина расцветает полностью только после третьего ребенка. Вот эта величественная грация, которая появляется во время беременности – уже не проходит, и остается в ней насовсем», – и столько было поэзии, уважения и трепета в его голосе, лице, словах, что сердце Жени ухнуло в теплое уютное к нему доверие. И в этом их большая разница. А все-таки напоминает... Хотя, ведь и в комплекции: тот Олег был собран и подобран, а этот – а ведь младше на пять лет – уже растекается вширь и везде с заметной перспективой расплыться до серьезных размеров.

Он приехал днем.

– Сейчас я буду спать, а потом ты мне все расскажешь. – Через час она его разбудила, как он ей поручил. – Ну, рассказывай, – он вышел на крыльцо, и обнял ее за талию, – ты передумала?

– Послушай меня, пожалуйста, – она вывернулась из его руки. – Если следующая ночь будет такой же, как предыдущая, – я очень прошу тебя, отвези меня сейчас на автобусную остановку, я поеду в город и поищу себе жилье.

– ...Стойкий оловянный солдатик... Хорошо, я подумаю и скажу, – его глаза слегка посерьезнели. Он ушел одеваться. Вернувшись, он был совсем серьезен и опять вполне искренен, – давай так. Ты оставайся здесь. Если я справлюсь с собой, – я останусь ночевать в городе, а утром приеду и отвезу тебя к твоему мануалисту. А если я увижу, что не могу с собой справиться, то я приеду сюда...

– И?.. Не поняла?.. – она нервно засмеялась, – и тогда я могу пенять на себя?

– Подожди, не перебивай... Я приеду и ты еще раз мне расскажешь про себя. А если мне это не поможет, то я уеду в город на ночь. Но я обещаю тебе, что больше я тебя не трону, если ты не захочешь. Договорились?

Она его даже зауважала. Он был очень правдив.

– Договорились. Только оставь мне ключи от ворот. Я не удеру с ними. Я хочу по сосняку погулять.

– Вот ключи. Поддай мне телефон, он лежит на подоконнике у входа. – Она вынесла мобильник. – Ну, вот, ты же умеешь быть послушной, – его глаза заглядывали в ее, ища этого послушания.

Она сразу вышла в сосны. Молоденькие, стройные, тонкие. Женя с сочувствием, радуясь своей снисходительности, слушала стенания своей собственной плоти, безоговорочно воспринимая их бесполезными в данной встрече при данных обстоятельствах.

Вечером он приехал поздно – видимо справлялся с собой – с бутылкой вина и фруктами. Зажег только бра. Наполнил бокалы.

– Выпьем за знакомство. – Выпили. В халате, откинувшись в кресле, следя за ее движениями, он повелевал ей включить телевизор, подать пульт, принести нож, – А у тебя классно фигура... сохранилась для 30.

– Можно подумать, 30 – это 60, – пожала она плечами.

– Ну, кто-то и в 30 расплывается, – настаивал он на комплименте.

– Ну, кто-то и в 15. У нас порода другая, – отмахнулась она.

– Ну, я слушаю, как ты докатилась до жизни такой? – Он вернулся к своей иронии.

– Уже 11 ночи, я не успею рассказать... А ты умеешь смотреть в глаза, не щурясь? Или у тебя со зрением проблемы?

– Не уходи от темы.

– Я как раз по теме, – она усмехнулась, – по-моему, ты стараешься сузить взгляд на тему, и на жизнь.

– Значит, ты не передумала? – Он присел перед ней, обхватив ее бедра.

– Я так понимаю, разговор должен идти в одном русле и в заданном направлении?

– Но ты же не монахиня?.. А разве ты не хочешь?.. Ну, ты же хочешь, – произнес он уверенно вкрадчиво.

– Ну, допустим. И что? – спорить с очевидным было уже бессмысленно.

– ... – Он ответил движением рук.

– Но, – она остановила его руки, – мы ведь не животные, что бы на одном желании спариваться.

– А что? Чем тебе животные хуже? Чем мы их лучше?

– А вот именно, мы – ничем. Они животные и животные. А мы люди – и как животные. Вот и все. И я так не хочу. Слушай! – Вдруг она вспомнила тему! – Ну, объясни мне, неразумной женщине, отказывающейся от шикарного секса с тобой, чего с детьми делать будем? Или у тебя обойма презервативов под подушкой?

– Все нормально, я осторожно.

– Не, не надо мне осторожно. У меня сестра именно так и забеременела. Только там парень больше нее жениться хотел. А с тобой – шутки плохи, уже понятно. Ты в следующий раз, если секса хочешь, так сразу и говори. А не заводи серьезные душевспасительные беседы.

– Так, а ты что, согласилась бы? – чуть было не пожалел он задним умом.

– Я бы сразу отказала, и не трепали бы друг другу нервы. «А может и согласилась бы... Меньше знаешь – лучше спишь», – чуть было не пожалела она.

Он молча поднялся и уселся в свое кресло, так же молча разошлись по постелям. Однако он опять возобновил уговоры словом и делом, когда они уже улеглись спать.

– Слушай, – проговорила она устало. Ее вымотала эта борьба внутри и снаружи, – ведешь себя совсем неприлично и непорядочно. Это же насилие, по сути, психологическая атака. Ты будто предлагаешь мне выбрать, а по факту – все это время не даешь мне права выбора. Психологическое насилие – это тоже насилие, немногим лучше.

– Ты что такое говоришь! Ты что говоришь?! – испугано запричитал он, – я – насильник! Да никогда со мною такого не было! – Он соскочил с дивана, побежал на кресло, возмущенно повторяя, – я – насильник!

Она удивилась скорому и верному эффекту. Вот это да! Мы так зацеплены за приличие! Слово нам не понравилось! Да... и у очень уверенных мужчин есть слабые места.

...«Только теперь не пожалей о своей победе. Одно дело победить, другое – жить дальше... Твоя стойкость нашла решающее слово, когда ты уже готова была сдаться. Но ты его нашла... – Ну, и хорошо. Я его нашла. Значит, так надо»...

Она даже поспала, часа 4. Утром он не касался ее больше, только смотрел. Заходил и не выходил, когда она одевалась. За это время она привыкла уже к его липнувшим рукам, и ей явно их не хватало. Она усмехнулась над собой.

– Чего смеешься?

– Да так... Слава Богу, все позади!

– Да-а. Ну, ты меня удивила.

– Ты меня тоже. Мы квиты, – кивнула она примирительно.

Высаживая ее у фонтана в городе, как она попросила, он еще раз сообщил, что удивлен.

– Ну, передумаешь – звони. Номер у тебя есть, – на его лице вновь привычно поселился прищуренный взгляд. Он уезжал по делам в другой город.

Через три часа у неё был второй и последний сеанс на этой неделе.

Она вылезла из маршрутки на пересечении трех дорог. Перешла на ведущую в их район. Постукивая каблучками, звонко раздававшимися в сером дне, – 20 метров туда-сюда вдоль трассы, – она вспомнила, как 2 дня назад проезжали здесь с Олегом, и он перекрестился на вот

эту церковь. И одной картинкой увидела эти прошедшие 2 дня. И рассмеялась. «А по каким-то соображениям я мужика продинамила. Ну, что ж, я не знаю, собирался ли он быть таким благородным, но ему пришлось». Повернув в очередной раз, она уставилась без цели и мыслей за ограду церкви. По двору ходила монахиня. Женя какое-то время наблюдала за ее перемещениями. Женя не знала, что здесь монастырь – у церкви, совсем недавно восстановленной. «А для кого-то и нет такого выбора: быть или не быть с ним? Вопросы нет, потому что есть один ответ: не быть ни с кем...». Она вдруг увидела себя со стороны: в красной куртке, не свежескупленной, но вполне новой и свежо яркой, в брюках цвета графит и полусапожках на не очень высоких, но изящных каблучках, она стояла через дорогу напротив монахини в черном одеянии и покрывале, и – *абсолютно отвлеченно, как просто проходящая* смотрела на ту... Женя вдруг осознала это свое *постороннее равнодушное любопытство*.

Во времена студенчества, особенно в самом начале – почему-то часто тогда она их встречала, особенно много на кишасей площади вокзала Екатеринбург – вдруг – а знала бы – обошла заранее всю эту площадь, – среди толпы ларьков, таксистов, чемоданов, встречавших, отъезжавших, приезжих, провожающих, неожиданно – наткнулась на елеиную печальную прозрачнокожую девушку со взором опущенным долу, в черных одеждах, с посудой для пожертвований в руках. И Женя обжигалась недоуменным стыдом и ощущением чего-то примораживающе родного и ужасающе ненужного. Она вкапывалась в асфальт на несколько мгновений оцепенелого метания в сердце, и, отодрав себя от этого зрелища, быстро прошмыгивала мимо, стараясь не думать – жалеть или радоваться за ту девушку?..

Это были 90е, активно восстанавливались старые и возникали новые монастыри.

И сейчас Женя чуть не захлебнулась от неожиданного счастливого открытия: она первый раз оказывается рядом без сосущего желания убежать как от чего-то навязчивого, как от навяздения, как от гнетущей обязанности и в то же время тягостного тоскливого чувства, будто предает своих.

– Я не с вами! – счастливо, радуясь своему освобождению, ликующему во всем ее существе, выдохнула она в сторону монахини. – И... не с тобой! – кинула она в сторону Олега. Она сумела-сумела-сумела! Избавиться от одного, и не кинуться в другую крайность! Она подняла лицо к небу – и рассмеялась торжествующе благодарно.

Ее подхватила тоже удобная и уютная, – японская, с фургоном, аптечная машина.

Земля влажно задышала, вчера прошел небольшой, но все-таки дождь. Рощи покрывались тонкой зеленоватой вуалью. Ехать было приятно покойно. Водитель – молодой парень – приветливо поздоровался, доброжелательно молчал все 40км, и, добродушно улыбаясь, пожелал ей удачи, когда она высаживалась. «Как приятно бывает мужское молчание!» – признательно подумала она ему вслед.

Стрижка-бритье. Инстинкт пахаря-сеятеля

Вечером приехали 2 подруги, погостить на выходные.

– Ты чего такая взбудораженная? – заметили они сразу, – как съездила? Где останавливалась?

– О! Тут целая история, с ночлегом. Телефон, который ты дала, так и не ответил, – сказала она Анаит.

В ожидании еды из духовки, Татьяна и Анаит уселись на один диван, Женя улеглась на второй и рассказала свое приключение, делая акцент на своем внутреннем катаклизме.

– Представляете, да? Такой был мужчина! Ах, какой был мужчина! – заключила она, вставая к духовке.

В комнате повисла странная тишина. Женя обернулась: девчонки сидели с застывшими лицами.

– Вы чего замерли?

– А может быть, нужно было позволить себе удовольствие? Зачем нужно было так себя мучить? – Анаит явно старалась смягчить свой резкий характер, подбирая осторожно слова.

– Не зачем, а почему... Потому что это не... – Женя вовсе не ожидала такой реакции, и не знала, как им объяснить очевидное, казалось, для них всех.

– Может, это тебе было послано Свыше: так все сложилось... – чтоб тебе было легче. И дальше бы искала «совпадения».

– Действительно, зайка, – бережно заговорила Татьяна, – может, это такой подарок Вселенной, ты столько лет одна...

– И что я должна была, так сказать, «вопреки своим идеалам», согласиться на секс? Просто секс? У меня даже не возникло никакой душевной тяги к нему... – Женя выдержала такой же диалог внутри, а теперь нужно было еще вести его снаружи...

– Ты же сказала, что тебе с ним было легко, как с родным?

– Но это всего лишь эмоциональный комфорт, что рядом мужчина, физически приятный. Это же чисто телесная приятность – вот, и легко.

– А может быть, ему бы понравилось, он тебя потом и нашел, и дальше возникло бы душевное чувство, – помечтала Татьяна.

– Он личностно чуждый мне мужчина. Я что-то не верю в преобразование личности через секс. Не секс красит человека, а человек – секс, – постаралась она перевести разговор в шутку.

– Расслабилась бы один раз, получила удовольствие, и была бы ему за это благодарна.

– И можно дальше духовно развиваться... – подхватила Женя проникновенный тон Анаит.

– Ты думаешь, он оценил твою победу?

– Не поняла... Я не для аплодисментов это делала...

– Он и дальше будет жить, как живет. Разве ты ему что-то доказала?

– Ну, и пусть живет. Но без моего в этом участия. Нет, я понимаю, кто-то другой это говорил бы, но вы-то?! Как вы это себе представляете?

– Жани, а кому-то другому я бы это, может, и не сказала. Но, учитывая твою специфику, я говорю.

– И что моя «специфика»?

– Он все равно не оценил, даже не понял ничего, стоило лишать себя такого случая? Если это так редко, вернее – вообще с тобой не случается. Зато ты получила бы эмоциональный и физический заряд. Или разрядку. И дальше искала бы *настоящее*.

– ... – Женя растерялась. Ей и так было не просто, а тут еще ее не понимают и не поддерживают те, в которых она была уверена, что они – заодно. – Знаешь, в каком-то «среднем

веке», на каком-то соборе, церковном, решили, что у женщины нет души, из чего следовало, что можно трахаться с ней, и это не будет являться грехом, так как не несет соблазна ближнему... По-твоему, тоже можно исповедовать какие-то возвышенные принципы, а когда припрет – пользоваться услугами людей с другими понятиями? Держа их за духовных плебеев, что ли? – с морозцем по коже Женя посмотрела Анаит в глаза, ожидая ее реакции на этот толстый намек на ее случайные связи.

Но та миролюбиво проигнорировала. Надо отдать им должное: подруги прочувствовали – да, попросту, знали – что это трудный для нее вопрос, и отнеслись к ней очень бережно.

– Доведешь ты себя со своим максимализмом. А здоровье одно на всю жизнь. Я думала, ты бросила свои монашеские замашки.

– В конце концов, я ему отказала только в сексе, а не в отношениях. Если б он хотел, он мог проявить желание встретиться ещё... Если б он хотя бы понял, что мне для секса нужно больше, чем одно желание, у него появился бы шанс его получить. А так... Он проявил полное непонимание: а что вам, сударыня, нужно-то еще? Кроме шикарного секса?

– Нет, зайка, – Таня хотела найти компромисс, – конечно, ты сама чувствуешь ситуацию и сама выбираешь.

– Ну, вот именно, – Женя вышла в сени за банкой огурцов. Тема закрыта.

«Мария Египетская может спать спокойно: по-моему, ее ученица ее переплюнула. 30 лет в пустыне?.. А 9 лет среди народу? И даже незаметно, как они пролетели. И плюс 2 ночи в одной комнате с таким мужиком?.. – Ну, может и хватит уже, а? – Безусловно, мне хватит. Кто бы спорил... Только что теперь? Аскеза ради аскезы – да, это глупость, я понимаю, да. А что теперь взамен? Секс ради секса? Я же сумела не запретить себе хотеть. Я только не стала делать. Чего в крайности кидаться? Нужно найти середину. Или целое».

– Ты передавала Сане мою просьбу?

– Я намекнула. Он не в восторге, я поняла. Сама проси.

Вечером в воскресенье за девчонками приехал Саня, Танин муж.

– Саня, у меня к тебе деликатная просьба... Побрей мне голову, пожалуйста, налысо.

– Я Танюшке уже озвучил, что я не собираюсь в этом участвовать, – с абсолютным серьезом во взоре произнес Санька. Женя растерянно удивилась. С Саней спорить бессмысленно по определению.

– Но ты же побрил вашу Валентину Михайловну... – еще надеясь, напомнила Женя об их соседке.

– Я и тогда сказал, что это первый и последний раз. Но исполнить блажь 65летней дамы, я еще смог. А участвовать в вашем, девушка, постриге, я отказываюсь.

– Но это же не то! – Женя рассмеялась, понимая безнадежную обоснованность и притом несвоевременность Санькиного толкования. – Я же из чисто – из совсем других интересов! Наоборот, из возрожденческих мотивов. У меня волосы ослабли, я хочу обновить... И вообще весна, новая жизнь, то да се...

– Вот – «то да се»: можно как-то интересно постричься и лечить волосы какими-нибудь женскими штучками, – Саня не первый раз пытался ее перевоспитывать.

– Саань, ну, я ж если решила, все равно побреюсь. Не ты, так кто-то...

– Не я, – Санька кивнул.

Делать было нечего. Хотелось мужской дружеской рукой из каких-то инь-янских мотивов. Но не вышло. Валентина Михайловна этот способ у даосов вычитала (или у буддистов): от бессонницы, от головной боли, и вообще от всего ненужного, при чем так нужно три раза... Женя пошла к Наде, медсестре, приветливой и отзывчивой и вполне толерантной женщине. Та ее побрила.

Ловя своим черепом какие-то небывалые сквозняки, Женя посмотрела на себя в зеркало. Заранее невозможно было подготовиться к такому ужасу. Тут же вспомнилось, как – ей было лет 7 – открыв на стук папы дверь и увидев зубы, растянутые в ряд, и торчащие над ними глаза, она содрогнулась до самых пят. Правда, папа (который побрился «сюрпризом») был еще и нетрезв, что придавало характерный беспокойный блеск его глазам. Она после этого неделю боялась возвращаться домой до прихода мамы.

Зашла мамина подруга.

– Ого! Чего это ты сделала?.. Ну, ты смелая девушка. На лето гляючи. Хоть бы зимой.

– Да и так-то холодно...

– Какой он у тебя шишковатый, – изучала она, – а макушка как торчит... она двойная у тебя.

– Ну, да... Я думала, будет более правильная форма...

Женя завязывала днем всякие шарфики, а ночью, чтоб не мерзнуть – хэбэшные платочки.

И усиленно втирала касторовое масло.

К следующей неделе мануалки, она добыла адрес, и остановилась в областном городе. Хозяйка – польская еврейка, у которой единственная дочь училась в Израиле на полном государственном обеспечении. И мама ждала дочку на каникулы, «на трехразовое питание: понедельник-среда-пятница». Хозяйка была натура очень творческая, курила и пила кофе сигарету за сигаретой, чашку за чашкой со своими друзьями каждый вечер до середины ночи. В один из таких вечеров, как обычно, Женя вышла продышаться и в продуктовый магазин.

К ней подошел молодой человек. Представился. Уже стемнело. Они ходили по квадрату улиц вокруг двора, болтали. Дима был простой парень без интеллектуальных изысков, но, чувствуется, добрый и не дурак. Он развелся с женой, потому что та загуляла. Любит дочку, ей 5 лет. Предложил зайти к нему. Она не видела смысла. Но потом, уже озябнув, вспомнила, чем ей грозит дышать. Она согласилась с условием, что он даст ей посмотреть фильм Бертолуччи по «Культуре», а потом она сразу уйдет. Они пришли к Диме. Он усадил ее на диван, включил телевизор, они еще поболтали. Ему позвонили.

– Сейчас приедут мои друзья.

Приехали двое ребят, его же возраста, то есть около 30, «плюс-минус». Предложили поиграть в карты. Она не играет, никаких способностей к этой игре, потому что их папа – он мог бы при другом строе жизни и при условии честной игры зарабатывать этим на жизнь: непревзойденный игрок – не умел проигрывать даже нарочно, даже собственному ребенку, и научиться было нереально, интерес пропал навсегда.

Далее она не понимала, что делать, и стала придумывать как вежливо уйти. Эти двое разговаривали громко и в основном матом, «Культуру» она не слышала. Дима ушел по-хозяйски хлопотать на кухню. Одному из парней позвонила девушка, он грубовато ей ответил, что на работе. Второй спросил, а чего он её отшил, первый ответил:

– Да, привязалась, один раз с ней встречались, ей только бы трахаться – больше разговаривать не о чем. – Он искоса смотрел на Женю. Ее он уже расспросил, так же искоса глядя на нее, кто, что, откуда и где она и сколько ей лет.

Женя пошла на кухню, прощаться с Димой.

– Ты что, уходишь? – разговорчивый парень нагнал ее в коридоре, взял за руки. – Она не успела ответить, дескать, да, пора, она и так уже собиралась, как вдруг он втолкнул ее в рядом находившуюся комнату. Дверь щелкнула замком. Он сжал ее в объятья, схватил за ягодицы. Она обалдело стала брыкаться в его цепких руках. Парень был крепкий, не худой. Он вытянул из-под ее джинс водолазку, и пытался втиснуть вместо той свои руки. Женя убеждала его, что не хочет, не надо, отпусти и т. п. Он продолжал. Повалил на диван, лег сверху, рас-

стегнул ее джинсы, стащил их с ног. В этот момент она попробовала встать, но он, уже успев расстегнуть свои штаны, повалился на нее.

– Мне нельзя! Я верующая! – вспомнила она, как прошлым летом в попутке, деревенский мужик лет 45, водитель молоковоза, вопреки всяким ее увещаниям уже сел на нее, достав свое торчащее достоинство, и вдруг... – мирно сполз с нее со словами: «Давно бы сказала! Верующих трогать нельзя! – Грех!» – уверенно заключил мужик. Она тогда восхитилась такому проявлению религиозного трепета...

– Фигня все это, – даже не сделав паузы, отмахнулся парень. – Ну, ты ж хочешь...

Она стала молиться про себя. Это уже не раз выручало ее в самых безнадежных ситуациях: так же как тот, мужики неожиданно останавливались и слезали с нее.

Молитва кончилась. Не помогло. Он уже тыкался в нее. Но она сильно сжала мышцы.

– Ну, расслабься, ну, чего ты. Ты такая хорошая, у меня таких не было, – он заговорил ласково, даже нежно. Видимо, это все действительно было искренно, он вообще так жил. – Это что?.. – он даже хотел погладить ее по голове, шарф упал. – Ну, чего ты? Сейчас будет нормальный секс.

«Ставки снижены. Не захотела шикарного, – вот тебе нормальный». – «Господи! Дорогое Мироздание! Я сделала все, что могла. Если вы считаете, что все годы моего воздержания, очищения и переосмысления должны закончиться вот так, – не я это решила! Уже можно расслабиться?..»

Вдруг парень остановился.

– Ты чего, правда, не хочешь?

– А я что тебе уже 5 минут говорю?

Он молча, суетливо натянул штаны и быстро вышел из комнаты. Она отдышалась, оделась, повязала шарф. Вышла. Из кухни шел хозяин.

– Ты что, уходишь? А что случилось? – он заметил ее сбитое с толку состояние.

– Не важно, – она глянула в сторону ребят. Тот сидел на прежнем месте лицом к двери и к ней, опять играл в карты, и прятал глаза. – Выпусти меня.

Она бежала вниз по подъезду с 5го этажа. «У меня что, интуиция совсем отключилась?.. Но Дима-то ничего такого и не сделал!.. А тех он, видно, и сам не ждал. Ладно, «все хорошо, что хорошо кончается». И как всегда в таких случаях, она рассмеялась смехом облегчения и удачного освобождения.

На следующий день сеанса не было, хозяйка куда-то ушла, и в квартире на какое-то время образовалось слабое подобие воздуха, Женя заснула. Ее разбудил громкий трезвон в дверь – она ошалело выскочила из комнаты, и мало соображая, что хозяйка не могла сама себя закрыть ключом снаружи – открыла дверь в ее комнату – это можно было делать в любое время, чтобы, например, посмотреть телевизор – убедилась, что хозяйки нет. Навстречу выбежал огромный пёс хозяйки вместе с кошкой-персом. Комнату последней Женя заняла и соответственно теперь не пользовалась любовью этой особы, если эта порода вообще умеет любить. Схватив ключи, Женя побежала к двери. Некто трезвонивший уже ушел. Женя вернулась в комнату хозяйки. Псина, размером с хорошего тельца, бегала к двери и обратно за Женей. Жене нужно было обратно вернуть всё на место: псину с кошкой в комнату, ключи в дверь.

– Ну, давай, заходи, – сказала она псу.

Пёс стоял снаружи комнаты и удивленно смотрел на Женю.

– Ну, чо ты? Я спать хочу! Давай заходи, ну? Сюда, – Женя постучала «к ноге».

Псина задумалась.

– Ну, чего ты думаешь? Давай-давай!.. Ну, ладно уже, заходи...

Пёс зашел, кошка, с характерным своей породе вечно невозмутимо недовольным видом, наблюдавшая этот диалог, однако, явно с интересом, – зашла следом.

– Ну, вот, молодцы, – похвалила их Женя, вышла и замкнула дверь.

Вечером она рассказала хозяйке про чей-то настойчивый звонок в дверь.

– Ой, я ж тебя забыла предупредить! Ты без меня смотри ни в коем случае не заходи в комнату, не открывай, а то я не ручаюсь за своего пса. То есть я конкретно предупреждаю, что это опасно. Моя подруга, очень близкая – он ее с вот таких пор знает, – показала хозяйка размер с котенка-подростка, – можно сказать, на руках носила, воспитывала, она у меня жила тогда даже какое-то время. И гуляем мы вместе часто – родной человек. Так она без меня в комнату заскочила – и все!

– Что – все? – ждала Женя, как сильно надо пугаться.

– Он ее не выпустил. Рычал, лаял – арестовал, короче, комнату забарикадировал, она меня два часа ждала под его окном. Нет, ты не бойся, – хозяйка увидела Женины удивленно поползшие вверх брови. – при мне он тебя не тронет. Ты ж видишь, он мирный, просто, без меня – нельзя. Охранник. С подругой-то я даже не ожидала такого, а ты ж вовсе чужая, надо было сразу предупредить. А так-то не бойся. Хорошо, что ничего не было – что ж я не сказала-то!..

Женя вспомнила удивленное лицо пса в рамке узкого дверного проема, и не стала пугать хозяйку.

«Забавно, однако... я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... И мужчины меня в итоге не трогают, и собаки кушать не хотят... Обидеться, что ли?»

Через день утром она встретила маму с сестрой, возвратившихся с Урала от бабушки. Дома она рассказала им историю с Олегом. И сестра Алька торжественно сказала: «Это тебе было искушение перед настоящим! Теперь у тебя обязательно появится настоящий любимый мужчина! Ты – молодец!» – реакция родных окончательно примирила Женю с собой.

Они засадили огород. Как долго весна не тянется, земля к определенному сроку должна принять семя и успеть вскормить его накопленной за зиму влагой.

Приехав сюда из голодных девяностых, Женя была счастлива – все в твоих руках, что посеешь, то пожнешь. Девяностые – сложносочиненное время, для кого какие, для них реально – голодные: маму сократили, папе не давали зарплату. Анекдоты про голодных студентов – «Три котлеты... – Жирует, гад – ...и шестнадцать вилок, пожалуйста» – для многих все же, были архаикой, и скорее, означали, что студент всегда не прочь поесть, а вот деньги улетели неведь куда уже до еды, – для неё же вполне пахли правдой. Мама с сестрой сидели на хлебе с сахарным песком и воде, практически все, что удавалось добыть случайными мамиными заработками, отсылали Жене. Ей это давило на мозги и на всю остальную нервную систему. В деревне и Женя, и мама напрочь забыли – забыли вспомнить, что он был – с самого рождения «медицинский учет», ранний сколиоз и перманентная облегченная физкультура, занудная ЛФК – веселее повеситься. Жене с её склонностью отрешаться от брэнного физического мира только это и нужно было. В школе же – легче отлучить, чем научить, что делать вот с таким – с виду вполне здоровым телом. А вдруг, что сломается – ты лучше, девочка, вот тут посиди. Она и сидела – и только её голова регулярно участвовала в качестве дополнительной баскетбольной корзины, что не прибавляло Жене любви к физкультуре и спорту. И тут она с места в карьер принялась осваивать радости не *культуры* – физического *труда*...

Курс лечения заканчивался в начале июня. В городе было еще теплее. В последнюю неделю своего лечения она даже ходила на реку, пробуя загорать.

Как обычно, возвращаясь автостопом, она отвечала на одни и те же вопросы водителей, которые не любили ездить молча.

– А как вы насчет секса?

– В уместных обстоятельствах – положительно, – вздохнула она.

– Ну, например, сейчас...

– Да, хотелось бы, как-то, с любимым мужем.

– Но вы ж пока одна.

– А зато у вас – жена и дети.

– А вы?.. Вы девушка уже взрослая. Чего скучать? Можно иногда развлечься... Один разок-то можно?

– Вы знаете, сколько вас таких, предлагающих один разок? – Мужик был не агрессивен, улыбчив, скорее игрив, чем похотлив. – Всем давать?

– Ну, не всем, на выбор. По сердцу надо.

– Ну, вот, я «по сердцу» – жду любви.

– А может, я вам понравлюсь, давайте я к вам приезжать буду, пока вы ждете суженного.

– Спасибо, я так подожду. Счастливо! – попрощалась она. – Вас много, а я одна! – проговорила она уже за дверью кабины. – «А по статистике, вроде, наоборот?.. А так, по дорогам: на каждую меня – по несколько желающих. Откуда берутся?»

Она задумчиво стояла посреди полей, оставалось еще 20км до деревни. Ближние за полями сопки в деревьях совсем по-летнему зеленые. Вдоль дорог – полосы густой травы. На дальнем отсюда лугу рассыпчато бродили коровы. Горы вдаль красиво свежо синели под небом «в молоке». От всего пахло свежестью начала лета, вспаханной и засаженной, но еще открытой не заросшей землей. Вспомнила старика-соседа.

Ветеран, похрамывающий, резкий, он каждую весну громким криком ворчал о проклятой крестьянской доле, о неудачной погоде – предрекал неурожай, загибая пальцы: «Осенью дождя – не было! Зимой снега – не было! Сейчас дождя – нет!» – махая в отчаянье рукой.

А как-то она вышла, когда пахали огороды, и оглянулась поздороваться. Он стоял за бором от пашни, опершись на него сверху рукой и положив на нее подбородок. И был весь захвачен созерцанием пахоты. Земля из глиноподобной, пришмякнутой за осень и зиму машинами, тракторами и санями с сеном, дровами и прочим, становилась под плугом трактора рыхлой теплой влажной, ждущей трудов человеческих. Лицо старика светилось блаженной улыбкой. Глаза с удовольствием и умилением следили за превращением земли.

«Инстинкт пахаря-сеятеля», – растроганно улыбнулась тогда Женя.

«Инстинкт пахаря-сеятеля, – усмехнулась она сейчас. – Они чувствуют мою целину и не могут пройти мимо спокойно».

Ягода-клубника

Как-то раз они с приехавшей нарочно для этого Танюхой договорились, что их свозят по ягоду на телеге. Ранним-преранним летним ясным, а значит, росистым-преросистым утром они отправились из деревни до ближайших сопочек с одиноко либо небольшими группками стоящими березами – надежная примета ягодного места.

Собирать клубнику луговую – это одно из занятий – а какое еще-то, кстати? – что всегда реально доставляло ей *экстатическое* наслаждение.

Босыми ногами, то и дело напарываясь на прошлогодний сушняк или нововызревшую колючку, пробираешься сквозь целый лес густых-прегустых трав, упруго ласкающих своими макушками и, изрядно промокшая, облитая их росой обильнее любого дождя, добираешься до сопки. Наклоняешься, разгребая пальцами траву – тянешься к призывно набухшей сизо-багровой грозди, сгребашь ее, набираешь полную ладонь – срываешь и засовываешь в рот. Прижимая языком к небу налитую пунцовую сладость, выдавливая сок, растворяешься в душисто-приторно сладком слегка горьковатом вкусе. И так – всем телом в поклоне, вздрагивая порой от укусов тех отчаянных комаров, что преодолели барьер из защитного крема – медленно-медленно взбираешься наверх

Блаженно растекаясь во времени и пространстве, прогреваясь ярким, сверкающим везде вокруг – с неба и в росе – солнцем, слушаешь гул бурлящей жизни земли и тишину отсутствия кипучей человеческой деятельности.

Поглощая горсть за горстью приторно-сладкую пунцовую массу, в высокомотивированном одиночестве – ибо набранное в таких трудах ведро, а то и больше, честно принесешь семейству – поднимаешь взор от слепящего, гудящего подножья к торжественному изумрудно-синему поднебесью дальних гор и ближних лесов, и выше, к голубой бездонности... И окунаешься в редкостное сочетание воли, души и тела, согревающую целостность... И сознание на какое-то время обретает умиротворенное равновесие.

Солнце поднимается в зенит и полирует зноем траву, отражаясь от нее, уже сухой и блестящей как стекло. Тогда ползешь по этой зеркальной траве или садишься на колени, на четвереньки, на корточки, на попу – она завела специальные «клубничные штаны», помеченные теперь бордово-лиловыми пятнами. Или можно поедать клубнику лежа – перед тем как лечь, объев всю территорию под собой – время от времени, изнемогая, переворачиваясь на спину, чтобы передохнуть, глядя в золотисто ликующую лазурь. Когда уже мокрая и липкая от пота и ягоды – по самую макушку и от самых ног и вся насквозь, изнываешь на грани наслаждения и терпения, – тут на достойную смену комарам прилетают слепни-оводы-осы и прочее такое, которое со звуком реактивного самолета намотав вокруг кругов -дцать, найдет-таки, куда врезаться своим отрезвляющим уколом. И тогда мерно гудящее томное марево пронизывает вопль, озвучивая сопричастность, слитность, обратную связь и взаимопроникновение человека и Бытия.

Вот прошлое лето было негодным, и жалко даже не самой ягоды – этих клубничных походов, со вкусом и запахом, настоящим на травах и цветах, земле и солнце, смолах деревьев и россе, ибо ни прогулки по лесу просто так, ни сбор грибов и прочее не даруют ту долготерпеливо достигнутую сладость и щедрость разнеженного размороженного труда.

Вернемся, все же, к той поездке. Они еще только выехали, ранним-рано, и еще только предвкушали ягоду, сонно сидя в повозке. А та повозка была не телега о 4-х колесах, а двухколка. А лошадка-то была молодая, норовистая, нерожавшая еще, только-только жизнь вкушать начавшая. С ней и так едешь – она возьмет и поперет поперек луга, хоть по кочкам, хоть как, съедет с дороги и мчит, и дела ей нет, что телега на ней, а в ней люди. А тут горка – так лошадка встала: не хочешь ехать и все – горка крутовата, да. Хозяин их, человек ума неторопли-

вого, возьми, да и встань с этой повозки, которая двуколка, – в результате чего, Женя с Татьяной, сидевшие сзади, лишились шаткого равновесия, и решительно закачались, – да еще давай свою лошадку понукать, а та не будь душой, встала на дыбы. А в месте том обочина оказалась оврагом 2,5 метра глубиной, куда их с Танюхой и вытряхнуло. Жания сидела заднее, или оттого, что весом полегче, ее первую сдуло с двуколки – и только успела подумать про свой позвоночник, как наперекрест нее грохнулась Танюха, а весила она кг на 15—20 побольше. Когда же Татьяна сползла с Жени, она стояла на трех костях, потому что одной рукой ощупывала ребра и таз, пытаясь определить, целы ли ее кости, слегка подняв глаза, Женя увидела в 5-см от того места, где только что была ее голова – лежала... литовка – коса, то есть, ее лезвие. Хозяин их, безоговорочно доверяющий, что на все воля Божья, положил ее просто так в эту самую двуколку, ничем не закрепив, в результате чего она вослед за подругами и полетела, о чем он им с улыбкой просветленного и сообщил теперь. Так вот, обнаружив это режущее взор зрелище над своей головой, Женя внутренне глубоко и очень ясно прочувствовала и поняла, что жить она будет и будет жить долго, вопреки ее ожиданиям и не смотря на истерически-виноватое чувство, что колеблет равновесие мира своим присутствием...

А в это лето – не получилось побывать на клубнике...

В конце июня умерла бабушка. *Неожиданно* в 90 лет. Все привыкли, что она всегда выживает. А она умерла – тихо, во сне, как «мечтал – лишь бы на чужой рук не лежать», и летом – «чтоб могилка копать легко был». Эти 2 фразы они слышали лет 20. Накануне мама разговаривала с ней и пришла радостная: так хорошо поговорили, и бабушка отошла от сердечного приступа, который случился за 2 недели до того... 16 лет назад бабушку оперировали: рак. Оказалось, что он уже дал метастазы, и врачи предупредили, что в таком возрасте, с таким состоянием организма она проживет полгода, ну, разве что – бывают такие сильные – может год, ну, два с обезболивающими. Бабушка выжила. А 4 года назад ей удалили желчный пузырь, мама с Алькой дежурили у нее, и лечащий врач после сказал: «Благодарите дочь и внучку, мы не надеялись, что вы выживите»... В этот раз все успокоились, едва ей полегчало. В последнем звонке она сказала: «Вот, мечтаю, Жания осенью приедет»... Жания поехала летом.

На мусульманские похороны успеть было маловероятно, разве что самолетом прямо из деревни. Она приехала поездом к концу третьего дня, когда осталась уже только близкая родня. Когда поминки закончились, родственницы убрались и ушли, она уселась на диван в немом диалоге с бабушкой, чувствуя ее присутствие.

Отношения у них давно были сложные, с детства. Впрочем, с бабушкой никому не было просто. Но у них были одинаковые характеры при полной разнице во взглядах. В любой любви гораздо комфортнее смотреть в одном направлении, чем выяснять отношения лицом к лицу.

Больше года назад, когда, прожив с бабушкой полгода, собиралась уезжать, Женя совершенно отчетливо поняла, что больше ее не увидит. Жанию волной отчаянья захлестнула безнадежная вина – что всем известна – пред безвозвратно утраченным. Она попыталась наладить с бабушкой более теплые и мирные отношения, даже для этого отложила отъезд на две недели. Но, живые люди говорят, смотрят, реагируют и провоцируют друг друга куда более многообразно, чем после представляется в глобальном гимне раскаянья. Особо ничего не вышло. И тогда Женя осознала, как бессмысленна для ушедших эта запоздалая вина. Если я не умею согреть человека при жизни – это вообще моя такая душевная скудость. И она проявляется ко всему и вся. А вина над мертвым телом лишь показывает, что есть, что наращивать в своем сердце. И нужно для этого жить, отдавая живущим то, что умершим уже не пригодится. Тем спокойнее будет и последним.

Поэтому ей было сейчас просто. Она очень хотела побыть с бабушкой до 40 дней в этом бессловесном разговоре двух душ – двух сестер, которым Господь определил оказаться в одном роду, в одной связке женских судеб. И что-то помочь друг другу понять.

Видимо, в компенсацию за неучастие в похоронах, чего она и не любила, и поминках, ей вспомнилось, как в тот ее последний к бабушке приезд они вместе ходили на поминки родного дедушкиного брата, *дяди Саши*, по-настоящему *Рафката*. Тетя Флюра, вдова двоюродного дедушки, пригласила бабушку еще дней за 15. И баба все эти дни говорила Жание: «Со мной пойдешь, а то я заблужусь». Правда, они и вдвоем с успехом заблудились – промозглое слово это было очень под стать бесприютной погоде того дня – о чем бабушка раз десять потом рассказала тете Флюре. Когда же бабушка только решила взять ее с собой, Женя с *удовольствием* – и это слово вполне вяжется с мусульманскими поминками – согласилась. Проявились какие-то очень милые, приятные чувства, во сне приснилась почти вся дедова родня, будто происходило что-то, какие-то события, и Женя прямо-таки ждала, как увидит тетю Флюру и дядю Рашида, ее и дяди Саши сына. И на поминках ей было непередаваемо хорошо, просто здорово. Ничего такого, что можно описать, не произошло. Ей было тихо радостно их обнять, на них смотреть, с ними побыть. Там были и жена дяди Рашида, тетя Ира, и их дочери Наташа и Оксана, и их «молодые люди» (не знаю, как это по-русски). Сначала, естественно, молитвы. Абыстай* была чудесная – видно, очень мудрая, такое светлое и осмысленное лицо. Она пела молитвы – Женя улетела, поплакала от души, было очень хорошо. Потом абыстай произнесла, видимо, что-то вроде проповеди «за веру», за то как она спасает. Потом, как обычно это бывает, бабушки вкушали – быстро и слаженно. Так же и разошлись.

После уселась родня. Благодаря бабуле, которая взялась стесняться непутовой внучки, все устремили свои взоры на Женю – почему она *ничего* – в смысле мяса – не ест, да «что за дурью ты маешься». Если бы не бабуля, никто бы внимания не обратил, – но она, с ее сложными для Жени логическими хитросплетениями обязательно чего-нибудь отчебучит: тетя Ира и Володя, жених одной из дочерей, держали пост, и там была сварена просто картошка, и Женя ее благополучно поела. Как и пирожки и плюшки с ватрушками неповторимого вкуса детства, в которое вплетались все эти обряды и празднества, и эта атмосфера соединения большой родни.

После тех, дяди Саши, поминок Женя сошла с трамвая раньше бабушки, и тихо-тихо, часа полтора, шла пешком, вся переполненная ощущениями – детства – мусульманства – Вечности – Бесконечности – родства – Единого – многообразия мира – судьбы – ценности каждого мига – проявления Вечного и Бесконечного в малом и конечном. Погода была с ней солидарна, радикально изменив свое настроение за вечер: чудо, ее любимая – хотя водители авто вряд ли ее поддержали бы – крупными густыми хлопьями валил снег, и теплынь. Снег тут же переходил в дождь и обратно. Под ногами – месиво талое, мокрое. На деревьях – толстый иней. Капель, мягкий ветерок. Зима та была малоснежная, резко ветреная, серая. Теперь природа отдавала весь зимний снег, соединяя снежинки в сплошную влагу, слепляя ею небо и землю...

Ночью приснились дед с бабой, их дом с садом, который снился часто, впрочем, и во многих других снах, всегда играя в них *свою* роль – многообразную и важную, от отчего дома до Ноева ковчега.

Днем она принялась разбирать бабушкины вещи.

Всю ночь промаявшись с «шаром», под утро будто поспала, беспрестанно будимая солнечным светом, вздрагивая от его прикосновений сквозь слабые шторы.

Поднялась с головой, напоминавшей бабушкин старый тяжелый – потому что в нем всегда была соль, кг 5—6 вмещал – глиняный горшок. Ближе к вечеру вышла на улицу, пройтись

в надежде поймать головой свежесть. Было прохладно, или ее знобило от недосыпа. Увидела книжный магазин. «Книгу, что ль купить, что б было на что отвлечься?»

Осматривая полки, моргая сухими глазами, она оценила название: «Тропик Козерога». У нее в голове были тропики, в теле – козерог: зима и холод, длинные зимние ночи. Девушка-продавец включилась в процесс, сообщила про скандальность автора. Женя посмотрела: 30е годы. «Ну, что теперь тогдашняя скандальность. Гарри Миллер. Что-то знакомое. По-моему, он был джазмен. Интересно, еще и писатель... А может это и не он?.. Мало ли в Бразилии донов Педров...» Она пыталась соображать своей глиняной головой.

Дома она продолжила разгрести бабушкин хлам, дивясь сказочной вместительности маленькой двухкомнатной квартиры, почти без мебели. Словно, как в сказке, стены извергали из себя эти вещи. Причем, большинство из них не имели никакого отношения к бабушке, и было совершенно непонятно, что они делали в ее жизни. И что – ее жизнь в этих вещах. При жизни бабушка не давала себя от них избавить. Как-то раз, когда ее не было дома, Женя собрала мусорные пакеты, ну, уж, явно ненужные никому вещи, – Женя эти вещи помнила со времен бабушки с дедушкой еще не проданного и неподделенного на наследства дома, но не помнила ни разу, чтоб они были кем-то востребованы. Но не успела! Бабушка ее «застукала» и сердито растолкала вещи по тем же местам. Ни мемориальной, ни художественной ценности они тоже не имели. И сейчас эти вещи лежали на тех же полках не открываемого бабушкой шифоньера... Это наводило на мысль о бабушкиной судьбе. Но думать не получалось, хотелось спать. Мозгов хватало только на недоумение. Она вымоталась, запикивая вещи в пакеты и бегая с ними к мусорным контейнерам.

Надежда на сон превратилась больше в страх бессонницы. ...Когда вновь, не в силах побороть уже опостылевшие маяту и томление, в котором не было ни намека на поэзию, она вспомнила про книгу: «Да, надо себя отвлекать. Искусством. Сублимироваться в чтение», – и начала как всегда, где открылось. Прочла несколько смачных строк... перелистала кипу страниц... потом еще – все в том же духе. Она в голос захохотала «Поздравляю! Отвлеклась! Успокоилась!» «А джазиста звали Глен!» – она смеялась все громче, вникая в прелесть сюжета. Соседи застучали по трубе. Она притихла. Выключила свет. Всхлипывая от смеха, расплакалась уже беззвучно.

Кукла в сиренево-розовом

В конце детства, в последних классах школы неожиданно для нее самой, ей захотелось куклу. Очень красивую куклу.

Кукол у нее уже давно не было, и она не проявляла к ним никакого тяготения. Уже лет в 10—11 она весьма удивлялась, узнав, что у какой-нибудь подружки или приятельницы до сих пор были куклы, ими еще играли, или при ней кому-то дарилась кукла на день рождения. Уже к тому времени в ее мире большое место, может быть, как раз кукольное, занимали книги.

И тут вдруг – еще позже! – такое внезапное и настойчивое желание. Она ходила по магазинам, игрушечным отделам и «детским мирам», и искала куклу-красавицу, в красивом платье, с красивыми волосами. Ей вовсе не хотелось играть с куклой, или тем паче спать. Нет, хотелось, чтобы она была, сидела на письменном столе, и на неё любоваться. И всё. В магазинах было не густо, хотя и не пусто, а как-то все не то.

Наконец, в одном магазине она увидела куклу и задумалась. Снова было не то. Хотя красавица. То ли она была больше, чем хотелось, то ли... Она была в русском сарафане, изумрудно-зеленом, голубоглазая блондинка с двумя толстенькими косами довольно красивых волос. Волосы можно было распустить. Платье сшить другое. Фигура? Такое плоское тельце, без признаков не то что пола, вообще этого самого тела. Однако лучше уже можно было и не найти. Женя поставила её себе на заметку, все же решив еще поискать.

То ли сыграла безнадежность поиска, то ли, что скорее всего, уже возобладал практицизм: в то время Женя, вслед за мамой, стала сама себе шить, и вполне вероятно предпочла пустить деньги на ткань. Во всяком случае, куклы у нее – нет. Хотелось что-то вроде талисмана, и если бы она вообще была – то была бы и теперь.

Первые куклы у нее были как раз не ее. Они были такие большие, что, когда они ей достались, она сама была их чуть больше. Были они «с чужого плеча», и к ней попали уже без платьев. Хотя целые. Но у одной – черненькой – уже потрепанные, хоть и тоже целые, длинные, густые волосы. Она была бы красавица, и, может быть, даже мечта, но – уже потрепанная поношенная мечта. Вторая была какая-то просто нелепость – лицо у неё было просто нарисованное. То есть, глаза не закрывались-открывались, а просто глядели, не моргая, бессмысленным кукольным взглядом. Скорее бы это был большой пупс. Но лицо было... Чем-то похоже на Мэрилин Монро. Тем паче, кукла была блондинка и волосы-то были не пупсовы. Блестящие бело-золотистые короткие кудряшки. Из-за присутствия и живучести этих кукол, видимо – у Жени было такое подозрение – ей не дарились новые – и за это она тем более, хоть и силилась, не могла их полюбить.

Нерушимо параллельно ее жизни существовала кукла, красавица, вечноспящая в своей тоже красивой коробке. Подарили её Жание дядя с тетей, то есть мамин брат с женой. Они вообще любили Женю. Но жили далеко – в Саратове. Женя была «первая племяшка», а их сын, на 8 лет старше когда-то даже ее нянчил. Сюда – по тем еще советским ценам это было даже и не далеко – приезжали по 2 раза в год: зимой и летом. И вот, то ли на Новый год, то ли на день рождения они привезли Жене эту красавицу.

Это было, конечно, у бабушки. Женю торжественно позвали в зал, где торжественно сидели вокруг стоящей на ковре коробки все имеющиеся здесь родственники, торжественно подвели к этой коробке, столь же торжественно её открыли. От этой церемонии Жене уже стало не по себе. В коробке с закрытыми глазами лежала прекрасная кукла в красивейшем розовато-сиреневом платье, матово блестящем, длиннее тех, что обычно бывали на детских игрушках. Жене дали на неё посмотреть, сообщили, что она – твоя. Но пока ее не дадут, она тут полежит, пока ты вырастешь, потому что сейчас ты маленькая для такой куклы. А вот, станешь старше, и научишься с ней играть, тогда тебе её обязательно отдадут.

Вовсе Женя не была исследовательницей: не разбирала на запчасти никого и ничего: ни кукол, ни жучков, ни паучков, тем паче последних до жути боялась лет до 12—13, а ночных жирных бабочек и сейчас боится. Она была созерцательницей. И кукле этой ничего не грозило. Затея прятать ее исходила, конечно, не от мамы, и не от дяди с тетей, а, как пить дать, от бабушки, у которой все и вся должно было быть на какое-то загадочное «потом».

И вот, периодически по ее просьбе ей давали посмотреть на эту красавицу в коробке. Иногда даже извлекали ее оттуда, от чего Женя узнала, что глаза с пушистыми ресницами у неё открываются, что у неё «как настоящие» длинные волосы. И – чудо чудное! – блестящая тончайшая сеточка, подбиравшая – как в сказках – эти густые пышные шелковые волосы ее, Жениного – темно-русого цвета. Может быть, что она может порвать эту паутинку переживала бабушка?.. Туфельки были...

Женя чувствовала эту куклу – Королевой. Она была важнее Жени. Она выглядела важной. Может быть, взрослой...

...Ну, и это уже необъективно. Начиная вспоминать чисто визуально – кукла была девочка и девочка. Это она в коробке с закрытыми глазами имела надменный вид. Королева на троне.

Кукла та канула в Лету. При том, что Женя помнила, все, что нужно и не нужно – почему-то вообще не вспоминалось, куда и когда она делась. Видимо, её Жене отдали – не могли же не отдать?! – когда у Жени на неё уже не осталось никаких нравственных сил. И играла с этой красавицей уже не она, а, должно быть, младшие сестры. И тогда, когда Женя уже перестала играть, а стала читать. Хотя одно другому в принципе, ведь, не противоречит? – В принципе – нет. Смотря у кого какие принципы.

Тогда наступил массовый и в дальнейшем затяжной джинсовый период. Все носили только их. Ну, как только их? Сначала еще не все возрасты – в основном, молодежь и те, кто могли себе позволить из соображений фигуры – тогда еще об этом думали.

Итак, Женя сшила платье. Тонкая шерсть, мягкая розоватая терракота с легким матовым лиловым акцентом. Присборенные по окату широкие рукава с длинными узкими манжетами. И юбка, подол которой можно было веером-крыльями развернуть до головы. Джинсовый бум. Все только-только дорвались. Но когда она надевала это платье – на нее смотрели все – и мужчины и женщины – всех возрастов, долго и заморожено сопровождая взглядом. Цвет платья был другой, чем у куклы-красавицы, но совершенно из той же гаммы.

Это был последний класс школы, она даже думала, не надеть ли его на выпускной. Но оно было не на жару, конечно.

Она задалась вопросом, а что такое, собственно говоря, «монахиня»? Почему ее преследует это слово? В конкретном будничном проявлении? А что такое женщина в том же самом? Она взяла два листа бумаги, разлиновала каждый по вертикали на две части. В первом: что нужно, что не нужно женщине, во втором – что нужно и не нужно монахине. Взялась с женщины, посидела, подождала, как-то ничего не шло. Она принялась за другой, стала писать «о монахине».

Получилось два совсем неровных столбца.

В первом: много молиться, много трудиться, мало одежды, мало еды, послушание, чтение Писания.

Во втором (начиная с главного) не нужно: мужчины, секса, красивой одежды, красивой обуви, косметики, магазинов, умения выбирать эту одежду, косметику и прочее, умения кокетничать, флиртовать, умения общаться и строить отношения с мужчинами, красивой прически, заботы о волосах, коже, вкуса во всем, что касается внешности, развлечений, маникюра, педикюра... Путешествий, чтения разных книг, творчество – тоже, в общем-то, и не обязательно...

Да-а...

Надобность писать, что нужно женщине отпала. Она рассмеялась. Именно, в стремлении ограничивать себя во всем этом, а где-то уже и *без* многого из этого, она и жила все эти последние годы... Как-то незаметно постепенно втягиваясь в такой образ жизни.. Икс стремящийся к нулю. Где икс – это она. А ноль – это... ноль.

И, конечно, со стороны было виднее.

Вот уже недавно один молодой человек – спросил ее: «Ты зачем себя голодом моришь?» Тут она с удивлением, благодаря нему – оказывается, это так бывает заметно? – обнаружила, что никак не может взять себя в руки до сих пор, и бросить привычку морить себя голодом, есть не тогда, когда хочется, а *гораздо* позже, после того как... ну, да, повоздерживается. Такой ритуал. Зачем? Ну, не знаю, надо.

...«Жания, что, невкусный, что ли?», – вдруг слышала, улетевшая в неведомые дали над любимой всеми бабулиной лапшой, Женя прямо в ухо. В детстве Женя очень не любила есть, чем вызывала каждый раз расстройство бабушки. «Если кушать не хочешь – силком толкай», – переживала та. Сама Женя считала, что она просто *медленно* ест. Тем не менее, садясь за стол обедать после школы – проголодавшись до сосания в желудке – она обреченно вздыхала: сколько люди времени тратят на еду. На сон, посчитали, треть жизни. А на еду – само поедание, приготовление, магазины, а еще, ведь, зарабатывать на нее! С ума сойти! Осознание этой необходимости вызывало у нее только тоску. Когда приходила из школы, а папа был дома «с ночи», его первый прямо у двери вопрос-утверждение: «Есть хочешь?» – вызывал у нее жуткое раздражение. Ну, конечно: время – 15 часов, последний школьный перекус – часов в 11, и такой вопрос! Но ее-то раздражало не то, что он сам не догадывается – как раз то, что *догадывается*: она шла и страдала, что придется заниматься таким бранным делом – *едой*, что никак не уйти от этой необходимости – а ей еще мозолят мозги об этом, нет бы как-то сделать вид, что этой необходимости как бы и нет. Папа и дед у них готовили, папа очень любил и готовить, и кормить, дед каждое утро на каникулах будил репликой: «Это как называется: тринадцать (четыринадцать) часов во рту крошки не было?!» – а тут такая дочь и внучка.

А потом мама увлеклась Порфирием Ивановым, вовлекая и Женю с сестрой. Сама мама из всей этой системы стала только обливаться, Женя – это был последний класс школы – сразу принялась и голодать. По ТВ стали показывать мультики по Евангелию, и увидев историю, как Христос накормил пятью хлебами и рыбинами кучу народа – она решила голодать неделю. Выдержала только три дня, мама со слезами уговорила ее прекратить, да Женя работать уже не могла, а она мыла полы в мамином НИИ, было это весной перед университетом, и еще и готовилась к поступлению. Дальше она начала сильно мерзнуть. По своей конституции ее организм был явно не приспособлен к этому подвигу голодания вовсе, но ей было надо. А зачем? Надо, и все. Чтоб Приблизиться. Иначе Жене было как-то некомфортно быть. Она пострадала над нестойкостью своей плоти и от Иванова отошла: все же нужно было учиться.

Но как же! Ведь она так любила всякие званые обеды – и в гостях, и дома! Радостно участвовала в приготовлении еды, в оформлении стола, в самом *вкушении* – тогда она ела с удовольствием, смакуя, наслаждаясь вкусом и процессом.

В 20 лет пошла на шейпинг. Там назначали такие нормы питания, а вернее, непитания почти ничем, что у нее начались голодные истерики, и тут она довольно быстро бросила эту затею, потому что, опять же – нужно было учиться. Но вот уже позже, четыре года спустя, обнаружила, что стала – постепенно – питаться, а вернее непитаться почти ничем ровно так же. Но мотивация – была другая. Из высокодуховных соображений укрощения плоти, ей это давалось куда легче. Во всяком случае – понятнее. А для фигуры – это неинтересно. Но и то сказать,

теперь не нужно было нудно считать калории! Правда, тело и теперь было с ней не согласно, да кто ж его теперь слушал...

Про одежду картинки – тоже очень разные.

Вообще-то шить Женя не очень любила, потому что считала, что не умеет, но шила, как и ее мама – если уже шить, то уж так, что какой-нибудь комар-профессионал нос не подточил бы. Но это ж уйма времени! Но ей не жаль было многих примерок перед зеркалом и долгой возни. Шила на каникулах. По магазинам тканей ходила – как в картинную галерею. Рождался образ – мама уговаривала Женю учиться на модельера – и с ним она с волнением в груди ходила от стенда к стенду – и вдруг – оно! – находила нужную ткань. Образ был или свой – или из журналов, но по-другому. Шикарное – и это слово весьма уместно! – платье из «Бурды», в стиле сафари, с кучей деталей, но совсем иная идея ткани: из красиво очень мелко, очень деликатно жатого хлопка с мелкими пастельно-сиреневыми розочками – шила летом почти месяц... И вот, ведь, где-то вскоре ее и понесло совсем в заоблачные дали, и Женя отдала платье маме. Та носила, потому что оно было действительно и красивое, и стильное, и прелестное, и качественное, а Женя все равно категорически не стала... А английский пиджак из блестящей шелковой вискозы Женя отдала сестре. Она успела сшить эти вещи, будучи одной Женей, но носить уже не успела. И маму в платье, и сестру в пиджаке неизменно осыпали комплиментами.

Как и с едой в детстве, если ее отрывали от погружений в высь, она взирала на занятие одевания – то ли ей что-то дарилось, то ли шилось, то ли покупалось – как на непонятную мельтешню, скучную необходимость: отпустите меня уже поскорее.

С какого-то времени выбор и вообще необходимость идти в магазин, примерять, выбирать, тратить на это время и! – смотреть так долго в зеркало! – стали вызывать у нее совсем тоску, и она старалась об этом не думать и откладывать как можно больше на попозже. Правда, она по-прежнему шила и вязала – добытое личным трудом как-то больше вписывалось в ее миропонимание – и она позволяла себе это носить. Если... не отдавала кому-нибудь. И не только маме и сестре. Правда, такое впечатление, что лишь бы отдать... Хотя в тот момент казалось, что кому-то нужнее или лучше будет эта вещь. В результате всего в ее гардеробе хронически не хватало одежды на какие-нибудь случаи или даже погоду... Дошло до того, что однажды на Новый год, сама придумав себе образ и собираясь в магазины, вошла в состояние паники, приведшее в итоге к несварению желудка. Тогда она, правда, задумалась – что что-то не то...

Как-то сами собой в ней выросли и заполнили много места именно эти особенности ее бытия.

... – Ну, и что? – подумала она, вспомнив сейчас всё это. – Это и с другими, наверно, бывает. И можно объяснить, наверняка, какими-нибудь психологическими причинами, «из детства». Сколько народа ходит в одном и том же чуть не зимой и летом... «Привязка к школьной форме», опять же... – Но ты же сама это и отмечала, и тебе не очень нравилось такое однолепие. Можно объяснить – объясни. С другой стороны, а причем тут еда?.. Опять же, не всех на каждом углу называют «монахиней»..

Уже не совсем было детство.

Откуда же началась та серьезная девочка, которая незаметно для себя превратилась в «монахиню»?

...12 лет – рубежный для Жени год. Очень явно произошла перемена. С одной стороны, случилась естественное изменение девичьего организма. С другой...

Женя смотрела в окно.

Их улица с громким названием «Московская» имела весьма сельский вид: до полного впечатления не хватало только кур и поросят в лужах. Когда они на ней поселились, первые два года здесь еще ходил товарняк, грохоча вагонами, штук по 20—30, и Женя с Алькой неслись к окнам их считать. Голова состава уходила за поворот одной стороны – в загородные просторы, а хвост еще скрывался за поворотом с другой – в самую крайнюю улицу. Такая громадная гремящая гусеница поперек города.

Потом, к спокойствию и счастью граждан, в особенности всех родителей, товарняк убрали. Рельсы, кажется, остались. Но со временем их частично засыпало и затоптало землей. По сторонам самой дороги были большие насыпи, зимой с них удобно было кататься на санках, картонках или попе – у кого что было под рукой. Автодороги не было. То есть асфальта. Была грязь. То есть просто земля, местами заросшая травой и кустами, а местами – изрытая колесами грузовиков, заезжавших сюда, например, в «Гастроном», расположенном напротив наших окон.

Вот туда, в подвал магазина, должно быть, за мышами, а – кто знает? – может, и за колбасой – пробиралась черная кошка, когда Женя ее увидела.

Она двигалась важно, томно, грациозно неся себя, исполненную достоинства, снисходительно свысока оглядывая все лужицы и лужи, борозды из грязи, ища среди них островки сухой земли, куда можно было бы поставить лапу и торжественно перенести свое полное изящества тело. Ее черная гладкая шерсть переливалась на солнце дорогим шелком.

Наконец, она выбралась на сухой кусок асфальта около магазина. И столь же торжественно спустилась в подвал. Это завораживающее церемониальное шествие – и даром, что без свиты – по пяти метрам грязи и двум метрам асфальта длилось минут 7—8, и так зачаровывало, что не успела Женя оторвать глаз от того места, куда скрылась кошка, как секунд через 10 та выпрыгнула или, точнее, ее вынесло оттуда же. И – в две секунды и три прыжка (не менее грациозно блистательных, надо сказать) – она преодолела то же пространство в обратном направлении. При этом наверняка она – Женя была в этом абсолютно уверена – вовсе не замарала лап, хотя ей было явно не до выбора дороги.

Что произошло в подвале – остается интригой.

...Смотрите в окно. Если вам взгрустнулось, нечем развлечься, хочется чего-то непонятного или с вами нет кого-то... Посмотрите в окно – там ходят люди, живые, там до сих пор есть кошки, собаки – с поводками, а на другом конце поводка – опять люди, и даже птицы летают и даже разные. Там деревья, дома, а в них – окна. А за окнами – тоже люди. Живая жизнь.

Если просто сесть, подпереть щеку ладонью, можно налить себе чаю и не допить его...

...Помимо обычной и воображаемой жизни у Жени были мгновения вечности, которые во времени длились довольно не мало. Возвращаясь из школы в третьем часу дня, Женя, куда уж деваться, садилась есть. Поскольку занятие не было любимым, нужно было себя развлекать: как правило, бралась за книги. В тот год, папа, приходящий домой раньше всех, в пятом часу вечера, входя, произносил: «Привет блаженным!». На звук открывающейся двери, поворачиваясь к ней, отрывая глаза от окна, Женя будто пробуждалась. На ее лице сияла какая-то странная полуулыбка, она и вызывала у папы это приветствие. За те мгновения, в которые

Женя погружалась в вечность, молоко в чае успевало прокиснуть, а смоченный кусочек сахара растаять в лужицу и снова застыть...

Сидя так над чаем и глядя в окно, Женя *любовалась свечением своей души...* Она смотрела свою душу внутри себя, глядя на ходящих за окном людей, на меняющуюся погоду... Женя точно знала, что это была *она*, и видела ее не глазами тела, ни третьим глазом, и ни в теле, и ни в области сердца – а чем-то и где-то внутри себя. Свечение, похожее на сияние вокруг пламени свечи, внутри какой-то теплой живой дышащей душистой, как летняя ночь, темноты. Завороженная этим свечением, Женя трепетно радовалась тому, что внутри нее.

Так продолжалось с полгода. Но никакого конфликта внутри не было. Это был предпоследний год все-таки еще детства. Было хорошо.

...Я созерцала жизнь. Я хотела посадить вишневый сад, такая помесь Чехова – и у Толстого ее тоже много – вишни – и Дао. И у бабушки в саду в мае на свежевскопанной земле красиво белели стволы и цветы весенних вишен. «И мы увидим небо в алмазах»...

А если еще пораньше вернуться в детство?

Жене было 11 лет. В тот год она стала по-другому читать книги. В детстве перечитала всевозможные сказки, какие могла где-либо найти, народные и авторские, отечественные, западные и восточные. Женя аккуратно читала и ту литературу, которая «рекомендуется детям и школьникам», как писали на этих книгах, потому что была послушной, серьезно-исполнительно образующейся девочкой, и стала думать, что книги читать совсем не любит. Зато любила статьи по истории искусства и репродукции, которые мама давно собирала из «Семьи и школы», «Работницы» и «Огонька». Теперь это занятие перешло к Жене. Попутно она изучала и педагогические статьи и сама узнавала, как ее нужно воспитывать и «какие характерные явления обычно происходят в этом возрасте» с ней.

Так вот, до одиннадцати, вернее, до десяти лет и девяти месяцев Жания полагала, что не любит читать книги. Пока, как-то летом в гостях у тети Дины, на дороге к кухне ее хрущевки, стоя в ожидании чаепития около шкафа с книгами, не вынула серенький том «Мертвых душ». И так и осталась там стоять, не слыша, ни как ее звали, ни как без нее пили чай. И как была счастлива после, что успела прочесть, будучи совсем не осведомленной, какую роль эта книга играет в русской литературе, и что там нужно видеть. Женя просто хохотала от души, и восхищалась богатству языка и образов. Потом перешла на Чехова, потом на Горького, и далее по списку.

До «Трех мушкетеров» Жене предстояло еще дорасти.

Их родную школу закрыли на капремонт, а их самих перевели второй сменой в другую школу – в гости – которая была на несколько кварталов дальше. Это были самые, вернее единственные, счастливые полгода Жениной школьной жизни. Она высыпалась! Это чудо, восторг, упоение! Успевала начитать книжек, прибраться дома, и по солнечному дню, а не по хмурому непроспавшемуся утру, придти в школу. Занятия кончались в 6 вечера, и Женя с девчонками шла домой, – портфель везла по снегу как санки, и проходя тетенька отругала ее, что не бережет труд родителей. А Женю в тот год чуть не положили в интернат для детей с большим позвоночником. Вообще-то потом, когда в 9м классе от одной девчонки, пожившей там, Женя узнала про тамошнюю жизнь, она пожалела – и весьма – об упущенных возможностях саморазвития: там очень занимались творчеством детей, и совсем нестрашная была дисциплина. Но... тогда ей это было не переступить – и что *больше* пугало? – ощущение недома или несвободы. А совсем уже недавно одна взрослая подруга, рассказала о подруге своей дочери, вышедшей из такого же интерната: и теперь уже взрослое сожаление посетило Женю – оздоровлением там занимаются, оказывается, тоже всерьез. Может, сейчас было бы меньше проблем, больше

способностей. Но их мама – очень жалостливая женщина – на Женино: «Мама, не отдавай меня туда!» – согласилась сразу. Вот тетя Дина, мамина сестра, отдала бы, не глядя ни на какое нытье...

Когда кончился снег, она придумала носить по половине учебников, договариваясь со своей соседкой по парте, кто какой несет. Иногда забывали договориться, и на какой-то урок у них было по два учебника, а на другой – ни одного, и Жене приходилось – так как это ее затея – просить у других. Однако вскоре их соседи переняли этот опыт, и им нечем было делиться, и шурум-бурум на весь класс по добыванию учебников приводил к очередному «неуду» по поведению в дневнике Жанин – по тогдашней градации то ли «качественной хорошистки», то ли «твердой качественницы». «Ты могла бы быть отличницей!», – пытались пробудить ее гордость учителя: ее неуды или уды за поведение, как и вызовы родителей, на уровне завзятых некачественников были, по мнению учителей, непоследовательностью Жениной жизни. Не пробуждалась... Жене было весело.

Зима была теплой и снежной, они застревали во дворе под красивыми розовато-рыжими фонарями и рисовали снежками на крашенных в терракоту стенах домов.

А потом пришла весна, Женя упивалась лазурным теплом апрельского неба сквозь набухшие янтарными почками ветки высоченных тополей.

Вечером еще успевала сделать уроки, наболтаться с мамой. Жизнь была долгой, насыщенных ярких цветов. Женя торопилась наполниться ею, смутно, но явно ощущая: что-то уходит... Два года спустя она поняла, что уходит детство...

В поезде. Впечатление

В то лето Женя с мамой и Алькой ездила в Саратов, в гости к дяде. Она впервые ехала так далеко на поезде. Естественно, она смотрела в окно, наблюдая превращение природы из уральской, гористой, строгой, почти таежной или степной раздольной в легкую кудрявую волжскую с теми же бескрайними только солнцем завешенными степями. Соседи были хорошие. Погода тоже была *хорошая* – то есть в поезде было душно. Почему *хорошей* погодой называют отсутствие дождя? Она любила дождь. На ходу в окно врывался не успевавший даже от скорости остыть, но все же обновлявший воздух, ветер.

Очередной раз подъезжая и отъезжая от большой или маленькой станции, уже который раз она испытывала скрежещущее по внутренностям напряжение стискивания, глядя на заборы-заборы-заборы из бетона, железки-железки-железки разных форм и размеров, между которыми они проезжали, под которые ныряли, над некоторыми вдруг оказывались – и тогда можно было видеть сверху размах этих конструкций. И после – вздох облегчения, расправление внутренностей – они вновь выезжали на простор, где голубая высь сливается с зеленой далью, или в лесной строй приветливо вытянувшихся деревьев, сверкающих улыбкой мелькавшего сквозь них солнца. И вдруг – вновь, будто *ее* заточили в этот бетон, *ее* карябали этими железками – ей становилось больно, неудобно, некрасиво, жестко смотреть на технические подробности – так много – технического прогресса.

А почему? Почему мы так коряво, так жестко, так шершаво, так некрасиво тут живем – среди всей этой нежной и величественной, трогательной и лучащейся, льющей и поющей, колышущейся и цветущей красоты? А почему? Неужели нельзя как-то по-другому?.. Это впечатление тела соединилось с какими-то умственными впечатлениями, почерпнутыми из школьной истории, из мимоходом услышанных новостей, из разговоров взрослых, из жизни их промышленного города... отовсюду. Она словно была – Земля, стала ее телом, ее почвой, ее водой и воздухом, ее жизнью – и ей было больно, потому что ей было тесно, ей было неприятно...

Она растерялась, и сбросила с себя непосильную возрасту ношу вопроса-состояния, и стала жить дальше. Но уже с этим вопросом где-то внутри.

Настал год 12летия.

В середине того же лета Женя... влюбилась. Первая любовь?.. К ней не очень подходит этот образ. Не случилось никакой юной романтической истории.

В связи с ревностью папы, у родителей Жени не было друзей: сначала исчезли его друзья, мужчины, потом и мамыны, женщины – с ними, ведь, можно было *куда-то* пойти. В детстве Женя даже на полном серьезе считала, что друзья и дружба – это чисто детское явление. А потом бывают только родственники. А вот Тетя Женя, мамина *детская* подруга, в честь которой Женю-Жанию косвенно называли, с учетом, что бабушка хотела татарское имя, в их жизни все же появлялась.

Во второй половине июля – день рождения тети Жени. Тетя Женя – вся теплая, солнечная и щедрая, как вторая половина июля. И у нее есть муж, дядя Андрей.

Женя замерла, очарованная новым чувством, которое зародилось и росло в ней. И Женя трепетно носила его внутри. А дальше не знала, что с ним делать.

А вскоре по ТВ показали отечественных «мушкетеров». И Атос был похож на дядю Андрея. Так как настоящего героя Женя видеть могла немногим чаще, но зато и читать о нем было уж точно негде, то ей пришлось заполнять пустоту чтением «Трех мушкетеров». И тут с некоторым разочарованием она убедилась, что дюмовский Атос – бледная карикатура нашего отечественного Смехова. Если поверить алгеброй гармонию – то выдвигается очень похожая

на правду версия, что самой основной привлекательностью дяди Андрея и Атоса вместе взятых, было непробиваемое самодостаточное спокойствие. И это было главное и какое-то невообразимое в жизни отличие от их папы. Видимо, это была смесь восхищения и почтения. Когда Жене было одиннадцать лет, мама первый раз подала на развод – после этих разов было еще несколько. Их папа – широкая горячая русская натура, как любят изображать иногда в кино, к этому моменту, в взволнованных крайне чувствах разбил два новых, едва только из магазина, музыкальных центра – по очереди, конечно, хряпнув их об пол. Правда, Жене чрезвычайно повезло при обоих этих фейерверках не присутствовать. А вот табуретку, тоже новую, крепкую, разлетевшуюся кусками в разные стороны перед ее носом – она видела. Табуретку починили и она до сих пор жива. Женя то и дело, все силилась вспомнить да не получалось, чем ребенок 10 лет, собравшийся перекусить после школы в ожидании мамы, мог так раздражить взрослого мужчину? Ну, видимо, смогла. Тогда же, в первый раз Женя услышала от папы слова, что если бы не *она* – у них с мамой были бы *прекрасные отношения*...

А тут – такая невозмутимость. За душу взяло.

Однако еще немного про 11 лет и папу. Женя очень ждала родительского развода. И какие бы епитимии она после на себя не накладывала – никак не могла в этом покаяться. Ну, не получается. Она мечтала, чтобы в их доме воцарилось спокойствие. Ну, хоть какое-то. Но папа после новости о разводе попал в больницу, в кардиологическое отделение. А через три недели там с ним случился инфаркт. И он опять долго лежал. А Женя ходила к нему, так как: *первое, всех надо прощать, второе, папа, ведь – болеет, и третье, я, как дочь, должна*. Мотивировав таким образом себе свои визиты, Жаня ходила, как оказалось, чаще, чем вообще кто-либо еще, а тем более дети, а тем более одиннадцати лет, ходил туда к другим больным. Чем восхитила и тех, и всех, и папу растрогала. После больницы папа побывал в санатории, откуда вернулся довольный собой, и потом еще год не пил, и даже не курил. Так что их дом на какое-то время посетило-таки спокойствие. Это и был год ее двенадцатилетия, ее блаженных замираний за кухонным столом.

Так вот, Женя доросла до мушкетеров.

Сначала ее чувства смешались, она уже не знала, в кого на самом деле влюблена. Но не любить же, в самом деле, литературного или киногероя?! Женя была очень разумная девочка. В то же время, безнадежность реальной ситуации требовала трансформировать чувства во что-то. Ее чувства перешли к околоисторической литературе. Сначала взялась читать остального Дюма, но... ей не понравилось. По многу раз Женя перечитывала любовные сцены, а еще интереснее и более волновало – чувственные описания внешности героев, которыми были богаты именно исторические романы (или ей такие попадались?). Женя стала вырабатывать сама себе осанку и походку. Это уже позже в каждом женском издании, можно было обнаружить подробности походки манекенщиц, тогда же ей пришлось самой выискивать между строк в этих «исторических подробностях» красивые и при этом удобоисполнимые в наше время варианты. В общем, вполне себе логичное и понятное девичье состояние. И вот как-то возвращались они всей семьей с картофельного поля, после прополки, и Женя позади всех «репетировала». Папуля обернулся, и, дурачась, предразнил ее движения...

...Да-а. Это возымело во мне определенный отклик. Я как-то будто забылась, а тут вновь стала стесняться, что принадлежу к женскому полу, что я – женщина, девушка, девочка – не важно – вообще женщина. Я *опять* почувствовала, что я какая-то не такая, чтобы быть такой.

Это чувство было какое-то родное, знакомое, даже почти комфортное, я в него словно вернулась. Я с ним жила много лет, все детство. То же, что со мной происходило в 12 лет – это было новое, необычное и влекущее, странное, интересное. С одной стороны – ведь, очень естественно, что непривычное: уже не совсем детство, волнующее пробуждение женщины. С дру-

гой стороны, почему же чувство, что «я не такая» – почему *оно* оказалось таким привычным, словно возвращение в свою гавань? И папа мне о нем напомнил.

Странное ощущение погружения в *уже знакомое* чувство – говорило о том, что корни его лежали где-то дальше, глубже, раньше... И, может быть, даже не в детстве. И, может быть, даже не совсем во мне? Не в моих мыслях...

...И все же... Кукла в коробке. Кукла в сиренево-розовом... Коробка в шкафу. Ключ у бабушки. Шкаф в бабушкиной комнате. Комната за дверями. То-то я любила сказку «Огниво», где герой открывает все двери, несмотря на чудовищных собак.

Ну, что ж... Пора второй мне выходить из заточения. Замена главной героини.

Элька

*Мой первый друг, мой друг бесценный.
А.С.Пушкин.*

Еще весной, перед курсом мануалки пришло письмо от Эльки. Элька жила в Чехии, а была – подруга Жени с детства, с тех самых 12 лет. Одна в таком своем роде. Именно таких больше не произошло. Хотя, если разобраться, людей вообще на свете не так уж много. Каждого по одному.

Период Жениного очарованного погружения в свой внутренний мир длился с осени до весны. В начале весны – наверное, это был март, Женя подружилась с Элькой...

Такая дружба сродни любви: возникает не из-за чего, а просто так. И это «просто так» – суть совпадение и сплетение всяких внутренних и внешних разностей и самая необъяснимость этих многосложных совпадений. Одна дополняет то, что нужно другой, и схожа в том, в чем хочется сходства. И мелочи играют одну из главных ролей: например, обе любили шататься по улицам, общаясь, или общаться, шатаясь по улицам. Такого вообще не было, чтобы сидели дома. Это уже позже, лет в 15, стали заходить к кому-нибудь попить чайку – похлепать супчику – поесть картошечки. У Элькиной семьи была дача в деревне, там какая-то очень урожайная и особенная почва, и картошка выходила огромнейшая и изумительно вкусная.

Элька потом сказала, что она давно начала подбирать к Жене ходы, и этот день был итогом ее трудов. Но Женя об этом не знала, и для нее тот день был – сюрприз, счастливое стечение обстоятельств. Они втроем, – еще была Элькина подружка, – дежурили в школьном музее и чрезвычайно весело, хорошо и, как сейчас бы Женя сказала, *душевно* провели там часов несколько, болтая о чем, не вспомнить, но было удивительно интересно. За последний год Женя уже привыкла с прежними подружками отмалчиваться о том, что занимало мысли и чувства. А в этот день неожиданно-радостно открылась возможность делиться. Словно открылась дверь – в другой дом, где интересно ей и где интересна она. И когда они шли домой – была ранняя, зимняя еще, весна, – на газонах – насыпи белого снега, тающего днем и застывающего ночью, солнце, отраженное снегом, весело слепило глаза, и в окружении запахов, звуков рождающейся весны Женя поняла, что они – подруги. И для нее их дружба началась с этих сверкающих лучей на хрустальных кружевах льда...

...Прочитав к 14 годам всерьез и проникновенно, кроме «Мертвых душ», всю прозу Пушкина и Лермонтова, их же черновики – особенно, почему-то, полюбила черновики, недописанное или вовсе «неначатое», Тургенева, по половине – Чехова и Горького, «Войну и мир», один том Мериме – больше не было и, что характерно, это был том эссе о русской литературе – Женя взвыла. «*Дайте какой-нибудь глупый французский роман!*», – они с Элькой были записаны во все библиотеки района, но пошли в маленькую, недалеко от школы, где решились озвучить эту мысль. Их пустили по рядам – по полкам. Хотелось что-то... вроде Дюма, что ли? Но не его. В нем Женя к этому моменту порядком разочаровалась: однообразно и скучно, «Ради „Трех мушкетеров“ стоило, конечно, написать всю эту макулатуру, но я ж теперь не обязана всю ее читать». Тогда не было, уже тем паче, в библиотеках, такого изобилия «женских романов» – а хотелось что-то такого. Именно, что – такого. Без лишних мыслей. Пересмотрев все, в результате взяли: Женя – «Семья Тибо» дю Гара, Элька – «Очарованную душу» Роллана... И с французами не повезло...

Женя не умела рекламировать – не то, что читала, – а себя, прочитавшую. У Эльки классно выходило. Она понимала, что это «взрослая книга», не для всех и каждого даже взрос-

лого. А чем она взрослее тех, которые «проходят» в школе 14-летние дети, «Войны и мира», к примеру? Элька действительно вручила подруге «Очарованную», за что Женя была ей чрезвычайно благодарна. Героиня напоминала Жене, чем дальше она читала, тем сильнее, ее собственную маму. Почему? Не по сюжетам жизни, конечно, но по сути, отраженной в названии. Каждый раз за книгой возникало устойчивое ощущение, будто Женя нашла потерянный мамин дневник и читает его без спросу.

Еще ее позабавила литературно-философская полемика Роллана с Толстым. Из чего она догадалась, что Лев Николаевич вызывает бесспорную любовь и очень спорные мыслечувства не только у нее и у Владимира Ильича...

И ведь ей была так близка и понятна эта женщина, эта очарованность, эта чувственность...

Они с Элькой, похоже, опять прогуливали школу. Как можно сидеть в форме, за партами в такой день?! Снег валил и валил. Мягко, пушисто, роскошно, крупными пышными хлопьями в пол-ладони, кремовым предвесенним влажным обилием расстилаясь вокруг. Солнце просачивалось сквозь высокое одеяло облаков. Они балдели, гуляя по скверу, протаптывая дорожки по липкому снегу.

О чем они говорили? И каким образом, зачем, почему – вопреки этому пышущему великолепию Женя вспомнила какие-то свои мысли, и – «А не стать ли мне девственницей – навсегда, пожизненно?» Женя шла, слушая Эльку, у которой никогда не возникло бы подобной идеи, и определенно чувствовала, как ее завораживает эта мысль.

Тогда она ничего не решила. Но с разными интерпретациями эта мысль посещала ее с тех пор часто и упорно. Точнее будет сказать, она просто поселилась в ней и выходила в свет в различных версиях, при самых разнообразных обстоятельствах. И что немаловажно, в совершенно различном ее настроении.

Мысль, ведь, когда появляется, кажется невинной. Просто мысль. Просто думаешь. А потом вдруг оказывается твоей судьбой. Но откуда могла знать?

...А, ведь, первым Женю назвал монахиней не кто иной, как родной папа! Примерно в то же время, лет в 15. Если точнее – еще хлеще – он то и дело стал называть ее *«игуменьей»*: трезвый – с уважением, где-то даже восхищением, пьяный – с раздражением. Правда, Женя никак не сводила этих определений со своими внутренними состояниями. Папа много чего говорил. Все шло само по себе и много позже стало зримо и явно об одном, то есть о ней...

...Пришло не письмо, а бандероль. В ней – журнал с Элькиными фотографией и текстом в редакторской колонке, и статьей.

Женя собиралась с мыслями. Сколько лет прошло?..

Они еще видались после детства на студенческих каникулах. И потом еще как-то. Но жизнь их почти сразу развела. Женю – на восток, Эльку на запад. Элька тогда училась поочередно в обеих столицах, меняя ВУЗы.

Мыслей, вообще-то было достаточно. Они общались всегда легко и глубоко одновременно. То есть легко устремлялись вглубь, минуя «погоду», и «как дела». И поэтому часто так и не знали этих друг друга дел. А вот о мужчинах Женя с Элькой не говорили никогда.

И столько лет прошло. Сейчас все мыслеобразы Жени прямо глубоко и непосредственно были связаны как раз с «как дела» и с мужчинами. Даже не понятно, с чего начинать...

«...Начну с того вопроса, который интересуется обо мне всех встречных-поперечных, может, и тебе он интересен. Который и меня с некоторых пор стал интересовать: про мою личную жизнь. У меня ее нету. В том смысле, в каком обычно имеется в виду: нет мужчины –

опять же, в том смысле, в каком обычно имеется в виду. И не было за все время нашего с тобой необщения.

Причем, я это не нарочно. Я ждала любви. И жду. Но со мной произошло странное явление. Как его описать изнутри – пока не знаю. Поэтому сообщу, как меня еще недавно называли друзья и не только они: «Монахиня».

То, что я увлеклась вопросами веры и Бытия и религиями – ты знаешь, еще присутствовала. А вот вопросы житья – ушли на какой-то дальний план... Постепенно. Во мне выросло что-то, и преобразило меня внутри и снаружи. И теперь – вот, результат. И это длилось несколько лет. Но я упорно не замечала. Что, впрочем, естественно – не видеть собственных ушей. Друзья-подруги били тревогу, всячески со мной беседовали, обозвали меня этим словом – пытались вразумить. Я не видела ничего необычного. Сознательно, ведь, я действительно ничего не делала. То есть, я не решала, что мне этого не надо. И я всем отвечала: все нормально, я жду любви. Меня уговаривали, что нужно быть открытой ей, а ты, мол – о! – еще для меня придуманный образ: а на тебе *духовная паранджа*.

Ну, и надо сказать, под эту паранджу никого не тянуло заглянуть. Хотя... откуда я знаю? Если меня не тянуло выглянуть – то это не значит ничего больше.

Но потом как-то я поняла. Обстоятельства и, все же, люди помогли увидеть, что *я только считаю, что ничего не делаю против*, и жду. А на деле – и не жду, и много чего делаю против, но как-то естественно для себя, как дышу. В этом и сложность, поэтому я ничего и не замечала.

И все-таки произошло это не нарочно. Я увлеклась одной стороной жизни, которой мало кто увлекается. Пока не заболела.

Вот уже второй год, как я большей частью *лежу* в родительском доме, в деревне. И ладно еще приспособилась лежа вязать. Беру заказы. Но для этого нужно в город ездить. Здесь заказывают мало, а платят еще смешнее. Заодно сообщу тебе, кем я работала до того: поваром, няней в семье, воспитательницей в детском саду, даже домработницей (приходящей, когда ездила к бабушке и застревала там). Немного – администратором в кафе, получилось забавно: пришла временно как кухонный рабочий, а администратору нужно было срочно в отпуск, ей сказали – найди себе замену, а было некого, вот, она меня и вычислила. И у меня неплохо получалось. И кафе было хорошее. Вкусное, и меня хотели там оставить. Но дальше я не стала: решила, что это способствует росту гордыни – управление людьми – а мне это ни к чему. И я себя вернула к физической деятельности. Но не она одна причина моей болезни, как я теперь понимаю. Вернее сказать, эта жажда физического труда – следствие того же моего увлечения духовной стороной бытия, а честнее сказать, какого-то религиозного экстаза, в который я постепенно вошла, пока меня оттуда не вышвырнула собственная плоть прямо на кровать. Но, Слава Богу, еще не на больничную!!

В общем, всего не опишешь, даже в длинном письме. А было хреново, правда. Я, например, проехав 40 минут в машине, вылезала оттуда буквой «Г» – потому что ноги выпрямляются, а спина – не выпрямлялась. И как была под 90 градусов к ногам, так и оставалась. И нужно было, чтоб кто-то помог распрямить. Я упиралась руками в машину, постепенно перемещая их кверху, а мне сзади давили на попу – аккуратно и потихоньку. Сейчас – получше, но сидеть долго не могу. И ты понимаешь, наверное, что в таком плачевном положении что-то совсем не до личной жизни, а меж тем именно в этом положении – так сказать лицом к земле – я о ней, наконец, вспомнила.

Так вот, теперь у меня есть много времени думать. Заболел – нижний отдел позвоночника. Понятно, были врожденные причины, может, ты помнишь, я в детстве всегда была освобождена от физры из-за них. Но, знаешь, Эль, мне эта болезнь много чего открыла, и еще, наверное, откроет, хотя куда уж. Я всякие книжки давай читать, может быть знаешь, психологов, о метафизической стороне болезней. Стала работать по всем методикам, всякие упражнения психологические делать. Но только они не совсем обо мне, что ли? Поэтому даже свои

стала придумывать. Самая главная методика – быть честной с собой. Только не всегда разберешься – а где она, правда? Она такая сложноустроенная, у нее слои и грани, и ее много. И какая нужна в данный момент? В юности я снимала с себя маски – получилось быстрее. Сейчас уже второй год пытаюсь откопать себя.

А до этого, я как-то и не чувствовала однобокости своей жизни. Обнаружила неожиданно, хотя такое нечувствование было, видать, давно. Тело – чувствовало, а я – нет. Однажды я вернулась из поездки по святым местам – и поняла, вернее, еще там обнаружила, что не чувствую себя ниже пояса. Я просто чуть не закачалась, чуть не упала – во время заметила. Даже пояса не чувствовала. А только журчание религиозного умиления в грудной клетке.

Еще раньше как-то вспоминала технику аутотренинга – у меня началась бессонница – «Почувствуйте тепло в ногах...» Я – не почувствовала. Ни как. Ни ног, ни таза. Попыталась сосредоточиться на ощущениях, не дающих мне спать – опять-таки вся энергия, и вся моя личность где-то в груди и в голове. И все. Как будто ниже – меня нет.

Но ты не пугайся, это уже позади. Теперь мне есть, кому регулярно напоминать о нижних частях и органах тела: это – боль. И она – великий учитель.

Но, Элька, проблема, ведь, не в том, чтобы найти мужика для секса, чтобы заработала нижняя часть тела. А душе что делать? Мои нынешние друзья меня только ту и знают, которую они обозвали монахиней, и пытаются перевоспитать. А я же была и другой. Проблема в том, что вспоминая – конечно, я стала искать *в себе* себя – свое дореволюционное прошлое, у меня же были очень странные – для меня, по крайней мере – отношения с мужчинами. Меня хотели те, кого я не хотела, но при этом они же меня и имели. И хотя их было побольше, только двоих из них я хотела сама. Нет, троих. Но этот третий оказался наутро женат. Правда, это было сложно заподозрить, он в нашей квартире околачивался неделю почти каждый день, он был друг моих соседок-заочниц, и я очень чувствовала, что из-за меня, и мы засиживались ночью вдвоем и очень интересно и глубоко общались...

Главной загадкой во всем этом для меня было и остается, почему и что во мне видели эти мужчины, чтобы быть абсолютно уверенными – в этом вся интрига – что я их хочу и какие-то знаки подаю, и это же не единичные какие-то случаи. А дальше уже от стечения внешних и внутренних обстоятельств, да от степени настойчивости зависело, будет что или нет.

В общем, мне это все еще тогда сильно надоело.

Тогда я решила, что это все моя внутренняя нечистота, и мне нужно очиститься духовно. И *только тогда* я встречу нормального, порядочного мужчину, единомышленника, человека с духовными интересами. И вот, я углубилась в самоочищение. В результате – вообще перестала чувствовать тело. Но почему-то не встретила из таких того, к которому возникли бы чувства.

И вот, что я поняла! Во мне одновременно уживаются две очень разные личности-потребности. А, вернее, в том-то и дело, что они не ужились...

И видимо, это мое раздвоенное состояние притягивает ко мне и втягивает меня только в два разных, даже противоположных типа отношений. В результате, ни одни из них не привели ни к попытке создать семью, ни хотя бы к каким-то длительным отношениям. Или я не хочу, или он не хочет, или у обоих нет даже мысли такой.

Происходит либо интеллектуально-духовное общение, интерес, взаимопонимание, общие взгляды, все здорово и можно дружить, но не более того, но я его не хочу, или я не в его вкусе. Другого я буду хотеть и он меня будет хотеть, но и все. И ему от меня больше ничего не надо, и он мне ничего не сможет дать, кроме навязчивого удовлетворения моего желания, пока оно не иссякнет, потому что не интересно. А так как на основании прошлого опыта мне это становится понятно сразу – то мне сразу и становится и скучно и грустно, и незачем руку подавать...

Я, ведь, смотрю на жизнь, на людей – есть хорошие семьи. У меня есть друзья, например, три семьи, за которых я счастлива, что это семья, союз, это целое, что-то красивое, гармоничное – *соразмерное*, что ли.

Я же попадаю постоянно то в одну, то в другую резко различную среду – при чем эта не среда моего общения вообще, в ней же и складываются пары, а именно среда как ситуация вокруг меня. И эти среды—ситуации между собой не совмещаются. Я же не могу завести двух мужчин, один будет соответствовать мне одной, второй – другой.

Не знаю, как для тебя сейчас – в этом месте мы изначально с тобой расхотелись, может тебе кажется, что в принципе, почему бы и нет, да? Но, заранее тебе и отвечу... Эту ситуацию, если даже и допустить – то она ничего не решает. Находясь с одним, второй части меня будет тошно, а значит, тошно будет мне всей. Я же одна.

То есть, как раз так уже и было в моей жизни. Поэтому мне важно свести себя в одно. Эти две меня, которые во мне есть – это же я из них состою, это и есть я. $1+1=1$. Никто из них мне не чужая. Никакую из них нельзя изгонять, и я не собираюсь это делать. Я хочу, надеюсь, стараюсь и, мне кажется, уже могу свести их (себя) в согласие. Не просто к перемирию, нейтралитету – а в согласие».

И правда, она – не нарочно. С чего началась эта история раздачи вещей?

Она вспомнила про штаны – про джинсы.

И раньше, если Женю попросить, она отдавала, не задумываясь как, впрочем, вся ее семья. Но какой-то женский инстинкт в ней срабатывал – и уж *такого* все же не просили – сами женщины.

Вообще-то на эту побелку, которая ничем и не грозила ее любимым драгоценным и долгожданным штанам, ибо краска легко оттиралась – она пришла в них как раз не потому что ей было на них наплевать и она их превратила в спецовку. Напротив, она пришла именно в них – чтобы везде быть красивой.

Чтобы купить эти джинсы, она буквально и реально сэкономила на обедах, – то есть просто не ела нормально, пару кусков хлеба с чаем чтобы задавить голод —месяц на третьем курсе университета, при этом как всегда отсиживая после пар в библиотеках до закрытия. С джинсами удивительно повезло – как бы она сейчас это назвала – Мироздание услышало заказ – ровно за этот месяц случился какой-то очередной и резкий скачок цен, и когда она с подружкой пришла на рынок – этих денег уже не хватало – и нужно было бы еще месяц учиться впроголодь или за прежние деньги покупать подделку – чего Женя никогда не любила – «я не настолько богатый человек, чтобы покупать дешевые вещи». И вдруг, они наткнулись на женщину, которая продавала по прежней цене эти единственные, удивительно идеально подошедшие Жене, настоящие джинсы...

Однако тумблер уже переключился и застрял в этом положении – на примате внутреннего над внешним, духа над материей, отдать над взять.

И – люди хорошо чувствуют людей – кому-то – одной женщине, маме своей дочери – пришла в голову мысль обратиться с такой просьбой. Не отдать было никак – ни по характеру и воспитанию, ни – что еще непреодолимее – по идее. Жениной маме эта идея сама по себе не понравилась, но и по свойству своей натуры и по те же уже видимо понятиям – она не защитила свою дочь.

Ну, да, вот так просто – а ведь это был первый акт, который впоследствии лишил ее женственности, да так надежно, что даже будучи одетой из последних журналов мод, ей удавалось выглядеть как в расе. Когда же стоило еще только повернуть тот же тумблер назад в сторону хотя бы вопроса – а где же все же моя женственность? – несмотря на то, что в ее гардеробе кроме *красной куртки* ничего нового за последний год не появилось – знакомые стали говорить – как Женя стала интересно одеваться, а то ходила как монашка.

Киев. Владимирский собор. Последнее лето детства.

В августе, в последнее лето Жениного детства они всей семьей поехали в Киев, в пансионат на Днепре. Женя сразу и навсегда влюбилась в Киев.

С погодой им чрезвычайно повезло, но валяться на пляже было бы глупо и хотелось меньше всего. Впечатление: много солнца, света, зелени, тепла, чисто, спокойно, уютно, приветливые лица и голоса, большой город с домашней обстановкой. Особенно восхищала чистота улиц и пышное обилие деревьев и цветов.

Женю волновало и умиляло родство языков, и что люди, говоря один на русском, другой на украинском, вполне могут друг друга понять. Как-то они спросили приятную женщину интеллигентного вида дорогу. Она с улыбкой объяснила, стараясь говорить по-русски, а в конце сказала: «Только там могут скоро закрыть, вы прискорьте». Это «прискорьте» вызвало у Жени тихий восторг. Она догадалась: женщина не заметила, не поняла, что в русском языке нет этого слова – ведь есть, например, «ускорьте». Но они, ведь, поняли. И поспешили. Вот эта путаница родных, но разных слов-языков Жанию умиляла все время пребывания там. Хотя она тогда уже не страдала славянофильством, посетившим ее в 13—14 лет, и была настроена вполне космополитично. А может именно потому ей доставляло это такое удовольствие. Еще выясняя дорогу в пансионат, они познакомились и подружились с украинской семьей, – и каждый день то и дело Женя радовалась этому обстоятельству: было забавно увидеть и разглядеть в словах общие корни и их превращения в двух языках, как цветы на кусте – похожие, но разные. Женя вообще любила слова, словари и игры слов в самых разнообразных вариантах.

Та семья тоже состояла из 4х человек, только там 2 мальчика. А у них 2 девочки... Старший был Женин ровесник. Женя великолепно общалась с младшим, года на четыре, и кость в горле вставала при виде старшего. Она чувствовала себя идиоткой, понимала, что это комплексы, неуверенность и прочее, и еще больше напускала на себя, конечно, как многие в подобных случаях, невозмутимо-неприступный вид, понимая, что все шито белыми нитками, и все видят за этой крепостью ее слабость. Но... вот в этом-то Женя и ошибалась: таких начитавшихся, как она, всяких умностей в журналах и романах – таких молодых людей совсем-совсем мало – собственно она не встретила ни одного ни тогда, ни позже. И все так и принимали за чистую монету: вроде она не хочет. А я... не могу, помогите мне. Но тогда не хватило ни ума – ни той же уверенности – что бы это взять и озвучить. У бессилия один способ: не делать того, чего не можешь. Женя страдала, но тему закрывала. Благо тогда это было еще просто.

Кроме слова «прискорьте» и запаха уюта и тепла, Женя вынесла из киевской поездки плащ. Шикарный голубой плащ. Цвета весеннего неба. Реально, такой цвет – чистый, глубокий, теплый, насыщенный солнцем – у неба бывает осенью. Но настроение плащ дарил, бескомпромиссно-весеннее. Цвет теплой надежды. Счастливой весны жизни.

Плащ был дорогой, для их семьи. Вообще не понятно, как она забрела в тот отдел и с чего, вдруг – так расслабилась и отогрелась киевским солнцем – решила его «ну, хотя бы примерить»... Но когда Женя его надела, все остальные трое поняли, что будет совсем некрасиво и вовсе нечеловечно его не купить. Папа с сестрой поехали за деньгами. Приехали, устали, купили арбуз, и уехали с ним в пансионат. Женя с мамой и плащом пошли еще гулять.

...Еще много лет плащ – покупка была оправдана с лихвой – дарил Жене комплименты окружающих и просто настроение и хоть какую-то уверенность. Кто его не видел раньше, восклицали: «О, у тебя новый плащ! А где ты такой купила?!» – вроде, я туда же сейчас же побегу. А нету! Это было давно и далеко. Наверное, лет 7, то есть сезонов 14, не считая лета, Женя его проносила...

Зашли в аптеку – о, чудо! – в их городе в те годы пустых полок оно выпадало едва чаще манны небесной: продается вата! Они купили кг 3, она была непрессованная, в сеточках, кото-

рые надевают поверх бинта. Вспомнилась загадка: что тяжелее, 1 кг ваты или 1 кг железа? Килограмм железа занимает меньше места. И тут они обе сошлись на мысли, что больше могут не попасть в эту часть города, и непременно сейчас нужно идти во Владимирский собор.

Они зашли в собор. Во время до службы можно ходить и *глазеть*. Женя заворожено, забыв пространство и время, стояла-ходила туда-сюда, вокруг и обратно, подумала, что на кого-то похоже, и узналось и вспомнилось, что – Васнецов. Во времена своего русо-славянофильства Женя просто упивалась им – в репродукциях, конечно – его Русью – красивой, нарядной, светлой, Русью-мечтой. А тут – живой! В натуральную величину! И живую трепещущую глубину глаз!

Подошла мама, сказала, нужно выйти, будут готовить храм к службе. Потом можно войти. Женя пошла гулять по парку вокруг, мама побежала искать туалет. Туристы в основном уже ушли, некоторые тоже остались, но мало. Собирались верующие. Женя отметила, что если у них, в основном, это были бабушки, то здесь женщины маминого возраста. Мужчин и здесь мало, то есть, вообще не было. Был один юноша, Женя его обозвала «Исусик», у него были длинные волосы, усики, но, главное – немужское такое, бесполое иконоподобное лицо. И глаза такие... в общем, Женю передернуло, она усмехнулась этому «благообразию». Еще один мужчина прошел вместе с каким-то церковником, кто он по званию она понятия не имела, – у него из-под рясы виднелись обычные брюки, почему-то цвета хаки, а может так свет падал неудачно. Женю как-то удивило, но, правда, она подумала, а в чем он, собственно, должен ходить, не в колготках же?

Погода была ее любимая: облачно, но светло. Мягкий свет и мягкое тепло. И внутри было тихо, редкая тишина.

Служба началась, а мамы нет. Поиск туалета бывает весьма нелегким делом, даже в Киеве. Женя подождала и зашла все-таки в храм. Она встала сразу около притвора, на границе собственно храма, не решаясь с этими тремя пузатыми пакетами идти вовнутрь.

Она стояла, слушала, смотрела в купол. Пел хор. Ладан курился мягко, легко, без излишества. Просторно, светло, красиво. Хорошо поют. Васнецовские святые греют бездонностью глаз. И ей – хорошо. Ясно. Она увидела – свет. Свет лился и все заполнял и, вернее, во всем пребывал, и все – в нем. Женя замерла и внимала. Поток светло-золотисто-голубовато-белого света. Льет и льется...

Тут стало происходить нечто странное. Люди, единицы – так, чуть-чуть, стали уходить из храма и проходя мимо Жени, мимоходом взглядывая на нее, вдруг задерживались и будто удивлялись. Женя подумала, стою тут, вид смешной, в храме с пакетами. Она еще на шаг назад и в сторону отступила. Но пакеты были внизу, висели в руках, а проходящие смотрели вверх, в ее лицо. Возле престольной ограды стояла семья: муж, жена, сын-подросток и дочь помладше. Первым мужчина обернулся, посмотрел, еще обернулся, подольше посмотрел, потом остальным что-то шепнул и они все четверо обернулись в сторону Жени. Она оглянулась вокруг, может что-то происходит, а она на пути стоит – нет, ничего и никого, кроме нее. Женя не поняла, но мало ли что, опять отвлеклась от них. Она не входила во все это, видела и замечала как бы со стороны.

Потом еще люди стали на нее оборачиваться. И тут подошла мама. Она тоже как-то странно на нее посмотрела – но понятно же, тихо стараясь в храме, взяла мешки эти, Женя шепнула, что еще побудет. Некоторые уже пальцем на нее показывали. Ну, и ладно. Еще так постояла, голову к куполу подняла. Солнца не было по прежнему, а Свет лился потоком, словно лучи сквозь кроны деревьев летом в лесу, если смотреть снизу вверх.

...Я стояла и чувствовала, что Бог есть. Это было первый раз. И мне так хорошо. Я вообще об этом никогда не думала и не собиралась, я вообще еще не ставила перед собой вопрос о Нем. Я просто зашла из любви к истории и искусству – и к Киеву, мне все там нравилось.

Весной того года я только определилась, что мне лично нравится материалистическое мировоззрение. Только зря они душу отрицают. Душа – это, скорее всего какой-то особый вид материи, гораздо более тонкий, чем другие, и, соответственно, со своими особенностями – так подумала я. И о Боге речи не шло.

И вдруг неожиданно-негаданно я окунулась в Его Свет. И вне всяких сомнений. И это ощущение, при котором и не бывает сомнений, их не может возникнуть. Если погружаешься в воду, знаешь, что это – вода. И дело не в слове «вода», а в самой ее сути.

Я стояла и чувствовала все – и такое счастье, радость, но не восторг, а полнота. Внутреннее пространство раздвигалось, и внешнее вливалось Светом внутрь.

Когда вышла, попросила маму не разговаривать. Мы направились домой, в пансионат. Я несла этот свет в себе, сама вся в нем. Но я шла в реальном мире. И Свет был реален. И нужно одну и другую реальность соединить в себе, и обозначить какой-то мыслеформой, чтобы с этим жить.

И помнится, на верхней ступени Киевского метрополитена, я сказала этому Свету, что «Господи, я не хочу верить, потому что я хочу жить сама»...

Первое время она долго еще помнила тот случай...

С мамой она не разговаривала об этом. Она вообще не очень-то хотела говорить с кем-то на эту тему. А мама наряду с восторженным отношением к каким-нибудь способностям дочери и по мнению самой Жени преувеличением ее замечательных особенностей сама по себе имеет особенность панически бояться того, чего не ощущает. Мама жила только ощущениями, как видела Женя. Не мыслями, не чувствами, даже не желаниями, а именно ощущениями. Вот такая «очарованная душа», как называла про себя это явление Женя. И, соответственно, отвергала все, что не ощущала. Причем логика ее ощущений неизвестна никому, наверное, и ей самой. Мама – продукт еще более жесткого атеистического времени, и тогда ощущала мир атеистически. И всякие потусторонние этой реальности явления ее напрягали. Из-за этого, то мамино восхищенное восприятие и описание, когда она забирала у Жени пакеты: «У тебя было такое лицо, ну, такое лицо *просветленное, возвышенное, ну просто лик...*», — и еще что-то в том же духе... – вызвало у Жени некое раздражение, и она больше об этом не разговаривала... Она еще вообще не знала, верит или нет, и что это вообще для нее значит, а у мамы – чуть не святая уже. И это притом, что сама мама точно не верит.

А как же их мама потом вдруг стала верующей? А Женя не присутствовала. Женя уехала в университет в феврале, мама еще не была верующей. Рерихов читала, Женя ей Агни йогу покупала по ее заказу. А приехала в мае – мама уже верит. Ощутила как-то. И теперь она так мир воспринимала. И уже попробуй при маме высказывать свои какие-либо чувственные и идейные поиски, она также пугается, как когда-то пугалась религиозных идей и образов. Вот так.

А тогда она пробовала привести в равенство *те* свои чувства, ощущение *Бога* и свое *мироощущение* и мировоззрение. Когда она была дитя атеистического мировоззрения, и ее устраивала материалистическая картина мира – с поправкой на реальность души – тогда она четко обозначила себе один берег: я не атеистка. Атеизм – это глупость, так как это отрицание Бога, противобожие. А она не хотела быть против Того, о чем не могла знать. Она не хотела ограничивать себя каким-либо отрицанием. Любое отрицание обедняет, ограничивает поиск, сужает возможность поиска. И стоит допустить хоть какую-то невозможность, невозможным постепенно становится многое. И в это невозможное может попасть и само то, что ищешь.

А вот, у мамы цельность природы как раз в том, что ее ощущения сразу становятся ее взглядами. У нее сразу знак равенства. Это, наверное, здорово.

В ту же осень двумя родными семьями они ездили в лес. Белесо-серое ровное небо нетяжело – светло расстилалось вокруг, и Женя с Ольгой, двоюродной сестрой, рвали остатки

душицы на небольшой сопке и о чем-то разговаривали, теперь не вспомнить. Только Ольга вдруг спросила: «А ты веришь в Бога, да?» И Женя ей рассказала про Владимирский собор. Тогда – да, а после она уже не рассказывала об этом.

– Да я не решила. Ты знаешь, не хочу говорить, что не верю... Но в материалистическом мировоззрении мне нравится, что мир ни на ком и ни на чем не замыкается... – она посмотрела в это ровное небо, которое было сейчас не голубым куполом сверху, а бескрайним простором и рядом и наверху и везде. – А если в Бога верить, то будто крыша над миром... Я не хочу, чтобы мир был как-то ограничен...

Но и это было что-то не *то*. Женя пробовала нащупать разными словами свои ощущения. И смотрела на траву и сопочку, и небо... И не чувствовала, что какой-то ответ хотя бы временный нашла...

Наталья

В середине июля, уже порядком притомившись физически и эмоционально от борьбы с бабулиным хламом, Женя посетила свою подругу. С Натальей они учились в одной школе, но не в одном классе. При каждой встрече ее завораживала эта девочка, и Женя мечтала с ней дружить, представляя это как несбыточное счастье. Наталья была каким-то совершенно *другим* существом, чем Женя. Их обеих младшие сестры, однако, дружили, учась в одном классе. И вот, года 3 назад, когда Женя приезжала на месяц к бабушке и сестре, они познакомились благодаря охочей до новых, и особенно интересных людей, ну, хотя бы с интересными судьбами, маме Натальи. Женина судьба той показалась интересной. Самой Жене, находившейся тогда в своем посттравматическом депрессняке, ее судьба несколько такой не казалась. И потому она была не против погреться в лучах собственного ореола, который ей так дружелюбно нарисовали, и приходила в гости столько, сколько ее звали.

Она шла к ним в гости в первый раз в том же, как в детстве, состоянии немого восторга и непонимания, как это она будет общаться с мечтой. И вдруг они подружились. Мечты сбываются. Большею частью, когда о них забудешь.

Теперь Наталья встретила ее возгласом:

– О! Зимняя вишня! – Ежику на голове Жени исполнилось ровно 2 месяца, и он был ей еще более непонятен, чем бритый череп. Наташкин образ, несмотря на второй смысл – или первый? – ей польстил, если иметь в виду внешность героини. – Как у тебя с личной жизнью? Замуж вышла?.. А чего так? – хорошо, значит, Наташка имела в виду только внешность.

Этот вопрос в разных формах последние года 3—4 встречал ее везде и всюду, при любых перемещениях и встречах: с родными, друзьями, знакомыми, старыми и новыми, и вовсе незнакомыми. Почти всегда он заставлял ее врасплох. Участливое внимание и сочувствие окружающих не давали подолгу сосредоточиваться на чем-то более интересном, чем ее собственное одиночество. Женя отвечала по-разному. Кому подробнее, кому коротко, то просто пожатием плеч, смотря, на что соглашался собеседник. Последнее время она заранее согласно кивала головой: «Принца жду». Многие принимали это близко к сердцу и объясняли, что так нельзя и нужно любить реальных мужчин.

Но Наташка была подругой – дорогой и долгожданной, особо ценимой. По-особенному.

– А как с тем мужчиной, с которым ты тогда переписывалась? Как его звали?

Пашка был давно – почти год, как отболевшей темой. Но ей еще долго будут о нем напоминать.

– Я же тебе говорила, что я уже ничего не ждала, в смысле возможности быть с ним. Но ты, наверное, не поверила? Танюха – наша общая с ним подруга – тоже не верит до сих пор. ...Забавно так: я, главно-дело, никогда не вру, я вообще врать не умею: у меня мозги для этого ленивые, а мне, как правило, не верят. Особенно в этих вопросах... Но вы как хотите, а это правда. Я надеялась на дружбу и в тот момент, да и сейчас она мне больше была бы нужна... Мне хотелось друга-брата, советчика такого искреннего, гида в чужом мире мужчин и отношений с ними.

– Ну, это ты сочинила...

– А что такого? Если мужчина не заинтересован в женщине как в женщине, то что мешает дружить?

– Что не заинтересован.

– Да, а если заинтересован?

– Тогда *уже* невозможно, – кивнула, убежденно улыбаясь, Наталья.

– Ну, вот именно! Там еще, а тут уже. Но это если примитивно смотреть на жизнь. А если люди говорят о чем-то большем, о душе, о духовном единении, о вере, о Боге, то как-то странно,

что не получается дружить... Но, наверно, дело во мне – я напугала своим темпераментом, внезапно обрушившимся... Ты знаешь, у меня, по-видимому в этом-то и проблема: для «духовно продвинутых» я чересчур – не знаю, как сказать...

– Сексуальна?

– ...не знаю... – Жене показалось слово не точным, хотя и близким, – может: эмоциональна, чувственна, темпераментна... не знаю.

– А для обычных – чересчур духовна, – закончила Наталья мысль. Весьма вероятно, с этой ее частью, особенно со словом «чересчур», подруга была согласна еще раньше, чем мысль была озвучена. – И что, у тебя никаких больше историй даже просто... Ни с кем?

– Да особо где им быть? В деревне? – Женя, рассказала весеннюю историю с Олегом.

– Ну, ты даешь... – только и сказала, грустно на нее посмотрев, Наталья.

Но тему «слишком духовная» Наталья подняла и в следующее ее посещение. Женя рассказала свое киевское воспоминание. Наталья – *другая* женщина, и за это – особо ценимая. Жене хотелось узнать как эта другая посмотрит на это все. А для Натальи Женя тоже была – *другой*, и с ней тоже нужно было знакомиться.

Наталья выслушала трепетно, кротко вздохнув в конце рассказа. Но Жене показалось, что ее недосказанной мыслью было: это, конечно, красивая и светлая картинка, но жить нужно *реальной* жизнью.

Но то была не картинка. А реальное чувство. И его невозможно забыть. Так же, наверно, как сама Наташка не могла бы забыть рождение дочери и сына, или что она вышла замуж за своего мужа. Это такое же реальное состояние и реальная жизнь.

...Осенью, по дороге к бабушке, в тот последний к ней приезд, расставшись в Екатеринбурге с тем самым Пашей, о котором поинтересовалась Наталья, Женя задержалась там у друзей. То есть у подруги Иры, с которой они познакомились относительно недавно через другую общую подругу и внезапно подружились на почве общей темы – любви к женатому мужчине, с той разницей, что Ира таки вышла замуж за своего возлюбленного.

У них жила (если *это* можно назвать *жизнью*) великолепная черная кошка, длинношерстная, с переливающимся, чуть не как перо павлина, хвостом-веером и манишкой вокруг шеи.

Кошка, несмотря на *не март* – просто горожане не слышат почему-то это осенью – все-таки просила кота. Непрерывно, 24 часа в сутки. Неизвестно, когда она сама спала. Ходила с круглыми, как две луны, глазами, издавая гортанный вой, и терлась и кувыркалась везде и обо всех. Если ее кто-то отсылал от себя, она переходила к другому.

Во второй будний день, когда дома больше никого не было, Женя улеглась на ковер, положив перед собой книгу. Кошка подползла к ней. И её утробные звуки совершенно диссонировали Жениному занятию. Книга была не просто книга, а Писание.

Женя обернулась на кошку, которая пристроилась к её ногам. Посмотрела прямо в сумасшедшие два желтых блюдца и твердо сказала: «Прекрати! (кошка замолчала). Я тебя вполне понимаю. У меня *точно такие же* проблемы. *Я же не ору!*» Животное выслушало, не отводя глаз, и затихло совсем и промолчало целых 2 часа...

Позже, по другую сторону зимы, мартовским тепер уже днем, последние дни с бабушкой живя – Женя еле сдерживала раздражение на неё. Поводы, конечно, были – обычные: наверно, те же крошки со стола – смахиваемые бабушкой прямо на пол – только не понятно, зачем для этого брать тряпку в руки – а не смахнуть прямо так рукой – которые потом скрипели под ногами и приходилось 5 раз в день – безо всякого преувеличения – мести пол. То ли выключенная Женей пожизненно горящая конфорка, потому что бабушка так экономила спички. Это, наверно, мы все понимаем и очень сочувствуем, эффект войны и раскулаченного детства. Но столько лет прошло. И я-то почему должна дышать газом круглые дни?!.. То ли вечное

кругом любопытство – что готовишь, что ешь, что не ешь, почему не ешь... в общем, Женя ушла в ванную, чувствуя, что сейчас разорется. И будет плохо. Обе почувствовали. Бабушка ушла в дальнюю комнату.

Женя села на край ванны и заглянула в себя. А что такое – так чересчур худо как-то? Что-то клочкотало внутри и рвалось наружу. Что? Она отключила контроль мыслей, подождала. Хотелось – просто орать. Бабушка не при чем. Вообще – орать. Ну, хорошо... Женя дала себе волю орать, шепотом, но сильно, как хотелось... Часть напряжения спала. Дальше... Почему орать-то?.. Изнутри рвался, распирал ее всю какой-то дикий ор, переходящий во – что? В вой? Что это со мной?..

И из самого естества, из нутра, из клеток выплыла... та кошка, которой она всего каких-нибудь 5 месяцев назад столь уверенно патетично сказала: «Я же не ору!»...

...Женя засмеялась. «А ты думала, ты – не самка?.. Ну, да, ты же и кошку заставила замереть в благоговейном трепете... Но не стоит возвышаться. Из праха земного сделана – в прах ее и войдешь».

Я не знала бабушкиной истории...

Эту историю мы узнали незадолго перед бабушкиной смертью. Бабушка, то ли растроганная Алькиным уходом – та, «нисколько не брезговал», мыла ее всю везде, переодевала и прочее – каждый раз рассказывала бабуля Жене, то ли просто под конец жизни смягчилась и поведала Альке историю своего замужества...

Она любила одного молодого человека, и он любил ее. Они поссорились. А бабушка наша – гордая. Тот уехал на время в Уфу. Бабушка еще сильнее оскорбилась, и вышла замуж за другого – за нашего дедушку.

Они всего месяц были знакомы. То есть они знали друг друга до этого, но не общались. Дед был видный, привлекательный мужчина. Бабушка тоже пользовалась успехом.

Когда они впервые вошли... это даже не дом – по дедовым фотографиям тех лет я не представляла, что могут быть такие условия: дед выглядел очень респектабельно... Бабушка после ЗАГСа вошла в комнату, где при помощи штор помещались – все. Дед был старшим сыном. Его родители, брат, две сестры, которые скоро, правда, вышли замуж и ушли, вернее, уехали с мужьями – в Сибирь.

И когда она вошла... И поняла, *что* она сделала. И *что* это будет за жизнь. И дело было не в комнате с кучей народа – у бабушкиной семьи было все то же самое. Дело в том, что это – не ее жизнь. И чужая куча народа... И чужой мужчина будет ее мужем...

Но что? Уйти назад? Сразу развестись?! А дальше?! Это же позор какой!!!

Она взяла себя в руки, сжала губы и шагнула – в свою такую семейную жизнь. И так и прожила – сжав губы и держа себя в руках, периодически срываясь на крик: «Всю жизнь мне испортил!»

Если честно – дед, наверное, заслужил эту фразу. Он знал, что она любила другого. Но ему льстило, что она выбрала его.

Бабушка пронесла свою гордость сквозь всю жизнь. В самых разнообразных вариантах. Помню бабушкин рассказ, как одна женщина усмехнулась над чьей-то из их семьи – сестер ли ее, детей ли уже – *бабайской* одеждой. Бабушка ничего не ответила. Спустя время, сшила костюм с обложки журнала мод, а шила она отлично – это был один из ее источников дополнительного дохода. Пришла к той женщине и спросила: «Ну, как тебе эта *бабайская* одежда?» Это характерный пример бабушкиной гордости. И на всех фото она всегда действительно одета по моде тех лет.

В момент этого ее воспоминания, я бабушку недопоняла чисто эмоционально: мне показалось это мелким, даже глуповатым. Но где мне было понимать. Роль в становлении этой гордости сыграло многое. Когда их семью раскулачивали, бабушке было уже 12 лет. Жили в ИТК

и назывались «нацменами». За что-то нужно было держаться, чтобы выжить, не потерять себя и не упасть духом.

Одна гордость питала другую, и сложно, конечно, выпутаться и разобраться, какая помогает жить, какая – мешает счастью...

Своего отца бабушка очень уважала и почитала. Он был, видимо, очень крепким хозяйственником, всегда знающим, что и как сделать, много могущим как нормальный мужик. А дед был – философ и поэт – в душе. С ним произошла такая романтично-драматичная история. После фильма «Гамлет» со Смоктуновским он шел в сумерках домой. И так глубоко задумался, что не видел, ни где сам идет, ни кто куда едет. И остальную часть жизни прожил без половины желудка и трети легкого. С бабушкиной крестьянской закваской, это было, видимо – не то... Смешно и будто не за что уважать. Хотя дом он с сыном вдвоем построил, и она это всегда помнила. Но больше помнила как-то потом – когда дед умер.

Я не знала этой истории. Ее даже мама не знала. Но почему-то с тех пор как я вообще стала мечтать о любви, меня неизменно посещала сопроводительная этим мечтам мысль, даже не мысль, а словно пережитое чувство – что гордость губит любовь.

А еще – не помню предмета раздумий и повода, но запомнился вывод. И судя по пейзажу за окном троллейбуса – голый ряд одинаковых тополей на фоне полузаснеженной-полузамерзшей земли газона – это была поздняя осень, почти зима первого курса университета. Я подумала, что кроме личной кармы души, у женщин видимо есть еще какая-то клеточная карма рода.

И я очень боялась поступить так же, как бабушка – не зная ничего о ней. Почему-то постоянно представлялась эта картина – обида, разрыв, задетая гордость – и постоянный слезный вывод: нужно выбрать любовь, только пожалуйста, пусть я выберу любовь.

Но выбирать пока было не из чего.

А гордость, не знаю – кармическая, клеточная, личная, родовая – выросла иного рода. А вернее жила – параллельно и безотносительно этим мечтам и выводам. Что нужно быть спокойной, свободной, независимой от таких чувств, вообще – от страстей, вообще – от привязанностей.

Моя сексуальность и моя эмоциональность – две язвительные насмешки над этой мною-какая-должна-быть.

Независимо от меня самой, меня реальной, во мне жил образ отрешенности, чистоты, свободы и... сдержанности? – да нет, это слово не причем. Должно быть *нечего сдерживать*. Из истории древнегреческой философии мне нравилось слово: *атараксия* – безмятежность чувств. Наша учительница литературы говорила: «Жания – сама невозмутимость».

Самое интересное – многие верят в меня такую – отрешенную. И поражаются мне другой: эмоциональной, шумной, общительной. Ровно так же как те, кто узнал сначала – другую, не принимают первую.

А мне что делать? А мне приходится жить с обеими. 365 дней в году, 24 часа в сутки.

Бабушка сравнивала деда со своим отцом, и дед никак не дотягивал. А когда он умер, бабушка вскоре заболела. Ей становилось все хуже, хуже... Пока не обнаружили рак. Тогда еще не было книг по метафизике болезней, но, глядя на нее, я подумала, что она стала корить себя за деда. Это было видно. Она страдала о невозвратном. Никто не видел их хороших отношений, не помнил. Но, может быть, они и были...

И только годы спустя бабушка позволила вернуться к себе самой, к своей непрожитой любви...

Паша. Я жду тебя...

С Пашей у Жени были общие друзья и знакомые, а почти за год до того с ним познакомилась ее сестра, с его вопроса о которой и началось их общение. Альке он в чем-то душевно помог. Татьяна знала его раньше, они дружили когда-то семьями до Пашиного развода. В общем, характеристики были самые лестные... Паша был немного похож на Олега (ровно *другим* – чем весенний тезка), наверно, это и был скрытый мотив ее к нему внимания... Когда естественное течение чувства встретило такую же естественную преграду – оно стало искать выход. Ну, хотя бы что-то похожее на прежнее русло. Еще вернее сказать, они оба были похожи на нее саму – хотя бы чисто внешне. Так, что знакомые и того, и другого, встретив их с ней, спрашивали: «Это сестра?» Познакомились они не очень теплым, но все же апрелем, пахнущим новой жизнью. При знакомстве она сразу знала, что он *свободен* – у нее пошла тема, и она это отмечала. Женя подумала, что вышла на новый уровень своего жития-бытия, и отважно решила любить, уже не струсив. Правда, не сразу, но быстро. Не сразу, потому что, как обычно, не отдавая себе в том отчета, почуяв характерное волнение, она приструнила себя, сделала безмятежно-дружеское лицо и тон. Но теперь она уже знала о своих уловках, и после заметила их: если что-то скрываю, значит, что-то есть. Она призналась Тане. Было похоже, Танюха отреагировала куда раньше, чем что-то произошло:

– Я и не сомневалась! Наконец-то! Пашка очень хороший. Я счастлива за тебя!

Видела Женя его нечасто, как позволяли обстоятельства. Но обстоятельства как-то позволяли. До того лета и немного позже Женя работала в Татьянинном частном детском садике. И жила с ними – Таниной семьей и Пашей в одном городе. На лето она уезжала в деревню. Было удобно. «Я – вечная ученица, работаю тоже по учебным годам». Вернее, получалось, что заканчивала она в середине мая, возвращалась в середине сентября. Женя снимала недорого, по знакомству через Таню комнату в двухкомнатной квартире. Хозяева, пожилая семья, сами поселившись в деревне, оставили за собой право иногда приезжать. Но делали это редко. А когда увидели, какой Женя навела у них порядок – почти совсем исчезли.

В то лето, сорвав в конце мая позвоночник, она вернулась в город. Первой причиной было то, что ей теперь нечего делать на огороде. Хотя, впрочем, в садике тоже стало не совсем хорошо, но другой первой был – Паша.

Жене даже удавалось с Пашей о чем-нибудь побеседовать, в общем разговоре с другими, и даже бывало, и вовсе вдвоем продолжали начатую тему. Темы были глубокие, про жизнь. Про мужчин и женщин тоже. В ходе одной такой беседы он между прочим произнес: «Вот ты какая-то неприступная». Характеристика вызвала у Жени растерянное сожаление и одновременно некоторую радость: может быть, он хочет *приступить*?

Однажды, в выходной душный день она лежала на диване, не собираясь уже никуда на жару выходить. Внезапно соскочила и помчалась в магазин, вспомнив, что забыла купить тетрадь, которая зачем-то была ей нужна. Не дойдя до магазина, она... увидела его. Он медленно проезжал мимо. Помахал ей рукой. Потом вовсе остановился, вышел из машины и спросил:

– Где дом Танюшки с Санькой? Я запутался...

– Вон тот, через 2 дома отсюда, не доезжая одного до светофора.– Когда она показывала рукой, который дом, а он, уточняя, тоже вытянул руку, они соприкоснулись ладонями. По ней прокатилось – и так и осталось в ней – счастливое тревожащее волнение. Они чуть перебрались приветливыми фразами. Солнечное небо отражалось в его глазах и из них лилось в нее теплой улыбкой. Придя домой в восхищении от произошедшего, она вспомнила, как неожиданно решила выйти в такой нужный момент, и пришла в еще больший восторг.

Она не знала, что с ним делать. Она не стала себя отвлекать и успокаивать, переключать. Села за стол и быстро записала в купленную только что тетрадь:

«Я чувствую тебя. Всегда. Постоянно. Ежемгновенно. Думаю о тебе, ощущаю тебя. Живу с тобой. Засыпаю с тобой. Просыпаюсь с тобой. Иду с тобой. Мечтаю о тебе... Все, что делаю – вместе с тобой.

Странно ощущать и – не знать: тебя или свое чувство? Хочется узнать тебя. Мне кажется, я все время с тобой. Но ты не со мной, и я не могу быть уверена, что я с тобой, а не рождаю иллюзию о тебе. Неужели это все – иллюзия? – мои ощущения тебя?

Ну и что! Может, это и иллюзия *о тебе*, но это – не иллюзия, это – реальность, живущая во мне, и я благодарю тебя, жизнь, Бога за нее.

Неужели я сама способна отвернуться от тебя, не сделать шага навстречу своей... не знаю как быть, наверное, не стоит называть....

Не знаю, что можно испытывать, читая о себе такие строки, это действительно, наверно, сложно воспринимать.... И пошлю ли я их тебе когда-нибудь? Неужели у меня будет когда-то эта возможность, это право? Неужели – не будет?... И почему?

Хочу ТЕБЯ... хочу всем, что есть во мне – видеть тебя, слышать... вернее: вижу тебя, слышу тебя, помню тебя, дышу тобой, волнуюсь тобой, успокаиваюсь тобой, надеюсь на тебя, верю в тебя, радуюсь о тебе, и хочу тебя: чтобы это все был действительно ты, а не только мечта о тебе. Хочу тебя настоящего, какой ты есть – узнать, понять (стараться, пробовать), почувствовать – тебя, твое!

Сейчас хорошо: чувствую только чувство. Страхи где-то гуляют, спасибо им. Просто чувствую тебя во мне. Я уже открыта тебе любому – неважно, знаю ли тебя. Уже принимаю тебя, какой ты есть. А зачем, чтобы принять – знать? Я принимаю тебя, открываюсь тебе, чтобы узнавать тебя, чтобы ты вошел. Ты уже во мне. Ты – мой! Не потому, что принадлежишь мне, а потому, что в сердце моем. Я открыта тебе – будешь ли входить? Я жду тебя.

Жду тебя. Интересное слово, обычное, простое, вдруг пришло. Мечтаю, надеюсь – это не то: мысль, чувство. Жду – уже действие. Я жду тебя, уже этим живу. Это не в будущем, это – сейчас, теперь, уже.

Я не хочу быть свободной от тебя! Если бы ты знал, что это значит для меня. Я уже не свободна, я уже согласна на эту несвободу! Я уже не хочу этой свободы! Я хочу быть с тобой.

И все же... я люблю тебя.

Ты вошел в меня.

Жданно и неожиданно.

Просто и странно.

Ты вошел, и я не хочу гнать тебя. Я хочу не хотеть убежать от тебя. Я хочу позволить себе, чтобы ты был во мне. Я люблю тебя».

Татьяна сказала, что он завозил фотографии, и что он еще, может, на следующих выходных заедет к ним.

– Я тебя позову.

Женя ждала, считала дни.

«Ты не заехал! Совершенно естественно, но совершенно непонятно-что-теперь-мне-собою делать... То ли плакать, то ли смеяться, то ли есть, то ли нет. Можно ли мечтать или не стоит себя раскручивать... Чем больше волнуюсь, тем больше боюсь себя и тебя. Чем сильнее себя успокаиваю, тем быстрее остывает жизнь.

Очень боюсь надумать глупости, просто быть нелепой, смешной, ненужной – ни-в-каком-виде-совсем. Боюсь, что захочу больше, чем мне дадут, что вообще больше, чем можно хотеть в такой ситуации. – И этим оттолкнуть тебя. И боюсь, вообще ничего не желая, быть опять

той же заморожено неприступной, к которой – и отталкивать не надо – никто близко не подойдет.

Не знаю тебя, не знаю, как о тебе мечтать. Почему ты сам будто чем-то настороженный внутри? Или мне кажется? Или моя «неприступность» дает такой эффект общения именно со мною? И совсем нет у тебя никакого двойного плана? Не представляю своих прав приблизиться к тебе: на сколько? И как? Боюсь выдать себя и быть взволнованной и чувственной – и боюсь быть никакой, нечувственной, бесчувственной, ничего не дать – тогда зачем, так ведь? А если разрешить себе выдать себя – то как это? Нужно ведь как-то облагородить – а что это значит? Куда девать эту бурность? Нужно быть сдержанной. Но у меня только и получается быть неприступной. – Мне это слово теперь как замок на двери, как забор на дороге. Как стать «приступной», не навязывая себя? В случае не с любовью все понятно: хочешь открытости – откройся сама. А здесь?

Это, видимо полная незрелость чувств. Который раз – и я у того же начала, и в тех же метаниях, незнаниях, неумениях. Я не доросла до этого искусства еще! И как теперь совершенствоваться, на каких шагах?..»

Где-то через месяц они все же увиделись. В компании знакомых. И вообще стали видеться – в компаниях знакомых – Женя пользовалась любыми возможностями. Но... приложила над собой усилие и сумела распределить свое волнение равномерно на всех окружающих его мужчин. Так распределила, что один из его друзей стал проявлять к ней интерес. А может так совпало. Это с ним, а не с Пашей она стала ходить на дискотеки, теплыми вечерами прогуливаться под звездами, перезваниваться и ходить и бывать друг у друга в гостях. Но он был не в ее вкусе. Более того – из тех, какие ей вообще не нравились. И именно поэтому, и из соображений всеобщего человеческого братства, чувства вины, что она заиклилась на Паше, а другие люди – тоже люди, а также из необходимости распределять энергию, она уделила ему порядочно внимания. И когда он особо волнительно с нею потанцевал, она опомнилась, что, видимо, перебрала с общечеловеческим сочувствием. И осталась подчеркнуто – будто так же приветливо – приятельствующей. Он понял. То есть, если честно, все было как всегда.

И вот – счастье. Сюрприз от Вселенной, как говорят некоторые. Паша едет под Москву к матери и братьям. И ей тоже нужно на родину – на Урал, и она может проехать с ним четверть страны! Двое суток! Вместе!

В ее родном городе был какой-то чудесный врач-костоправ, которого звали «Китаец», потому что он владел восточными методиками.

В дороге она наслаждалась счастьем присутствия и познания. Это очень волнует: узнавать круглосуточные бытовые подробности. И завораживает. Во второй вечер они сидели через столик друг от друга, глаза в глаза. Они очень душевно общались. Женю охватила теплая мощная волна чувства, она забыла стесняться и смотрела на него, не стараясь ничего скрыть. Она внимала ему. Волна вышла за ее пределы, окутала его и будто ввела его в нее. Она чувствовала его всею собою. Она его понимала, знала – без слов, без вопросов и ответов. И это была – любовь. Ей было светло, легко, радостно, тепло.

И она знала, как стать ему нужной. Она знала, что ему нужно. В одно мгновение поняла как себя вести, с какой скоростью, и в какой последовательности. Стать ему другом, завоевать – искренно! – его доверие. Пробудить чувство. И – стать женой.

И в то же самое мгновение она поняла, что он ее не любит. И не сможет любить. Ему нужна другая. А она, сумев проделать все «как надо», потом когда-нибудь – не так долго: может, через год, скорее даже меньше, совместной жизни – станет на все свои 4 лапы, и... Он будет прав, если скажет о ней все, что думает. Но он скорее не скажет, а замкнется. А она будет биться в истериках. Пока он не уйдет.

Всплыли фотографии его бывшей жены. Ему нужно что-то такое же, но другое. А она – совсем другая.

Но чувство не прошло.

На следующий день они разъехались в разные стороны. В родном городе она осталась на полгода. «Китаец» вытащил ей позвонок в пояснице обратно на место. В тот приезд она и была с бабушкой последний раз.

Женя весной написала Паше письмо. Долгое, но как всегда и всем. Спросила, как съездил: в дороге он рассказывал о детстве и родителях. Она рассказала о своем житье с бабушкой. Получилось логично. Письмо вышло спокойное, дружески-откровенное. Написала, что всегда мечтала о брате, или друге, так как у нее всякие комплексы и хочется с кем-то о них поговорить, дружеской помощи хочется... Он ответил! Аж 3,5 тетрадных листа – «рекорд», как он сам назвал! Очень душевно. «Спасибо искренне за твою смелость, что доверяешь мне свой внутренний мир. Можешь и дальше это делать. Я тоже хочу быть тебе другом, а значит, осуждений не допущу, а больше бояться нечего». Рассказал о братьях. Чисто технические подробности встречи. О матери – только упоминание. Женя поняла: ему хотелось поделиться с кем-то наполнявшими его чувствами. Он их не описывал, конечно. Нормальная мужская характерность – если он не поэт – через обозначение действия передавать его значимость. И он, видимо, рад был, что есть повод.

Надо ли говорить, что Женя была счастлива. Еще один бриллиант из сокровищницы человеческого общения ей достался! Поскольку она здесь «застряла», а он спрашивал о здоровье, и у них были общие друзья – был еще повод написать. Он не ответил, но в наше время – где его взять на письма каждый раз? Она подождала и написала еще. Когда стала писать второе письмо – писать было не о чем: их так ничто почти и не связывало по-прежнему, она по-прежнему ничего о нем не знала, и ничего общего так и не возникло. Поэтому большей частью она спрашивала об общих знакомых или сообщала о них сама. А уже вернувшись отсюда туда, она сделала глупость... Послала письмо о любви – то самое, первое, совсем не предназначенное для послания, тем паче мужчине, который тебя не любит. Правда, с приписанными словами, что, дескать, не бойся, я ничего не жду, потому что понимаю, что не твоя женщина. Просто, мол, если ты будешь знать, будет проще, если она как-то странно себя поведет – а ей любое поведение, выдававшее ее чувства, казалось странным. Глупость – если смотреть чужими глазами, понимать чьими-то пониманиями. А если честно перед собой – Женя и сейчас не понимала, а почему? «Эти слова были написаны в прошлое лето. Мне бы хотелось без лишних слов просто подписаться под ними. Если в какой-то мере я тебе буду нужна, у тебя будет какое-то внутреннее движение ко мне в любом качестве и форме, приемлемых для тебя, для меня это очень дорого». Она ждала дружеского снисхождения. Она искренно верила, что так и будет. Что так может быть...

– Тогда я решила наивно, что откровенность поможет ему меня понять. Вот так смешно, – говорила она сейчас Наталье, – И я уже и понимала, что это глупо и смешно, но еще больше я не хотела испугаться и закрыться. А когда мы уже дважды натыкались друг на друга, и он делал вид, что меня не видит, хотя это было нереально, мягко говоря, в тех обстоятельствах, я не поняла, почему так. Может, он просто не поверил, что я ничего «такого» от него не хочу. Я написала ему еще. Письмо, естественно, получилось эмоциональным, с цитатами из его письма: «делись всем, чем считаешь нужным», и моими вопросами в тоне: ну, и где же твои бесстрашие? Получилось, конечно, письмо-упрек. Я где-то догадывалась, что все обречено на провал, но надеялась на его мужественность, там, что ли, на какое-то снисхождение к женским воплям. Что он как-то разглядит через форму – содержание, все о том же: просьбу о дружеской помощи. Но не вышло. Видимо, формы было много... Вскоре, через подруг я узнала, что он вообще изменил мнение обо мне в нелестную для меня сторону.

– И все? Больше ничего? Так и не общались? У вас же общие друзья...

– Танюха пыталась спасти ситуацию, даже обиделась на него из-за меня.

– Слушай, а зачем нужно было признаваться в любви?.. – Наташка была сосредоточенная и грустная, – в такой ситуации?

– Ну... понимаешь... это было задание самой себе...

– А зачем? В чем задание? Добиваться должен мужчина.

– Я не добивалась – я призналась как раз тогда, когда точно знала, что он меня никогда не полюбит.

– А попроще как-то нельзя?

– А где оно – попроще?

– Ну, как люди...

– Ну, вот, ты – замуж вышла просто, а я просто – не выхожу, почему-то.

...Женя пришла к нему на работу, перед обеденным перерывом.

– Можно тебя?

– Ты что-то хотела? – он спросил тут же при сотрудниках тоном официального лица при исполнении официальных обязанностей.

– Давай, выйдем куда-нибудь, – непринужденно постаралась сказать Женя. Они вышли на улицу, сели на скамейку, – Девчонки сказали, что ты что-то... Тут она, наконец, вспомнила, что он не выражал желания понять, он выражал непонимание и неприятие ее последнего шага и все... ну, может, ты у меня что-то спросишь. – Она с трудом подбирала мысли, и наконец, беспомощно произнесла... – Может, ты спросишь о том, что тебе не понравилось, и я смогу объяснить, что я имела в виду?..

– Мне ничего не нужно объяснять. Мне все понятно. Я не хочу с тобой больше общаться.

Она всматривалась в его лицо, насколько это было возможно, потому что он сразу сел к ней ухом, его задней частью. Стараясь, чтоб было прилично, хотя какое уж тут приличие в таком ее и незавидном и неудобном – совсем и буквально положении: она пробовала, извернувшись из-за его плеча, заглянуть ему в глаза. И увидеть в них хоть тень хоть какой-нибудь слабенькой надежды на будущее примирение. Но... на челе его высоком не отразилось ничего. Гениально.

Они молчали, и оба смотрели в одну сторону – на стену из деревьев перед ними. И это не было не только любовью, это не было дружбой, это не было даже ничем, это было хуже, чем ничего. А она думала, у них, по крайней мере, близкие взгляды на жизнь. Женя даже не представляла, что один человек может так сказать другому, притом, что собирался быть другом. У нее документ есть. Ну, ладно, а вот он – смог. Нашим легче. Нет любви, нет проблем. Стало до грусти легко, пусто-легко-пусто. Хотелось плакать, будто она несла тяжелый груз и только-только полюбила эту тяжесть, как его вдруг отняли. И легко и жалко – того, что в нем.

Она пошла домой через парк, длинным путем, где сейчас она почти никого не могла встретить.

Вообще-то он не говорил, что он мне друг. Только «хочу быть другом». Хотел – переходил. Нормально. Друг – это хочешь, не хочешь, *volens – nolens*, так сказать. А тут остался только *nolens*. И даже какая-то минус бесконечность.

Неужели нельзя по этому сумбурному переходу от признаний к *претензиям* – как он говорит, – понять, что это и есть те самые комплексы, о которых я и признавалась в первом письме? И как-то мне оставить дружески протянутую руку?.. – Но это означало бы, что он должен быть сильнее меня, мудрее меня. А почему он должен быть? Конечно, и не должен. Ну, и ладно, и пусть.

Но я не сама, не сама, не сама сбежала! Если от этого сейчас веселее.

Она шла и рыдала с грустнейшим наслаждением облегчения и не-предательства. Честное избавление. Пусть она ничего не сумела, но она и не сбежала.

И еще один нюанс, прозвучавший в ее реакции на Пашино суровое непримирение, занимал ее внимание. Когда ее нутро тоскливо заскулило, как потерявший хозяина пес, то между чувством и мыслью пронеслось что-то такое: «Выйти б замуж поскорее и начхать на вас всех остальных, за забором; строить отношения с одним мужчиной, и – все. Пусть, может и несладко, но с одним и одним, без этих трудных начал, продолжений и разнообразий. – И пронеслись перед глазами все ее знакомые, годами устойчивые пары в подтверждение картины «каменной стены». – Все остальные люди становятся на 3й, 5й, 10й план. И нет нужды особо переживать. А тут каждый новый человек – событие, явление, мысль-, чувство-, жизнеобразующий фактор. Утомительно очень...

Но занятым в этом был протест, молниеносным вихрем поднявшийся на это усталое настроение, и звучавший примерно так:

«Ну, а если я не хочу отгораживаться и защищаться одним от других, и делать из него таможенника-пограничника – и постепенно конвоира? – Но тогда это и есть опять твое „общечеловеческое братство“, ты уж выбери, чего ты хочешь?» У нее смутно закралось подозрение, что ее еще увлекает, ей хочется этого разнообразного постижения. «Видимо, я еще не выбрала...»

Но было грустно, честно грустно. «В том-то и дело, хотелось просто дружбы. Но с оттенком любви – потому, что *без* такого оттенка, я дружить и так могу. Причем без оттенка любви именно со своей стороны, ведь с Русланом-то я дружила, при *его* любви ко мне – Женя вспомнила историю многолетней давности, где роли были расставлены наоборот. – Ну, да, а зачем ему этот оттенок? У него на такой вариант дружба не предусмотрена, у него других хватает. Да он, просто, ничего не понял: как для меня это важно...

...Я понимаю, что веду себя смешно, нелепо, неуклюже и несуразно, – но, ведь, именно этого я всегда и боялась и поэтому не решалась ни на что...

У Цветаевой что-то есть на эту тему... про нелепость... ...У нищего прошу я хлеб... Богатому даю на бедность... – Мой день беспутен и нелеп! – Мне нищий – хлеба не дает, Богатый – денег не берет, Луч не вдевается в иголку... Луч не вдевается в иголку...».

Анюта. Обаяние доброты

– У вас куча энергии, – заявил ей тогда «Китаец» – так его называли здесь, тоже знаменитого в их городе мануальщика – среди всего прочего: метафизика болезней – непрменный атрибут восточной медицины, – вы ее не расходуете.

Буквально накануне он же ей сообщил: «Вы из тех, кто всегда боится недоделать, и потому все время *перделываете*».

– Вы же вчера только сказали, что у меня – синдром хронической усталости, а сегодня – куча энергии? – Женя честно силилась почувствовать хоть каплю из этой кучи.

– *В том-то и дело: вы делаете не то, что хотите, и тратите силы, но не используете свои возможности.* Вот и усталость.

Недавно перебирая свой письменный стол, она наткнулась на записи-дневники полутора-двухлетней давности – и испытала два чувства в один момент: какой ужас! какой сумасшедший это писал?! и – облегчение, что выбралась из этой ямы. Да, из ямы она выбралась, но куда идти, она не понимала.

Аня давно уже была их настоящим другом: очень хорошая, очень добрая, совершенно чудесная женщина, жившая вся на отдачу – такая скорая помощь на все случаи жизни. Когда-то Анюта была начальницей на *производстве*, и ушла с работы по каким-то сугубо нравственным, этическим причинам – и это важная деталь ее портрета: ничуть не кривить душой. Вся грамотная, при этом вовсе не гуманитарий, Анюта сама считала, что у нее чисто логическое восприятие Бога, и все вопросы Бытия постигала через научные теории, читала Бехтереву и тому подобное. С мамой Жени они познакомились, когда занимались Рерихами. И как-то так постепенно случилось, что Аня много стала посвящена в их поиски. С Женей она уже после возилась, а сначала сестре Альке и их маме помогала: сестрам – справиться с волнением поисков, маме – с переживаниями по поводу этих поисков дочерей. Даже просто терпеливым *участием* – как просто *чувством* – но именно такое участие особенно сложно бывает найти.

– Я так богато, как вы, чувствовать не умею, – при этом говорила Аня. – Я к Нему не этим, – показывала она: не сердцем, мол, – пришла. У меня все отсюда, – стучала Анюта себе по виску.

Звучало это довольно абсурдно: чтобы быть такой доброй в *реальном действии*, как Аня, никакой головы никому не хватило бы. По всей вероятности, это такая степень веры – *которая без дел мертва есть* – когда она сама ее не замечала, ибо почувствовать можно, если раньше не чувствовал, а если этим живешь и дышишь – просто так существуешь – то заметить сложно, вот Аня и думает, что не чувствует, – так думала Женя.

– Вы такие чувственные, у вас такое к Нему отношение, а я – технарь.

Женя изливала ей свои страдания по поводу веры в тот еще свой приезд. У Жени был кризис веры. И куча эмоций. И Анюта ее метания с уважением и трепетом выслушивала.

Тогда неожиданно в их разговоре – очень давно не вспоминала, потому что было уже все давно решено: я – верю – Женя и вспомнила киевскую историю, главное – ту фразу на первой ступеньке метро. Аня, внимательно выслушав, сказала с сочувствием.

– Видимо какой-то дар, опыт божественных откровений у тебя был... Возможно, что тогда определялась твоя судьба: либо ты исполняешь или не исполняешь данные тебе возможности либо достигнутые тобой способности – но это одинаково. А ты отказалась. Да, такие вещи даром не проходят... Некоторые вообще разума лишаются или жизни...

Женя приняла Анину версию, и сначала было попыталась испугаться священным ужасом некоему своему святотатству. Действительно, двумя годами позже ее киевского общения с Богом, она впала в серьезную и затяжную депрессию. Это будто подтверждало мысль Ани: видимое святотатство ее вывода-решения логично должно было повлечь страдание. И все же внутри вновь не возникло чувственного соответствия тому, *что* она в тот момент испытывала. Или у нее сил не было тогда даже пугаться на Анину мысль.

А на момент того разговора у Жени снова наступила депрессия. Очень сильная. Тупик. Бессонница: не понятно, зачем засыпать, если непонятно, зачем просыпаться. И это было неприятной и пугающей неожиданностью – потому что, поверив – Женя считала себя защищенной от таких фокусов. Верь и трудись, отдавай все силы на благо людям, будь скромной и незаметной, доброй, ничего не ожидая взамен. А тут – лежишь и ждешь ото всех помощи и внимания. Депрессия случилась на почве проблем с позвоночником – вообще-то, еще в детстве обещанных врачами, и это еще никто не предполагал, что она окажется в деревне. Но Женя свой позвоночник эксплуатировала вовсю, как здоровый, и *очень неожиданно* для себя обнаружила, что *совсем не сильная* женщина. Однако – это была только почва, зерна – были в чем-то другом. Произошла личная катастрофа: что теперь делать? А теперь-то как быть?

...То, что Аня так *серьезно* тогда отнеслась к моему воспоминанию и при этом все же ощущение какой-то внутренней неправды этой будто само собой напрашивающейся логике ее вывода, возродило во мне ощущение некоего непонятого пока вопроса, и показало, что и сейчас у меня нет на него – возникшего *еще* в юности, – ответа.

Вопроса, который я и *сейчас* не знаю, как задать.

– Я тебе тогда зря это сказала, – сожалела Аня в этот раз. – Я потом переживала. Наверное, усилила твое состояние. Тебе и так было тяжело.

– Да, вот именно, мне уже было так хреново, что кто-то что-то ухудшить – тем более ты – уже не мог. Ты знаешь, когда я об этом вспоминаю, мне определенно кажется – это вообще натяжка считать, что я тогда понесла наказание за то, что якобы когда-то отвернулась от Бога.

– Тем более, почему ты должна была нести наказание, если ты к Нему все-таки пришла?

– Но я вообще думаю, Господь не обидчив, и Ему дела нет до того, что я Ему сказала. Я искала Истину. А из-за атеистического воспитания никак не могла понять, что Бог и есть Истина. Уже тем паче, что Христос – есть Путь, Истина и Жизнь, я впервые прочитала 1,5 года спустя после Киева. Но я точно знала, что я – не атеистка. Атеизм —ограничивает поиск. Я его как раз не собиралась отрицать и тогда. Это был – *один* берег. А второй? И Бог меня как-то тоже замыкал и ограничивал. Вот тогда я, похоже, наметила второй. Только я и сейчас его не вижу.

– Конечно же, это логика человеческих слов ограничена, чтобы выразить взаимоотношения с Ним. А Он смотрит в суть того, что ты чувствовала, хотела, могла, или не могла и потому не хотела, – они с Аней опять оказались на одной волне. Впрочем, Аня, похоже, всегда и со всеми на одной волне.

– Как бы я ни хотела сформулировать, с какой-либо точки зрения, я бы не выразила логично то, что я чувствовала. В том, ведь, и странность и нелогичность тогдашнего моего состояния, что я поверила в Него, почувствовала Его присутствие в мире. И Ему же и сказала – отказалась. И мне не было страшно тогда – когда отказалась. Мне кажется, Он меня понял. Вопрос, от чего я отказалась? Я не понимаю – что Он понял?

– Скорее всего, ты отказалась – я много думала над этим – от догм?

– Ну, да, а *теперь* напрашивается *такой вывод*, – они обе усмехнулись тому, как их кидало из вывода в вывод. – Только для меня конкретно – это что?..

– Да, сейчас у меня совсем другое восприятие Бога, – говорила задумчиво Аня. – Он —Источник. Источник бесконечный. Идея вернуться к Богу – вот она замыкает. Зачем Ему нужно наше возвращение? Это не разумно и не логично. Будто Земля – всего лишь учебное поле, чтобы через страдание, либо, как сейчас более, конечно, светлая мысль распространяется: через счастье, что-то познать и – в высший *более совершенный* мир. То есть, научиться чему-то, и к Нему. Вот эта идея ограничивает очень. Зачем Богу нужен этот круговорот? По моему, бессмыслица.

– Видимо, взяли за основу фразу: «Никто не придет к Отцу, кроме как через меня». К Отцу же...

– Думаю, это о том, что только Христос может научить правильно выстроить отношения с Богом. То есть, Христос – Путь от этого Источника в Жизнь вообще... а вовсе не к Нему.

– Ну, да. И еще во всех религиях удивляет: почему мы считаем мир несовершенным, если мы в нем так несовершенен обитаем?

– Наверно, потому, что у нас и у каждого, и у всех вместе взятых не выстроены эти отношения...

– Ну, да, и легче сказать, что все плохо, «Все пропало, Шеф, все пропало!» Ну, оказалось, для меня новое восприятие Бога, тоже не ответило на *все* темы моих отношений с Ним... Поверить было проще, честно говоря. Чем верить. Ты знаешь, такое ощущение, что в Киеве я себя даже больше понимала... Не понятно – почему я ушла от своего понимания и куда? Все-таки – в догмы? Может, от этого, как раз – депрессии эти?

Наталья Женю не понимала. Аня – понимала. Но, Наталья – *другая* и счастлива. Другая, чем Аня и Женя вместе взятые.

Общаясь с Аней и тетей Женей, своей полу-тезкой, Женя попадала под обаяние доброты. Под мощное теплое обаяние их доброты – живой, реальной, с делами и действиями, со словами и чувствами. Чувствительными чувствами – что бывают сильнее даже самих этих дел. Даже их отказы – только потому что не могут! – никогда потому что не хотят, не понимают, не вникли, не чувствуют, не сочувствуют, – помогали и поддерживали, потому что кто-то, бывает, даст и сделает, а кто-то не сможет и откажет – с таким пониманием и чувствованием тебя, что тебя этим отказом согреет и обнимет.

И океаноподобное, будто безмерное добро – как теплая мощная воронка втягивает в какую-то вселенскую надежду. Что все будет хорошо.

Жене хотелось быть как они.

И... не хотелось.

Глядя на Аню и тетю Женю – она не понимала: почему так? Почему доброта эта – материнская вселенская безусловная – всегда отдельно от сексуальности?

Ни Аня, ни тетя Женя, ни экранные или книжные образы доброты – не сочетались с сексуальностью. Слова: «Ну, ты, прям, совсем Мать Тереза», – притом, что, спроси любого – прообраз весьма искренно уважаем – в народе устойчиво означают доброту, с подтекстом перешедшей норму и бессмысленной потерей своего «Я», где вместе с ним человек-женщина успешно и окончательно утратила свою женскость.

Это зачем – или почему? – так понадобилось вычищать?

Тогда зачем быть женщиной, если не быть женщиной? Зачем быть женщиной, *чтобы* не быть женщиной? В том-то, ведь, и все дело, что она – не женщина, она – Монахиня, с большой буквы и прочее, но – не женщина.

Однажды по какой-то причине Аню посетила ностальгия и Женя узнала историю единственной любви в ее жизни, и истории замужества – и это были разные истории. Замуж Аня вышла по случайности события – для нее во всяком случае – и по серьезности подхода –

от большого ума и большой совести и чести – из чувства ответственности и нравственным понятиям: как сейчас бы назвали – эффект корпоратива: вдруг случился секс слегка нетрезвой девушки с совсем не трезвым и напористым мужчиной, который и стал ее мужем – потому что она, как честная женщина теперь должна была выйти за него замуж. Ведь, было же? Ну, и все.

Супружеский долг всю семейную жизнь – был действительно долгом, обязанностью – тяжелой ношей. Аня каждый раз проводила аутотренинг с просьбой и уговором своего тела – прими его, он мой муж. Так надо.

Женя поразила тогда – что за темные века в последней трети 20 столетия?! Служить «всю жизнь» нелюбимому – и нежеланному мужчине – из-за того, что он с тобой переспал, будучи не в состоянии тебя же спросить – а тебе это нужно? Почти тоже, что у их бабушки. Кстати, бабушку *по-русски* звали тоже – тетя Аня.

Любимый мужчина был много позже замужества. Когда Аня заговорила о нем – светло-серые глаза ее стали влажно-блестящими, яркими, глубокими, засияли чувством, жизнью, женственностью, волнением. У обоих были семьи, история длилась недолго. Женя постеснялась спросить – было ли что у них? В смысле, близости? Скорее – и нет. Потому что Аня – очень для себя строго понимает честность и порядочность.

Несмотря на это, а может как раз благодаря этому, именно Аня больше, чем кто-либо – куда больше, чем Наташка – понимала Женю, ее неувиденную собой потребность в мужчине, в сексе, в любви. Аня, будучи сама не другой – видела эту другую в Жене. Аня сохранила чуткость и искренность и не только не возвращала младшую подругу в привычную Жене колею, но подсказывала ей иной способ жизни. Куда раньше всех друзей, бессмысленно припечатавших ее словом «монахиня», Аня говорила ей:

– Может быть, я думала потом о тебе, ты, наоборот, слишком много на себя взяла – на свое женское тело?

– Ну, то, что много – на такое тело – это-то уж было понятно...

– Я имею в виду – вообще, аскезы твои... Зачем тебе это на себя брать?

– А, ну это – все имеют в виду. Только я не беру – она сами как-то лезут... Теперь тут же прекращаю читать книжки, если какие-нибудь цитаты про святых встречу. Тетя Дина на днях дала одного психолога (или как они называются – они пишут про все подряд?) почитать. Она от него в восторге. Там опять рассказ, эпизод, про какого-то нашего популярного святого. Я тут же почувствовала, представь, характерное движение стыда, что я не живу так отрешенно от земного, что я хочу чего-то земного... Вот так. И – отдала книгу, от греха подальше. Я не знаю, как другие читают подобное и «не заражаются». Но я лучше – вовсе не буду...

– Ну, да... – Аня понимала. – Тебе лучше вообще выбраться из всего этого... Тебе нужно отдать свою чувственность земным делам, задачам земной жизни. И физическую чувственность тоже. Может, ты себя как-то расслабишь и позволишь пожить просто земными радостями?

Женя не понимала и ее. Но то, что Аня понимала, что для нее, Жени, это невозможно *так просто* – именно это, как вода по каменным уступам, принесло все же идею, саму мысль о такой возможности – смягчить этот острый скальный утес, висящий над всем внутренним и внешним пространством ее жизни – которая стала словно всего лишь подножием этим высшим смыслом, этой жесткой вертикали.

Она зашла в гости к Миле с Русланом.

Мила открыла дверь и сразу провела на кухню. И только когда они вдвоем уже разговаривали – через дверной проем Женя увидела... Пашка?! – к ним направлялся Руслан. Женя от испуга рассмеялась у себя внутри: доспоминалась.

Но по дороге домой Женя с удивлением допояла свой испуг: они были похожи – Руслан и Пашка! И не совпало – оба раза. Руслан любил ее, она не любила его. Пашу любила она, он не любил ее. И они – одинаковые, – для нее. В чем-то, что ей не нужно – они одинаковые. Он, Пашка – тоже был чужой. Поэтому – она его всегда чуть-чуть боялась. Он тоже для нее был – неприступный.

...Это был проект – после Олега. Так любить – она хотела. Так любить – она могла бы Олега. И потому, что он был женат. И потому что он любим другой и любит другую женщину. Ждала – по-настоящему. Дождалась – понарошку. Луч не вдеается в иголку.

А тогда, после Киева... Они сели в поезд. Плацкартный вагон. Вечер и ночь от Киева до Москвы. Из соседнего купе пришел молодой человек. Стройный, черноволосый, с прической как у Джона Леннона. Гладкие блестящие волосы красиво и аккуратно свисали до середины шеи. Разговорился с ними. Очень интеллигентно, с умеренной стеснительностью, то есть не стесняясь ее. Даже Жене, упорно не замечающей, к маминому большому сожалению, никаких признаков мужского внимания в свой адрес, было очевидно, что он пришел из-за нее.

Папа проявил полное непонимание ситуации. Мама – активное понимание. И участие. Поддерживала беседу.

– А чем вы занимаетесь?

– Художник начинающий. Студент.

– А Женя в художественную школу ходила, у нее тоже способности, и вообще она искусством очень увлекается... – мама старалась связать их общим интересом. Женя смутилась, стала смотреть в окно. В ней традиционно происходило нечто вроде внутреннего монолога – или уже диалога? «Как-то неудобно, что меня особо отметили... Зачем?.. Может, он меня с кем-нибудь путает? А вдруг, я не оправдаю его надежд? Может ему показалось во мне что-то, чего нет?». «А, может, это мне все показалось, что он меня выделяет? Может, он просто здесь сидит, надо ж с кем-то общаться целый вечер, правда? И вообще, я еще маленькая – я вообще-то еще школьница», – схватилась Женя за спасительную мысль. И перестала на него смотреть.

А может, Жене не понравилась его прическа... И его утонченность... Чего б она с нею делала? Может быть...

Этот эпизод для самой Жени не возымел особого значения. Или она не дала его возыметь? Было – и не было. Мама и Алька запомнили и переживали очень.

...Зато у нее была Тема. И она на нее думала. Всю следующую ночь, и еще 2 суток от Москвы до родного города. И вернулась домой, воодушевленная своими оформившимися новыми идеями.

Дело было в том, что она любила наблюдать жизнь, и не только из окна. А жизнь любит подкидывать вопросы. Когда они накапливались, возникала тема, Женя дальше наблюдала и накапливала предположения и выводы для своего личного пользования. К этому моменту у нее набрался большой материал на тему семьи и брака, любви и отношений.

В итоге она вывела основной тезис: *любовь – еще не повод для создания семьи*. Это означало, что из-за нее одной не стоит спешить составлять новую семью, как и разрушать старую. Любовь – первая, значимая, определяющая причина – это фундамент. Но должна быть еще другая, очень важная, и это – сходство, лучше – единство мировоззрения. Любовь – явление преходящее, от самих людей не очень зависящее. Нужно что-то более надежное. Иначе и сама любовь скорее проходит. У любви должно быть, куда расти.

Таким образом, чтобы составить семью – и первую, и дальнейшие, если они напрашиваются, одной любви недостаточно. Для того, чтобы покинуть одну семью и образовывать дру-

ую, нужны более веские значимые причины, обещающие новый уровень развития личности, что безусловно будет счастливо сказываться на всем окружающем мире.

Важная вещь – проблема измены. С этой темы Женя даже завела дневник – который потом на ней же и забросила – но благодаря ему сейчас она помнила свои юные мысли воочию. Интересно, что глагол один общий – «изменить», и вкус у него *нейтральный*. А разные окончания создают разный эффект: *изменение* может быть и к лучшему и к худшему, *измена* же всегда плохо. Возникает подозрение, что люди до сих пор сами себе не отдают отчета, что подразумевается под ней. Про Родину она тоже подумала. А если у человека изменился внутренний мир? Ведь дерево когда растет – тоже изменяется? Как втискивать себя в прежние рамки, ехать по прежним рельсам, течь по прежнему руслу? И если люди, живя рядом, изменились в разные стороны? И это тем скорее возможно, если движение этих внутренних миров – то самое *направление взглядов* – было изначально разным.

И потом, что вообще имеется ввиду, когда подразумевается, что кто-то изменил? Возникла любовь к другому? Как вообще можно приказать, тем более – чужому – сердцу? Да хоть и своему... Если – физическая измена, то тоже вопрос спорный: какое кто вообще имеет право распоряжаться не своим телом?

Все ограничения на чувствах создают массу как раз чувственных проблем внутри пары, и тушат любовь... Туда – нельзя, сюда – нельзя.

Но каждый человек – есть событие, обогащение. То, что будет с одним – уже не будет с другим. Этих чувств, впечатлений, ощущений, мыслей, им рожденных, идей. А может быть человеку очень нужны эти другие мысли, чувства, энергии эти – они обогащают его жизнь, саму личность. Как это запрещать и зачем? Мы вообще все друг другу нужны и важны. И в разных сочетаниях – мы разные.

На это не смотри, и с этим не говори. Желания и чувства сковываются – и в результате, во-первых, все равно рвутся на волю, а во-вторых – ограничиваются и притупляются во все стороны – и в «законную» сторону – тоже!! Зачем так жить? Значит, нужно освободить любовь от этих ограничений.

И это не разнообразие ради разнообразия – не когда, чтобы развлечься, не мельтешня какая-то – погоня за внешней сменой впечатлений – а когда это действительно что-то новое и важное для человека происходит – изнутри приходит и внутри рождает.

Но чтобы переходить к более значительным шагам – нужно знать, что и для другого это – тоже нужно.

И только если это *что-то* – уже не просто обогащение – а радикально новое в развитии этих двух людей.

Конечно же, существуют в обществе «гибкие» варианты. Для мужчин. Неписано, зато вполне гласно существует мнение, что мужчине можно – они *так* устроены, а женщине – нельзя. Но я-то – женщина. Я так несогласная! А я, может, тоже хочу... Свободы хочу! Кто придумал, что они – полигамны, а мы – моногамны? Из какой биологии это следует?

У Жени в глазах стояла собачка, которую как-то весной видела все из того же кухонного окна на той же улице Московская. Сучку. А за ней – очередь. Собачка принимала своих собратьев в свое лоно, пока они в общем священнодействе прикладывались к ней. Разных видов и размеров, кто еле дотягивался, кто пригибался, кто в самый раз попадал. Кто, приложившись, отбежал, кто снова становился в очередь, то новые подбегали. А она стояла и с олимпийским спокойствием озирала окрестности...

...Нужно было рассказать этому Олегу, в качестве примера о мужчинах и полигамии. Пожив в деревне, понимаешь простое: что все дело лишь в количественном соотношении. Да, впрочем, зачем ему это...

Да... Найти мужчину, который согласится с подобными взглядами *для себя* – труда не составит. А для женщины? Мечтать, искать, потратить на это жизнь?.. Мысли и ощущения унеслись куда-то во время и пространство судьбы... добежали почему-то до цифры 35... и она остановилась. И решила не тратить жизнь на поиски и ожидания, и лучше уж *пока* решить, что вообще замуж не ходить. Именно *пока* – потому что нужно оставить себе шанс найти.

Таким образом, на карте личности был обозначен полюс свободно чувственно и сексуально выражающейся женщины, которая замуж не пойдет, если эту свободу не будут признавать.

Под этой свободой не подразумевалась какая-нибудь пугачевско-разинская вольная воля. Женя подразумевала, конечно, ответственность, которая вообще – основа семьи и любых отношений.

Самое удивительное было то, что произошло с Женей *после* ее решения: она почувствовала колоссальную свободу внутри и вокруг себя. Словно ей стало больше места в мире.

– ...Видимо на нас подсознательно давит эта обязанность состояться как женщина только в таком варианте, – рассуждала она с Элькой.

– Можно подумать, тебе уже вот-вот грозило выйти замуж, тебя прямо тащили под венец, а ты не хотела... – отреагировала Элька.

– Так в том-то и дело, что странно: вдруг такое ощущение освобождения!

– Ну, и замечательно, классно, что освободилась, а теперь с этим ощущением можно, ведь и выходить...

– Но почувствовать его я могла, только *по правде* приняв решение!..

– Ну, не знаю, а я бы пошла замуж...

Элька действительно вскоре после школы пошла замуж. Жания же выходила замуж за идеи – и какой была верной женой...

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ БАНЮ

Мы спрашивали, что еще есть в жизни Жени, что доставляло бы ей *экстатическое* наслаждение? Ну, а как же! Баня...

Наталья ходила в баню по четвергам. Вечер пятницы и остальные выходные законно принадлежали семье, а вечер четверга – такой «мамин день». Женя, во всех городах, узнававшая в первый же день, а где здесь поблизости баня и – даже если не поблизости – посещавшая ее еженедельно при любых своих доходах, присоединилась к подруге сразу. Она была счастлива, что у нее с Натальей было какое-то – и какое! – соединяющее их любимое занятие – не занятие – увлечение, – не увлечение – чувство! – причем любили и ценили они его одинаково. Хотя, наверное, Женя все же несколько иначе.

...Вы любите баню? Я хочу спросить... – и да простит нам Виссарион Григорьевич, но... – любите ли вы баню, как я люблю её, то есть всеми чувствами, всеми желаниями, всеми тканями и органами тела вашего, жадного и страстного до обновления и возрождения? Является ли она постоянным очистителем ваших сил, ваших чувств, способным во всякое время, при любых обстоятельствах исцелить их, обновить их? А что же такое, спросите вы, баня? Баня – это храм, да, это правда, подлинный и, уж точно – единственный храм *тела*, при входе в который вы мгновенно забываете, отделяетесь от житейских отношений и их недоразумений!.. Вы здесь не живете своей жизнью, не страдаете своими скорбями, не трепещете за свою опасность – вы расслабляетесь, вы блаженствуете. Да, да! Здесь ваше усталое «я» исчезает, растворяется и испаряется подобно той воде, которую вы плещете на каменку... Но возможно ли описать все очарование бани, всю её магическую силу?. Если вас мучают мысли о трудных подвигах вашей жизни и о слабости ваших сил – здесь вы точно их забудете. Если когда-нибудь ваше тело жаждало тепла и заботы, любви и возрождения – в бане это жажда будет утолена. Если ваши силы покидают вас – в бане они появятся у вас вновь.

Ступайте, ступайте в баню! Небо в алмазах, вы, может быть, и не увидите, но – да простит нас и Антон Павлович – вы отдохнете, вы отдохнете!.. Ходить в баню – это искусство, именно *искусство*: обновления, исцеления, восстановления, возрождения из пепла, и между прочим, омоложения. И если вы *не* понимаете этого искусства – не идите в баню.

В бане они находились вместе с раздеться, высохнуть, одеться, попить чай, часа четыре-пять. Времени поговорить даже с перерывами на попариться и отдышаться было полно. Тему «слишком сексуальная, чтобы быть духовной» Наталья поднимала вновь и вновь.

– Все-таки я не понимаю, ну, была бы ты не такая темпераментная... Как ты так живешь? Столько лет?

– А ты думаешь, религиозные деятели имели слабое либидо? Думаю, у какого-нибудь Саванароллы оно зашкаливало. Как и у Жанны Д, Арк.

– Она разве религиозный деятель? Она же воевала, страну спасала.

– Но это, по сути, религиозная идея была: «Дева спасет Францию». Она же не сама её себе придумала... Если честно, то тяжело, – ответила Женя на вопрос. – Сейчас – тяжело, – призналась она. – Но не все это время. Хотя сейчас мне кажется, что целую вечность...

– Может, ты раньше старалась не замечать, что тяжело? А теперь тебе тяжело за *все* это время?

– Да сейчас как не старайся – не заметить невозможно. А раньше нет, я не страдала. Тело, может и страдало... – со смутным сомнением припоминала Женя свои весенние волнения, – но я – нет...

...Друзья Альки – молодая семья – решили, что действительно, неплохо бы иметь домик в деревне. И стали его строить. И начали они – неправильно. Правильно – начинать с бани. Друзья же решили, что пока лето – хватит душа на улице. А к осени успеют сделать душ в доме, или построят баню, или, если ничего не успеют – уедут в город. Но Жене – гостившей у них вместе с Алькой – душа не хватало, а осень была далеко. Зато наступила суббота – традиционный банный день, и хотя летом это правило не очень соблюдается – но всё же есть надежда большая. Женя придумала довольно наглую идею – а вдруг, кто-нибудь – в незнакомой деревне – пригласит её к себе в баню? Ну, хотя бы еле знакомые сестриных друзей. Ну, а что? Вот в их бане несколько лет уж парились их соседи вместе со всеми, кого у них заставлял банный день.

У еле знакомых бани сегодня не оказалось, и Женя шла по улице в магазин и обратно – в мечтах о ней.

С ней – с Женей, поздоровались – ну, в деревне все, вообще-то здороваются, если ты не в курсе – уточнила она Наташке – двое молодых мужчин. Она замедлила шаг – быстро оценив ситуацию. Ребята – с небольшим городским налетом, хорошие добрые парни, похоже, отсюда из родных мест переехавшие в город, и приехавшие сейчас на выходные домой, – а значит, у них точно будет баня.

Ребята оживленно отреагировали на ее ответное приветствие и готовность с ними пообщаться написанном на ее лице.

– А что вы делаете сегодня вечером?

– Да, вот, суббота, хочу в баню, а я тут в гостях – у хозяев бани нет, – ничтоже сумняшеся, сказала Женя все как есть, чего тянуть кота за хвост?

– А приходите к нам?

– Да? – для приличия удивилась Женя. – Ну, как-то неудобно, – для приличия сомневалась Женя.

– Да, нет, чего неудобного? Мы вот сейчас как раз будем топить.

– Ну, что же я пойду в баню к незнакомым людям...

– А давайте познакомимся.

Познакомились.

– У нас – только родители помогут, а после – мы. И все. Приходите.

– А родители что скажут?

– Ну, что им бани жалко? Для хорошего человека ничего не жалко.

В общем, она не стала больше ломать комедию, и они договорились на через 3 часа. То есть в 10 вечера.

Когда она пришла, уже стемнело. Баня была с крыльцом и по обе его стороны сидело 5 молодых людей. Она даже было не поняла, куда это она идет. Ей грубовато-вежливо сказали, проходите, хозяин в бане. Она зашла в предбанник, стала ждать. Из самой бани выглянул один из ее новых знакомых и предложил заходить.

– Как это? Зачем? Выйдите, я зайду, – Женя упорно говорила «вы».

Парень тоже был вежливый, но уговаривал париться вместе. Они на «вы» пререкались какое-то время. Он ушел париться. Потом вышел с полотенцем на чреслах. И стал предлагать придти ее попарить.

– Ты чего боишься? Секса, что ли? Я тебя трогать не буду. Я что, дурак, что ли? Там 120 градусов, сердце и так выпрыгивает. Я себе враг, что ли, в бане трахаться?

«Аргумент», – подумала Женя, и тем более не стала бояться.

– А тогда тем более непонятно – зачем?

– Просто попарю.

– Гольшом?

– Ну, просто – так, посмотреть.

– Не, не надо. Так можно досмотреться – и про 120 градусов забыть. Ну, ладно, я тогда – домой, придется без бани как-то... – Женя давила на жалость и совесть.

– Да, ладно, парься одна.

Она зашла в баню.

– Да не закрывайся ты. Ну, ты смешная. Уж если я решу – я эту дверь одной рукой выдерну, не то, что этот крючок. Я тебе веник принесу.

Женя посмотрела на крючок – парня она и так видела во всей красе (почти) – ну, да, крючок был явно не соперник.

Она подождала веник. И стала мыться-париться...

– И все? Так ничего и не было?

– А ты чего ждала?

– Да-а... – смеясь и недоуменно мотая головой, сказала Наталья. – Нет, ну, я верю... Если бы кто другой рассказал, я бы ни за что не поверила... Тебе – верю, – в ее удивлении как-то смешивалось и одобрение и сожаление. Второго было больше.

Женя же смеялась над тем, что этот поход в баню мало чем отличался от весенней поездки. Только этой баней сама Женя была однозначно и вполне довольна, не страдала ничуть.

– Ну, ты понимаешь, у меня, однако, прогресс – я теперь хотя бы жалею.

– Ну, вот с этим весенним попутчиком – ты пожалела все-таки?

– Вот, я и говорю – тело мне уже жалко. Но о том, что ничего не было – нет, не жалею.

Наталья пожала плечами. Чужая душа – потемки. Особенно – светлая, – было написано на ее лице.

– Может, ты попробуешь жить по-другому? – сказала ей Наталья свое напутствие накануне отъезда Жени домой.

Как – по-другому – никто не объяснял.

...Они вернулись домой из Киева. Дня через три Женя заболела – сильная температура, горло – обычные дела: она почти каждый год болела или перед или после дня рождения.

Ночью ей приснилось что все – ВСЁ рушится: дома, целые улицы, города, дороги, люди, машины... Все вздымалось и падало, падало, падало... Она проснулась в лихорадке, чтоб избавиться от сна, увидела свою комнату, шкаф рядом с кроватью, спящую сестру у противоположной стены, дверь... Но облегчения не наступило...

Она продолжала видеть сон! Побежала к маме в другую комнату, пробираясь сквозь темный длинный коридор квартиры и рушащийся и падающий вниз и вниз мир, широко раскрыв глаза от охватившего ужаса, внушая себе, что этого нет, и понимая, что – есть. Самое страшное было – это чувство, что это – правда, это действительно, так же реально, как то, что сейчас она в своей семье, в их целом доме, а рядом – родные.

– Мама! Так страшно, так страшно... – мама соскочила с постели и уже бежала ей навстречу.

– Что? Что? Что-то приснилось?..

– Оно продолжается... – она растерялась, не зная, как объяснить, что видела. Она попыталась еще больше проснуться, стряхнуть с себя это видение, но ничего не получалось. Хотела, чтобы мама помогла убрать это. Мама стала ее успокаивать, Женя легла к ней на диван, закопалась в ее подушку головой.

– Оно не проходит, не проходит... Что делать?..

Вдруг все кончилось... Кажется, она даже заснула. Все и Женя решили, что это – следствие температуры. Днем она об этом не хотела и вспоминать.

Но следующей ночью все повторилось.

– Что с тобой, что страшно?

– Я вижу... оно не уходит... будет страшно, что делать, мама, – она пыталась руками и мамой отгородиться от этого видения.

Ощущение неизбежности, реальности того, что она видела, стало еще более осязаемо, сильнее, тверже, наваливалось на нее и раздавливало в щепки. Мама брызгала в нее водой.

На третью ночь мама с сестрой не выдержали, и стали ругать: «Ну-ка, прекрати!», мама пыталась утихомирить пощечинами. С каждым разом оно длилось все дольше и дольше. Женя сначала, как и во второй раз, пыталась справиться сама, не привлекая никого к своим кошмарам, так как хорошо понимала, что никто ничего не видит. Понимала, что третью ночь не дает им спать, пугая каким-то диким поведением, что им завтра на работу и в школу. Но как это убрать и как быть с тем, что она видела – одной?

Женя, правда, просила: «Не ругайте меня, если б вы знали, что я вижу...», – тут же понимая, что в том-то и дело, что они не знают и все происходящее не имеет для них смысла. Тогда она попробовала смягчить ситуацию и стала просить прощения, что не дает им спать, однако, вкупе с этим паническим поведением, эти попытки только усугубляли их общее впечатление высокотемпературного бреда. Жене даже в какой-то момент стало смешно, но страшно и жалко было сильнее.

Женя легла на диван ничком, стиснула зубы, уткнулась в подушку. И стала молиться... И тут же вспомнила, что 2 недели назад от Него отказалась, и усмехнулась над своей непоследовательностью, и тут же поняла, что Ему это неважно. И попросила Его простить ей, что не хотела верить, что сейчас обращается к Нему только из-за страха и ужаса, и что не знает, готова ли верить. Но снова поняла, что и это Ему неважно.

Все было, конечно, очень сумбурно, при этом она еще пыталась делать это не вслух – хотя очень хотелось кричать в небо – чтобы еще больше не пугать маму и сестру, которые продолжали на нее как-то умирительно воздействовать. И сквозь эти их и ее самой попытки, она старалась сосредоточенно молиться. Правда, тот исподний ужас, который сотрясал ее, сам с невероятной силой сосредотачивал на молитве.

...Она просила, чтобы этого не было, что ужасно жалко людей, что если можно что-то сделать, пусть этого не будет, что если можно что-то сделать, пусть она это сделает.

Она подумала сразу о двух вещах. Что ты о себе возомнила, что можешь что-то вообще смочь? – но накал сильнейших чувств просто снес эти мысли. И в то же время, испугалась: ты, мол, соображаешь, *что ты просишь*, а если тебе сейчас действительно это дадут?.. Она на мгновенье остановилась. И тут же ей стыдно стало, что боится, и она попросила и за страх простить, и чтобы, не взирая на него... что пусть будет в ее жизни что угодно, лишь бы не было такого с людьми...

А в ответ было Тепло. Не было ни света, ни облегчения, ни надежды, ни успокоения. Была ночь, комната, ужас и жалость к предстоящему, и невероятное физически ощутимое Тепло, накотившее и покрывшее и ее, и то, что есть, и тех, кого так жалко, и то, что будет так страшно.

И больше это не повторилось. Она помнила об этом где-то внутри, но не вспоминала. Не понимала. Что это было, что оно значит, почему, зачем, и есть ли смысл и толк? Неисповедимо.

Сочные губы Лены.

Кстати о той красной куртке. То есть о ее цвете. Лена, старшая подруга Жени в Екатеринбурге – сочная творческая женщина, так прокомментировала это Женино приобретение: «Красный цвет – это... – я *очень* рада за тебя – хорошие перемены. Ты готова к любви».

...А однажды, несколько, да прилично уж, лет ранее, Женя ехала поездом из Новосибирска. Выехали ранним вечером. В вагоне одета она была в красное. Во все. В красные штаны из спортивного костюма, и красную рубаху в азиатском стиле, которую к некоторой ее досаде называли русской народной – из-за стойки-воротника. Только одна знакомая женщина, жившая в детстве-молодости на Дальнем Востоке, узнала: «О, к нам китайцы приехали!»

Тот парень тоже – да и не парень вовсе, молодой мужчина, старше Жени, лет 28 – 30 – видимо, узнал восточный стиль. Женя, правда, сидела «по-турецки» – недоделанная поза лотоса.

– Девушка, вы – кришнаитка?

– Да нет... Хотя кришнаиты мне очень симпатичны, но нет... А что?

А он оказался православным христианином, неофитом. Женя сказала, что тоже верит во Христа. Мужчина пытался объяснить ей, что если веришь во Христа, то нужно быть христианкой, лучше, конечно, православной. Но он уважительно очень выслушивал Женину точку зрения. Но находился на своей. Он был живой, ищущий, не догматичный, но старался строго придерживаться православия. Можно сказать, он его чувственно широко исповедовал. От души. Жене понравилось. Тогда еще такой уж моды на веру не было, и сидеть с четками в руках и креститься на храмы было не комильфо. Женя с ним спорить не хотела и потому, что вообще не любила спорить ни о вере, ни о вегетарианстве и мясоеденье, и потому что была в этом молодом мужчине такая искренность и глубина – можно только внимать. Но ему самому, похоже, была интересна другая точка зрения на Христа и христианство, и вообще, видимо, на взаимоотношения с Отцом. И он провоцировал вопросами на спор, ну, на диспут. Его интересовало содержание веры. Утром он пришел с Писанием в руках. Жене было интересно его слушать.

Он, помнится, так красиво показал: изобразил осанкой достоинство верующего человека: «да, я раб Божий», где «Божий» – главное слово. И вообще лицо у него было очень хорошее – умное, светлое, живое... и взгляд вглубь и вверх...

Во всех отношениях симпатичный молодой человек...

Так вот о красном и энергии любви, а тем более нижней чакры... После утреннего общения (первое было вечером, последнее – днем, перед выходом), Женя зашла в туалет и стала мыть чашки, а там висит зеркало, как известно... То, что Женя в нем увидела... Было бы здорово не увидеть больше никогда. Там было... *такое лицо, такое лицо... ну, просто лик!*.. Женя была похожа на кого угодно: на монаха, на суфия, на икону, даже на Будду времени сидения под деревом Просветления – только не на женщину. Не на Кришну, конечно: с ее арийской внешностью нордического типа Жание не верят даже, что она – полутатарка, даром что, как вылитая, похожа на всю дедову – *Сайтнура Талгатовича*, родню, и потом Кришна и другие индуистские боги на картинках не в пример женственные и сексуальные. Не то, что бы Женя была похожа на мужчину. Нет, там было существо, лишенное вопроса о поле вообще, такое просветленное, отрешенное, возвышенное над всем этим земным...

Реакция Жени на это зрелище была не совсем однозначной. Наверное, где-то внутри нее второе я было живо, иначе, как бы она его потом откопала. И в тот момент – как можно теперь догадаться – тот молодой мужчина и побудил ее так взглянуть, чтобы увидеть в том зеркале, чего в нем *не было* видно. Он очень даже мог ей понравиться. Но *тогда* у нее не шевельнулось ничего в адрес этого молодого мужчины – во всяком случае, она не заметила. Она уже

была далека от всего этого... Если совсем точно – он ей действительно понравился – но это только подчеркнуло, что нужно еще больше проработать все эти земные привязанности. Какой-то вздох из-под стены, куда ту другую себя замуровывала, Женя услышала, да. Но твердым внутренним движением она заложила последнюю щель в этой кладке...

А такой случай. Сутки с лишним в одном вагоне. И вышли на одной станции. Но Жене нужно было дальше.

Приехав в Екатеринбург поступать в университет, Женя в первый же день познакомилась с Леной, вернее, в первые минуты, как вошла в холл. У Жени была тяжелая сумка, и она тут же у входа села передохнуть. День выдался чрезвычайно дождливый. В холле было серо и темно. Тяжелая дверь открылась, Лена вошла – и Женя замерла в восхищении. Лена в мгновение осветила собой, каким-то нездешним цветением весь промокший уральский серый день. Лена бы в кино, в итальянское. Совершенно звездная внешность. Светло-русые волосы, смуглая кожа, голубые глаза, узкие крепкие бедра и пышная грудь. А еще – *сочные губы*. Такое определение Женя нашла в «Бурде», где когда-то напечатали классификацию губ: ни пухлые, ни толстые – именно сочные. Лена была *другая*, совсем другая, чем Женя. Надо сказать, Жене и впоследствии везло на *других* женщин. Особенно в те моменты, когда она готова была распрощаться со своей женственностью.

Они подружились, и поселились в одной комнате. Лена с итальянской внешностью была вполне себе уралочка. Поступали они на разные факультеты, но везде по городу и в баню ходили вместе.

Однако же, несмотря и вопреки такой подруге, одним незанятым утром, лежа в постели, Женя вновь вспомнила свою *idea fix*. И та развивалась примерно следующим образом: в жизни можно стать великим, а можно быть святым – а не стать ли мне святой? Это была не совсем идея *значить* что-то. Хотя, вполне можно допустить и такой мотив. Но – главное, это было рассуждение юного существа «на пороге жизни». Что за образ такой – порог жизни? Ты выходишь или входишь? Порог – когда говорят о доме – ты можешь быть и туда, и оттуда. Жизнь – не дом. Жизнь – путь. Так вот, в начале пути, Женя думала: как идти, чтобы идти самой?

Быть «великой» означало полную максимальную реализацию своих способностей на самом высоком уровне – а чего ж халтурить-то? Чтобы не скатиться на делание чего-то в угоду тому, что уже и так без тебя существует – нужно быть таким в своем движении по жизни, чтобы двигаться индивидуально, неповторимо, самостоятельно, исключительно, чтобы самому себе задавать собственное движение, не слиться в общий поток, в массу, в толпу. То есть, условно, быть *над* ней – это и означало быть «великой». Либо – быть *вне* ее – «святой». Когда живешь совсем по другим канонам. И по другим понятиям о реализованных качествах и достигнутых вершинах. Тогда она подумала – что это, ведь, тоже *канон*. Только избираемый малым числом, но в нем тоже может пропасть приличная часть личности. И потому снова не было решения.

Уже на третьем курсе, весной, Женя была в студенческом профилактории. В комнате, кроме нее жили еще четыре студентки с других факультетов. Они все были очень разные, и все были *другие*. Такой цветник молодости и женственности. Как-то воскресным вечером, отсидев в Белинке, научной библиотеке с 10 до 18 часов – аккуратно от открытия до закрытия – лежа без сил на кровати, она наблюдала, как девчонки прихорашиваются у зеркала: упоенно любуются и наслаждаясь собой и своим *важным* занятием.

И в это самое время, глядя на это самое великолепие, она не первый раз уже думала: все выясняют, кто умнее – мужчина или женщина? Сколько умственных сил и *времени* тратится на вот это все... На всякие лифчики, помады, не говоря уж о прокладках. Ну, от прокладок ни куда уже не деться, а всё остальное... Стать, что ли, монашествующей в миру? Так, для себя,

не для чего-то. Наложить на себя такой обет. Черное платье, ну, белый воротничок, чтобы не слишком пугать людей, ни грамма косметики, волосы в узел, строгая приветливость – никаких *мужчин и проблем взаимоотношений*. Насколько упрощается жизнь... Можно погрузиться в науку.

«Достоевский». Снятие масок.

В лето между вторым и третьим курсами у Жени появилось, еще вернее – отчетливо проявилось ясное и неприятное ощущение, что она вся – набор каких-то масок. Появляются они на лице сами согласно обстоятельствам. Возникло сомнение – вообще помню ли, знаю ли: а когда я без них – *какая я?* Она решила обязательно добраться до себя самой. Для этого – не отвечать на внешние призывы что-то из себя сочинить.

Маски оказались разнообразными. Какие-то образовывались в чистом виде на запрос извне. Другие – были какой-то частью нее самой и задерживались, потому что кому-то понравилась или казалась более уместной «здесь и сейчас» именно эта часть, в то время как – и тоже именно «здесь и сейчас» – другая часть тоже хотела жить.

Проживая весну, как всегда в непонятном – или смутно догадывалась? – томлении, на этот раз и это состояние Женя направила в то же русло – быть, какая есть. Не *понимать* – тут-то и начинаются маски. Быть.

Они с подругой-однокашницей покупали книги по одной на двоих, чтобы было экономнее, и купили книжку «Соционика». Их заинтересовала идея узнать свои и не свои социальные психотипы. Там была куча тестов, штук пять: длинных, не очень длинных и очень длинных. По всем тщательным проверкам Женя вышла «Достоевским».

Почитав про «Достоевских», она вспомнила, что да, так и было в детстве, и согласилась – да, так и есть сейчас. И как-то лучше стала себя понимать. Подруга вышла «Есениным» с примесью кого-то и добавкой еще кого-то. Другие подруги и их друзья и подруги тоже выходили метисами. Женя представила, что было бы, ответь она на эти тесты год назад: были бы помеси и примеси. А чистый «Достоевский» – это был, без сомнения, итог снятия масок.

Весной, нет зимой – еще зимней пред-весной – в ней произошло еще одно эпохальное событие, в той же теме чувственной самоидентификации.

Проболтав в поезде, едучи с каникул, с соседом по купе – молодым мужчиной, тоже по образованию историком, весело и интересно, делясь историческими и студенческими впечатлениями, Женя весьма удивилась, когда он предложил «погреться вместе». Это было не первое такое ее удивление. По обычному сценарию, сначала Женя перестала соображать, потом задалась вопросом: «А почему?», потом «И что же теперь делать?» и, наконец, «А как же все-таки отказать?». А поняв, что уже поздно, тоже как обычно, сделала вид, что ну, да, я тоже этого хотела... – ну, чтоб не выглядеть совсем дурой... Ну, так своеобразно Женя тогда понимала чувство собственного достоинства.

Лирическое отступление. Какое богатое разнообразие мотивов для секса находится в женском внутреннем мире: растерянность и удивление, жалость и нежелание быть грубой, сделать больно, задеть его трепетные чувства или мужское самолюбие, нерасторопность той самой самоидентификации: я не хочу – и не надо, забывчивость, что нужно вообще *себя* (а не его) об этом спросить – и в итоге нежелание выглядеть дуррой (а уж лучше сразу ею и быть). И это в действии, которое должно совершаться по единственной причине: *я его хочу*. И это еще не доходя до супружеских долга и обязанностей.

Вот у мужчин, наверняка, такого не бывает. Все-таки мужчины – более цельные натуры.

Вернемся к тому Сереже, точнее, к Жене, уже лежащей под ним. Когда она, пройдя все стадии околосексуальных мотивов, решила-таки вовлечься в ситуацию, в не по ее сладкой воле свершающееся совместное действие – прошло минуты 2, ну, 3, оказалось...

– Ты что еще от него хочешь? Он больше уже не сможет, – сообщил Жене Сережа.

... что все уже было.

В Жене образовалась пауза, достойная большого артиста, за время которой сосед переехал к себе и заснул. Вопрос с двумя восклицательными знаками – к самой себе: доколе?! И зачем-тебе-такое-нужно? И не то, что *такого* было *очень* много, но – важна тенденция. Женю она совсем не устраивала.

Утром после поезда был еще автобус – и им снова было по пути. Полпути. Сережа не замечал идущей в Жене работы. И так они и расстались: Женя видела его растерянное лицо и огорченно удивленную спину, удаляющуюся в белое поле снега, за которым где-то теряются загадочные уральские «запретки»... Ну, прости меня, Сережа.

В довесок, в ближайшее же время папа Жениной подружки к чему-то рассказал им анекдот. Про женское половое бессилие. Заканчивался анекдот так: «Вы меня не поняли, доктор, я *отказать* не могу». Женя была в восторге, чуть не захлебнулась чаем и не захлопала в ладоши. В яблочко!

И вот, общечеловеческой календарной весной – не кошачьей полугодовой осенью-весной с сентября по март с перерывом на *зиму* – длящейся с зимнего солнцеворота до конца, очень примерно и когда как, января – Женя решила подытожить свои недолгие – всего второй год, если считать с сексом, и долгие – можно сказать с детства, если только с желанием оно – отношения с мужчинами. Она поняла – здесь должна играть торжественная и таинственная музыка – что у нее... комплексы.

Травмы детства, как сейчас она бы это назвала, уже начитавшись психологов. Отношения родителей между собой, отношения бабушки и дедушки. Отношения лично ее с папой. Ну, и тому подобное. Она поняла, что замуж не хочет не только по идейным соображениям всеобщего права на полигамию и женской обязанности моногамии, но и просто боится и не верит. Нет вдохновляющего образа. Чужие – не работают. Работают – клеточные. Просто страшно – просто так и бескорыстно. Нафиг так жить?

Бедность их, опять же. Вечные проблемы с одеждой. Уверенности в себе никакой. Однако, а кто это знает, кроме нее? – Никто. Застенчивость можно сделать своим фирменным знаком, если ее самой не стесняться. Не накручивать. Не нервничать, что я нервничаю – это открытие было сделано по ходу снятия масок. Нервничаю – и ладно. Стесняюсь – и на здоровье.

Желанных мужчин – боюсь, потому что боюсь обознаться самой и оказаться не той для *него*. Отказать боюсь – потому что изначально отказываю желанным – а надо ж с кем-то быть. Бери, пока дают. – Нет уж. Я сама буду выбирать, потому что имею на это естественное законное право. Поэтому отказывать буду спокойно и с чувством глубочайшего облегчения. Оттого, что я не родилась и не выросла в благополучной во всех материальных и эмоциональных смыслах семье, прав на счастье у меня не убавилось. Убавилось – умения. Поэтому замуж сразу – не надо. Томаты в наших краях растут через рассадку. Пройдут морозы – высадим.

В конце мая третьего курса университета на зачете по русской философии, 90% которой по совместительству, как известно, является русская литература, Жене выпал билет: «Достоевский». Жене пришлось рассказывать, не скромно будет сказано, почти о себе. Мятежная сила земной чувственности и трудный страстный поиск Света. И – на ее взгляд – главный вопрос: как с этим Быть? И на этом они с преподавателем не сошлись во мнении. Он относился – *философски?* – к этому как к *вечному неразрешимому вопросу*, который гениально подняла русская литература. И Достоевский, мол, это понимает, что *неразрешимый* и вечный. Женя же считала – мне так не нравится, мы с Федором Михайловичем не согласные. Ответ должен быть. Смысл не в постановке вопросов, а в поиске ответов, все же. И Достоевский *верит* в то, что их можно и нужно найти. Иначе, какой смысл? Преподаватель философии и к Жене отнесся философски: молодо-зелено.

На зачетной неделе и сессии Женя жила в студенческом профилактории. Однажды утром с улицы через окно она познакомилась с Володей – он был в окне мужского, второго, этажа, а Женя внизу на дорожке от двери профилактория – о чем-то на ходу, смеясь, перебросилась

с девчонкой из их общей комнаты, женский этаж был третий. Днем они с Володей пересеклись на лестнице, у него оказалась температура 38,9. Женя пригласила его вечером к себе, девчонки разъехались по домам, и она была одна в огромной комнате, по краям которой стояли кровати – изголовьем к стене, и при этом в центре можно было даже танцевать вальс. О танцах здесь – уместно вдвойне. У Жени была великолепная книжка народных рецептов, с полезными реально работающими советами. Она приготовила сбитень и помолилась над ним за здоровье Владимира. «Отче наш» уже спасал ее во всяких непредвиденных обстоятельствах, а в ту весну Женя решила обращаться к Нему регулярно, не только в смысле: спасите-помогите!

Володя пришел с температурой, с несданным одним зачетом, с нежеланием сдавать следующий, с непониманием, что дальше и зачем, с ненаписанной курсовой – с депрессией, вплоть до обреченного согласия бросить институт. Он был юрист из другого ВУЗа и в их профилактории «левым».

У Жени же почти все зачеты были автоматом. И был конец весны и на носу лето: она не метео – вообще природнозависимая личность. Ей было тепло и здорово.

Она слушала его: какие-то сложности с отцом... сомнения в себе и прочее. Женя уже была специалистом по депрессии и, хоть не очень понимала, что с ней делать, зато понимала, чего точно не делать: не жалеть, не бодрить, не говорить чего-то типа: «Соберись», «Не кисни», «Все пройдет», «Чего ты сник?», «Все будет хорошо», «Не грузись» и прочее... Потому что первое, что непонятно: куда собираться, чем не грузиться, *что* пройдет и *что* будет хорошо? Ничего не надо.

Можно просто выслушать и поговорить на его тему, и просто захотеть, очень пожелать, от сердца и не вслух, человеку счастья и сил – не *человеку вообще* – а данному конкретному человеку с его данной конкретной депрессией – и полюбоваться им, а полюбоваться всегда есть чем, – остальное сложится само. Или не сложится: как пойдет.

Они просидели до половины ночи. Женя подумала: «Ну, дурак будет, если сейчас полезет...» Не полез. Так Женя думала еще два раза в следующие встречи. Не лез. Это случилось аж на 4й раз. Но это было попозже.

Во вторую же встречу, через вечер, он пришел со сданным сегодня новым зачетом и с договоренностью на завтрашнюю пересдачу прогулянного прошлого, без температуры, собранный и энергичный – не в полную свою силу, но Женя еще ее не знала.

Им было *интересно* вместе – это слово, его смысл, похоже, был важен им обоим. У них было именно интеллектуальное общение. И еще – он был хороший любовник. Очень. И секс с ним был интеллектуальный. Высокотехнический. Уже в те времена, еще не очень информированные (по сравнению с нынешними, разумеется). И вообще, оказался такой Наполеончик. У него были четкие и довольно амбициозные планы на жизнь, и слушаешь, и веришь: да, добьется. И женитьба входила после-после. Сначала учеба, карьера, дом.

А еще он был танцор. С самого раннего детства. Классика, латино, диско... да все. На дискотеке в конце сессии он станцевал лично для Жени, под Майкла Джексона, идеально имитируя его движения, чем засмутил Женину подругу, крупную девушку, которая от явного смущения спряталась фразой: «Для тебя, что ль танцует, шибздик какой-то?». Володя был худощав и ростом, вообще-то, с Женю, но, значит на голову ниже Лариски. Женю, совсем не владевшую своим телом, он тоже очень смутил, но знала это только сама Женя.

В общем, Женя его выбрала. Как «Достоевский» – был итогом самоидентификации и снятия масок, так Володя был их результатом.

Однако, Женин внутренний мир развивался сам по себе. И чувственное самопознание этому только способствовало. Она стала читать много религиозной литературы. На всех предметах из тем семинаров выбирала: «Философия хозяйства в „Ветхом завете“», «Иконография», «Чего-нибудь в Коране»...

Ещё до Киева, летом раньше, то, что так взволнованно и больно пережила в дороге, в поезде в 11 лет – вдруг обрело удивлённую, но взрослую мысль и форму...

Они были где-то за городом, всё в тех же лесах, горах, озёрах. Она смотрела на солнечные лучи, стекающие на синюю зелень вокруг. Ведь в мире же нет ничего, кроме Природы и Человека! Но мы создали третью реальность – цивилизацию, почему-то плохо встроившуюся в Гармонию Природы, еще хуже обращающуюся с самим Человеком. Более того – этот третий мир отделил первые два друг от друга и теперь Человек верит во влияние Природы на его жизнь гораздо меньше, чем в экономику и политику. А люди, говорящие о Луне, энергиях и стихиях Природы, называются мистиками, магами и считаются не очень нормальными, в то время как знающие об изменениях курса доллара – уважаемы. И только наводнение, землетрясение или душная и жгущая жара ненадолго напоминают, кто мы и что есть наш дом.

Ну, а чем не способ, кстати? Она поняла, что конец света – будет, и он не только неизбежен, но и необходим. И избежать не сможем, и обойти никак. Земля сбросит нас с наших разумных высот, с нашей оторванности от нее – живущих на ней, ею рожденных. Сбросит и поглотит. И ей стало спокойно. И даже как-то хорошо и легко. За Землю. У нее просто нет другого способа. А сами мы не сдадимся ещё долго – нам некогда опомниться – мы обслуживаем эту третью реальность.

А когда понадобилось включиться в деяния мира активно – не как детеныш – как отдельная самостоятельная человеческая единица, то есть по выходу из школы, то внимание к вопросу, *куда катится мир*, приобрел для неё и большую остроту и ту самую *насыщенность*, когда стало не важно, *чем* заниматься в этом мире, а важно – *зачем? Во что я должна включиться?* Сначала она думала, что история расскажет, но... Изучение истории не только не давало каких-либо обнадеживающих, хотя бы успокаивающих ответов – *спи спокойно, мы движемся вперед*. Напротив, еще более озадачивало этим «зачем»? Ибо показывало, что все одно и то же, меняются только костюмы и технический антураж.

– Знаешь, – делилась Женя с Аней, – ещё в юности, почти в детстве, у меня возник вопрос: человечество докатилось до того, до чего докатилось, потому что не исполнило заповеди? Либо оно ещё не совсем пропало, потому что кое-что старалось исполнить? Вот это мне действительно интересно. То есть наша жизнь – результат неисполнения, либо исполнения по мере возможностей?

– ...Наверное, в вопросе и ответ? И то и другое. Результат и того, и другого.

– Ну, да. Но вопрос – в старании. Мы действительно и не способны были исполнить лучше? Или не захотели?

– Наверное, были не способны захотеть.

Да, она поняла – что Конец Света жизненно необходим, потому что он – единственное спасение Мира Земли. От человека. И пошла искать способ – путь – уйти, избежать, спасти. Потому что людей жалко. Всё равно.

И наконец, в один прекрасный – да, не совсем прекрасный – холодный, но яркий весенний день... Все-таки, это были твои шутки, весна?.. Женя решила, что живет не верно, идет не туда, и надо все менять.

Нет. Катарсиса не было. Было как в жизни. В жизни все происходит спокойнее и тише. В жизни катарсис бывает после инфаркта или инсульта. А наша героиня была еще слишком молода.

Свет в конце тоннеля. Все сошлось в одной точке и она увидела и поняла ясно и твердо, что ей – туда.

Была весна. Ранняя или не ранняя – голая такая весна. Зима была без снега, и ликующего его таянья не свершилось. А происходило отогревание земли из-под оков мороза. Женя шла по улице. По голой, без ледяных луж, без расползающихся сугробов, без набухших почек, без травы, без листьев на деревьях. Зато – яркое весеннее солнце. Вся весна сосредоточилась в его ослепительном свете, даже на тепло не расплылась. И на стыке каких-то творческих идей, прожектов и амбиций и духовно-нравственных потребностей, и наверное, тоже амбиций, она принимает *трудное* для себя решение...

...Словно я шла по улице – в совершенно знакомом и понятном направлении, отчетливо представляя, куда и зачем идти, и вдруг... Вдруг ее пересекает *другая* улица, другая дорога – она и раньше здесь была, я ее пересекала туда-сюда, не сосредоточивалась, куда она, что на ней. А тут ясно понимаю – мне нужно сворачивать на нее. И эта дорога теперь – моя...

Вот это пятно улицы и солнца: Женя решила отказаться от своих *суетных* притязаний в пользу постижения...

В общем, Федору Михайловичу бы понравилось.

...Он пришел к ней в общежитие, взволнованный, сердитый.

– Ты вообще, представляешь, что ты делаешь! Ты меня из такой дыры вытащила! У меня деперснюк прошел! Пол-года нарастал – в одну ночь прошел! Я благодаря тебе институт не бросил, за два дня два зачета выучил, курсовую стал писать! Температура прошла! А ты была такая легкая, веселая: в сквере загорает, в зачетке полный ажур, полсессии автоматом!.. Ты что делаешь?.. – Так Женя узнала, какую роль сыграла в жизни Володи.

Но для своей у нее уже появился – *другой сценарий*.

Но Володя на нее подействовал: она не стала бросать университет, сначала, а перевелась на заочный. В конце четвертого курса всем тоже показалось нелепостью, но это уже Женю совсем не интересовало.

А после была Мария Египетская.

Мария Египетская

...Женя была одна дома и читала в тишине эту статью – «переложенное житие». Марии было 13 лет! Она хотела войти в храм христиан, но не смогла: какая-то сила ее туда не пускала. Она пыталась вновь, и вновь не могла войти. Затем она или услышала или даже увидела Марию, Богородицу, Деву Пресвятую. И Та велела ей идти в пустыню и очищаться от вожделения.

Через 30 лет какой-то монах, тоже впоследствии святой, пошел в ту же пустыню уединяться и поститься. Ночью к нему подошла Мария – ночью, потому что она была нагая, – рассказала о себе и просила принести ей одежду и положить в условленное место. И, кажется, сказала, что умрет. Ее нашли, завернутую в принесенный монахом плащ и похоронили.

Женя читала, как Мария долгие годы питалась одной крошкой в день от тех трех больших хлебов, что купила перед уходом в пустыню, а потом и вовсе колючками и прочей ерундой, которую можно найти в пустыне – а что, там еще что-нибудь есть? Как она каталась по земле и выла, вождедя мужчину и желая мяса. В том месте, где Марию – хотя тогда ее имя было другим – не пустила в храм греховная страсть – и она разрыдалась – в этом месте у Жени задрожало сердце и стало рыдать. Именно сердце. Женю пронзило насквозь.

К тому времени она уже года четыре была вегетарианкой, и жажда мяса была преодолена – и довольно легко, но, конечно, она и не колючки ела, и это прозвучало даже неким подтверждением: раз сделала одно, то... И остальное нужно сделать?.. Не то чтобы Женя сознательно решила повторить этот подвиг, но... Ее придавило – *произвело впечатление* – не те слова, – грузом этой истории. Женя чувствовала себя обязанной, ответственной, должной...

Правда, она сама не предполагала, *насколько* захотела Приблизиться...

В тамбуре. Встреча.

Так бывает – снится что-нибудь интересное, волнующее, захватывающее чувства и прямо, как в жизни. Но проснешься – сон и сон. А бывает – и неправда всё, а просыпаешься – и понимаешь, что правда. Глубинная правда.

Это было как раз тогда.

Здание большое, тамбур. Кто-то не видит Его, кто-то видит, подходит, обнимает, кланяется, здоровается... А я вижу, иду, подхожу и... стою: не в силах ни уйти, ни приблизиться. Стою между дверями, в которые Он сейчас войдет. Он входит, проходит мимо. Я стою в 5 см от Него – и Он не смотрит, вернее, я на полшага отступила Его пропустить. И Он не взглядывает даже на меня – если бы Он взглянул, я бы умерла. Потом Он разговаривает с людьми, подошедшими к Нему.

А когда собирается уходить, я бегу за Ним вся в слезах по какой-то неосвященной винтовой лестнице, все бегу, бегу... В ужасе, что не увижу, не успею... Наконец, выбегаю, Он стоит посреди ярко освещенного зала, вокруг люди, много, и я со всего разбега вкапываюсь, клеиваюсь в пол... И Он так и уходит. А я рыдаю. Появляется моя подруга, обнимает меня, я рыдаю ей в плечо...

Очнулась: ощущение – не сон.

Я чувствовала, что не в силах преодолеть ощущение собственной грязи, чтобы подойти к Нему, своей недостойности прикоснуться к Нему, быть увиденной Им...

ЭЛЬКИН ЗВОНОК.

Как раз историю с Володей Женя сейчас не понимала вообще. Историю отказа и прощения.

– ...Ну вот, а теперь, если меня жизнь чему-то научила, то тому как ненормально жить без мужчины... – рассказывала она сейчас Эльке. – Конечно, это не был гром среди ясного неба, такое озарение. Оно было ожидаемо...

Элька позвонила уже в ноябре, спустя почти четыре месяца после письма Жени. Оказалось, у нее тоже обстоятельства, но другого рода: она вышла замуж за когда-то бывшего соотечественника, и давно уже гражданина США. И уехала из Праги туда. А в Праге осталась семья старшей сестры Эльки. И письмо Жени Эльке отсканировали, сначала прочитав его и потрепав изрядно и затеряв на время в бумагах. Это не было ни новостью, ни грубостью. В 16 лет, после школы, Элька также уехала к сестре, тогда в Москву, и Женины письма ей читали все четвером: Элька, ее сестра Алька (их сестер зовут одинаково), муж Али, и друг мужа, который стал первым мужем Эльки.

Разговор получался скованным. И скованной была Женя. И не потому что они давно не виделись и не говорили, не писали. А потому что Женя вообще не знала, о чем говорить, и надо ли говорить о том, о чем она говорит. И письмо и разговор – были очередным шагом Жени в новую себя. Она вспоминала себя прошлую, еще больше – себя позапрошлую. Пыталась понять, как из позапрошлой она перешла в прошлую, и как из этих обеих выбраться в настоящую? И где эта настоящая? Ее – нет. И откуда ее взять?

Меж тем Элька, как обычно, быстро включилась в тему Жениных размышлений – сразу, прочитав письмо. Сама же Элька любила беседовать о чем-то во внешнем мире, высказывая рассуждение и отношение к происходящему вокруг – пусть и сиюминутное, но ей нужно было сразу о нём поговорить. Жания же сейчас была – вещь в себе. Но для Эльки – она была *вокруг*, вполне темой об окружающем мире.

– Володя был последний мужчина перед этим всем... – Жене все еще было неудобно вообще эту тему поднимать так конкретно: мужчины и отношения. Как-то у них с Элькой это никогда не водилось.

– ...воздержанием, – не дождалась Элька.

– Ага, (слово забыла). А про других сказать нечего...

– А ты мне рассказывала, – я помню! – что ты мужчин использовала. Я была поражена.

– Ой, ну Эль! Ну, и правильно была поражена. Потому что это не то, что можно подумать. Это нужно понимать специфику. Я сама только вот, после срыва позвоночника и поняла. Когда смотришь на себя с колокольни своих свежесобранных нравственных запросов – прежде всего, начинаешь безжалостно себя судить... И я решила тогда, что внутри меня была тайная мотивация иметь секс, потому что тело-то отзывалось и принимало...

– Ну, естественно, была – нормальная физическая потребность...

– Ну, вот, да, а тут такое навязчивое предложение: всегда пожалуйста. И то, что я им не умела достойно и во время отказать, я и истолковала впоследствии как использование. Каверза ситуации в том, что, когда мужчину не хочешь – не бдишь, *что* он себе вообразил, и куда эта ситуация движется. И кстати, всё очень неожиданно происходило и быстро. И вдруг оказываешься в его объятьях, и он уверен, что ты его хочешь...

– Ну, понятно. Занятно... Ну, да, я понимаю это состояние... Растерянность, да? В принципе, со всеми такое случается.

– Только у меня не *случалось*. Это происходило можно сказать системно. А вот после, посмотрев с религиозных колоколен, я всё это так оценила... Ну и видимо в этом есть всё же какая-то правда: что я потому не отказывала, что пользовалась этими моментами, чтобы удовлетворить таки как-то свой сексуальный голод... Ну, вот как-то так... Вот такое использование.

– Понятно... Ну, да... это как-то совсем другой оттенок... Психоанализ: эмоциональная выгода... И ты сочла это греховным?

– Ну, так в том и прикол. Поэтому – и назвала использованием.

– А так, чтобы просто было хорошо вдвоем не было, что ли, не разу?

– Ну вот, Володя – это был *мой* выбор. С ним сначала я как раз постигала раскрепощено-расслабленные свободные и комфортные отношения. Подруга-однокашница, Лиля, после долго ещё вспоминала: «Как он на тебя смотрел!» Кстати, мне все время кто-нибудь что-нибудь сообщает и запоминает об таком. Это получилось, что они меня на каникулы проводили вместе.

– А ты не очень к нему, да?..

– Да как это? Я тоже *на него смотрела!* И чувствовала! Но, в том и дело, что я твердо и уверенно – «так надо! – не надо, мол, привязываться, и терять свободу!» охладила и порыв, и наверное, взгляд...

– И что, вы тогда расстались?

– Да нет, причин не было, мы друг друга не напрягали: у нас были умеренно-дистанционные отношения. Осенью они продолжились. Он, в общем-то тоже был на той же волне...

– Ну, это понятно. Было начало этих времен.

– Вот и мы были – «в потоке». И вот от него-то я и ушла... А вот, когда я осознала то, о чем сейчас рассказала – весной четвертого курса тогда-то я и ушла. Вернее, отказала в сексе. Но мы еще общались – надо сказать! Он за меня переживал по поводу университета. Даже отругал один момент...

– Короче, у меня была огромная глыба отчуждения от мужчин. Вообще. Эта глыба ничему практическому, конечно, не мешала, ей и так было неплохо, она как будто ничего и не касалась... И, конечно можно было прожить и даже ее не заметить. Но я-то заметила... И наверное даже быть вполне успешной... И даже и сексом можно успешно заниматься: так, для себя *раскрепощенность*, когда вполне можно расслабиться и получить удовольствие (при наличии хорошего любовника, конечно) и уйти в любой момент, не жалея. Со спокойной улыбкой свободы и независимости: хочу – беру, хочу – уйду...

– Это называется «стерва».

– Ну, может быть... Никогда не понимала этого слова.

– А я тебе говорила – у тебя получилось бы ею быть... – настаивала нараспев Элька. – Ну, если без внутренностей.

– А, ну понятно... – подумала Женя, что ничего непонятно – куда без внутренностей? Элька любит говорить всякую абстракцию. – В общем, я увидела один вариант своей жизни, который мне был очень приятен, и в начале которого я уже и была. Я-то сама и назвала это – путь независимой женщины, вполне понятный и современный.

– Ну, да, это был нормальный тогда путь. И сейчас. А ты что хотела?

– Ну, я увидела, что этот путь – путь *внешнего* успеха... Такое довольно амазонистое состояние, надо сказать... А другой... вот, я его и выбрала... сейчас объясню, чего конкретно постижения... это полный туман был, конечно...

– То есть, а ты решила постигать зависимость?

– Это... сейчас скажу... сопричастности, что ли... а хоть и зависимости, почему нет? Служения мужчине.

– А откуда образ-то такой пришел?

– Ну... пришел... Конечно, я понимаю тех, кто меня не понимает. Ну, да, были у меня творческие способности и идеи... ну, вот, они похоже и ушли в эту область... Меня как-то кто-то спросил: а чем ты отличаешь любовь от влюбленности? Любовь и влюбленность начинаются одинаково, ведь, да? И там, и там хочется быть рядом с любимым. Я сосредоточилась на ощущениях, и поняла, что любовь – это когда, помимо всего, хочется ему служить. А если идти по пути независимости, то можно разучиться и служить и любить. Или не научиться... Просто я еще учитывала свой характер, я не умею «напополам». Я ухожу с головой. И если бы я пошла в независимость – я бы тоже ушла с головой.

– Поэтому ты и пошла *на кухни, к детям, и в церковь?*..

– ?.. – Женя удивилась. – Правда... очень интересно получилось. Ну, такое совпадение...

– Ну, никакого не *совпадение*, а – как раз по теме, – Женин туман для Эльки был яснее ясного.

– Ну, вообще-то да, а что?

– Ну, я к тому, что в это тоже ты ушла с головой, что ты у нас очень последовательная личность. В целом я понимаю твою последовательность... Ты постигала практическое служение мужчине в традиционных женских сферах... Хотя ты и раньше была вполне такой клушей – могла с утра до вечера уборкой заниматься, никуда не вытянешь. Не знаю, зачем так было себя еще погружать... и смотри... получается, что ты сделала то же самое по факту: отвязалась от чувств, ушла в независимость от них. То есть, ради постижения женского предназначения служения мужчине – ты отказалась от отношений с конкретным мужчиной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.